

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И РОССИЯ**

**Москва
1992**

Хорев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И РОССИЯ

Часть II

*Материалы
международной научной конференции*

Москва, 1992

Редакционная коллегия:

д. и. н. И. С. Достян,
д. и. н. И. В. Чуркина (отв. редактор),
к. и. н. А. В. Карасев

ISBN 5-201-00754-6

**© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992 г.**

ЗБОРНИК РАДОВА

Научни скуп

НАЦИОНАЛНИ ПРЕПОРОД БАЛКАНСКИХ НАРОДА

У ПРВОЈ ПОЛОВИНИ XIX ВЕКА

И РУСИЈА

Одговорни уредник – др. Чуркина И. В.

**Редакциони одбор: др. Достіан И. С.
др. Чуркина И. В.
мр. Карасев А. В.**

РОССИЯ И АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ
ЗЕМЛЯХ ДО 1850 ГОДА

I

Попытки султанов Селима III, Махмуда II и Абдул-Меджида провести реформы традиционных основ государственного устройства Османской империи, заменив их новыми, европеизированными институтами в армии, управлении и финансах, вызвали государственный, общественный и хозяйственный кризис. Этот кризис охватил как мусульманскую среду, так и покоренные христианские народы на Балканском полуострове. Правление Пазваноглу на Дунае и Али-паши Тепелены в Эпире и Албании наиболее четко отображали политическую дезинтеграцию в Османском царстве. С другой стороны, сербская и греческая революции (1804-1815 и 1821-1827) отразили глубокие социальные различия между балканскими народами и турецким правлением. Внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Турция с конца XVIII века вплоть до Крымской войны, а особенно после войны с Россией 1828-1829 гг., еще больше ухудшила внутреннее положение, прежде всего в области государственных финансов и в аграрно-правовых отношениях. Отмена янычарства в 1826 г., таких феодальных институтов как капетаны и капетании в Боснийском пашалыке в 1835 г., наследственных пашаларских хозяйств в 1830-1840 гг. в Старой Сербии и Македонии означала крупный шаг в укреплении центральной власти. Следует также сказать, что ликвидация спахийской системы и включение европейских правовых норм в новое гражданское законодательство подрывали основы шариатского права, на котором покоилась старая Турция. Все это между тем, в середине XIX века, вызвало новую большую волну противодействия со стороны турецких консервативных общественных слоев и, как следствие, массовое появление оппозиционных и сепаратистских антиреформаторских движений, прежде всего, в

европейской части Османской империи. Албанское движение скадарского везира Мустафы-паши и боснийского Гусейн-капелтана Градашчевича в 1831, 1832 гг. было направлено как против султана-реформатора, так и против предоставления гражданских прав христианской райе. Гольханейский хатти шериф 1839 г. со всеми переменами, которые он санкционировал и провозгласил, открыл новый этап внутреннего кризиса. Этот кризис, имел и другие причины: прежде всего был вызван заменой шариатского права гражданским законодательством. Он возник в югославянских землях главным образом как спор вокруг эксплуатации бывших спахийских земель, а точнее, в связи со сбором сельскохозяйственных налогов: во-первых, из-за сбора десятины и остальных поборов, взимаемых спахиями, и во-вторых, из-за способа взимания государственных податей, что Порта постепенно переложила на откупщиков, называемых илтизамджиями. Ввиду всех этих перемен, и новых трудностей в христианско-турецких отношениях, вызванных увеличением аграрной и налоговой эксплуатации деревни, особенно из-за неупорядоченных и постоянно ухудшавшихся аграрно-правовых отношений и упадка общественного порядка во многих областях империи, деревня и крестьянин оказались в весьма тяжелом правовом, общественном и экономическом положении не только в югославянских, но и в остальных балканских землях.

Наибольшая трудность состояла в том, что бывшие спахии повсеместно пытались навязать себя христианским селам в качестве правителей; и это насильственное, незаконное члглученье превращалось в крупную политическую проблему, вследствие массового, приобретающего все большую силу крестьянского сопротивления. Это сопротивление узурпации, нововведениям и насилию, направленных против интересов самых широких крестьянских масс и затрагивавших права райи, полученные ими по Гольханейскому хатти-шерифу, выразилось в ряде народных возмущений и восстаний, заговоров и миграций, особенно частых с 1830-х до 1850-х гг. Между тем, аграрно-правовая основа крестьянских дви-

жений, направленных против навязывания читлукских производственных отношений, и имеющих социально-экономические причины, подобные тем, которые имелись в Шумадии накануне 1804 г. и в Элладе накануне 1821 г., все больше оборачивалась против турецкой государственной системы, которая не могла предоставить защиту райе в ее законных правах на свободу личности, имущества и традиционных форм ее общественной жизни. Существование свободных национальных государственных организаций в Черногории, Сербии и Греции облегчало освободительное антитурецкое движение подданных Порты. Так, социальная и аграрная основа крестьянских движений у балканских народов приобретала все больше форму политической конфронтации и революционной освободительной борьбы.

Вследствие всего этого, крестьянские возмущения и восстания за период 1830–1850 год приобрели значение, выходящее из рамок внутривнутриполитических отношений между Портой и ее подданными прежде всего христианами. Россия, чье политическое и дипломатическое влияние на Порту значительно выросло после Адрианопольского договора, со своими расширенными правами в сфере консульской юрисдикции, защиты православных христиан и их религиозно-национальных прав не могла остаться в стороне от этих событий в Турции. Это особенно просматривалось в трех-четырёх случаях возникновения народных восстаний и возмущений, из которых, несомненно, самыми значительными были: народное восстание на территории так называемых Шести нахий (Тимок и Краина) в 1833 году; большое народное восстание в Нишском и Видинском санджаках в 1850 году; массовое движение вооруженных крестьян в Видинском санджаке 1850 г.; большой антитурецкий хаговор в Нишко-Лесковачском и Видинском крае в 1859–1860 г. в связи с так называемыми господарлуками.

В рамках нашего исследования остановимся на первых трех указанных случаях.

В сербской историографии народному восстанию 1833 г. на территории так называемых Шести нахий, в ее восточной половине, т.е. на Тимоке и в Неготинской Краине, посвящены труды Миты Петровича, Мих. Гавриловича, Гргура Якшича, Вл. Стоянчевича и других. Известно, что антитурецкое освободительное движение в этих краях, причинами которого были большие налоговые и финансовые злоупотребления со стороны местных органов турецкой власти, возникло вследствие подстрекательства со стороны князя Милоша и с его вооруженной помощью. Вмешательство княжеского войска в критический момент восстания (после больших жертв, понесенных повстанцами у Заечара) привело к тому, что видинский везир Иззет-паша воздержался от дальнейшего военного похода в восставший край, а русская дипломатия воспрепятствовала Порте выступить, как это в один момент казалось, и с войском "низама".

Юридический предлог для занятия сербами оставшейся части территории Шести нахий содержался не в статье VI Адрианопольского договора, а в Отдельном акте о Сербии Аккерманской конвенции, которую Россия заключила с Турцией в 1826 г.; а также в VIII статье Бухарестского договора 1812 г. В связи с настойчивостью князя Милоша в этом вопросе, царское правительство поддержало это требование, так как речь шла о невыполненном турецком обязательстве, относившемся ко времени русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и Первого сербского восстания 1804-1813 годов. Это было, как кажется, единственное вооруженное движение сельского населения (хотя и общенародного характера), которое царское правительство не сочло социально-политическим переворотом, так как, по всей вероятности, находило, что VIII статья Бухарестского договора придает ему легитимистскую основу. Но все же, понадобилось целых двадцать лет ожидания сербского народа, чтобы довольно обширная территория и несколько тысяч жителей освободились от ту-

рецкого управления в соответствии с УШ статьей Бухарестского договора.

После 1833 года в Нишской области и в Старопланинском загорье произошло несколько малых и больших народных возмущений и восстаний (1835, 1836, 1837 гг.). Но они не завершились успехом, так как тамошнему населению не была оказана помощь извне, которая больше всего ожидалась из соседней Сербии и из России. Ункляр-Искелесийский договор был несомненно одним из препятствий для привлечения внимания России к этим аграрным движениям и восстаниям, в которых несомненно проявилось стремление к полному освобождению от турецкой власти и присоединению к Сербскому княжеству, в чем-то сходное с успешной деятельностью тимочан и краинцев в 1833 году.

В значительной мере иной была ситуация во время великого народного восстания в Нишском и Видинском санджаках, вспыхнувшего в 1841 г.

В историографии о восстании 1841 года, особенно в Нишском санджаке, много раз был поставлен вопрос о роли пребывания в Сербии российского эмиссара барона Ливена и надворного советника Кодинеца. Первый из них, направленный со специальной миссией в Константинополь для получения точной информации о возвращении большинства уставобранителей из эмиграции в Сербию, пробыл короткое время в Белграде, как раз за несколько дней до того как вспыхнуло восстание в пограничных областях Турции. В Белграде Ливен, кроме служебных контактов с сербскими государственными деятелями, разговаривал еще и с некими заговорщиками — вождями подготавливаемого восстания из Нишко-Лесковачского и Пиротского краев, которые еще ранее, а особенно с начала 1840 года, много раз жаловались как сербскому правительству, так и российскому консулу в Белграде на турецкие злоупотребления и притеснения. Княгиня Любица, доверительно ознакомленная с интенсивной тайной подготовкой к крупному социально-политическому выступлению против

власти Османской империи, вместе с князем Михаилом, через министра иностранных дел княжества, оповещала об этом русского и французского консулов в Белграде, стремясь обеспечить их поддержку перед своими правительствами.

О пребывании Ливена в Сербии и о его контактах с народными представителями из Турции, которые как известно, действительно состоялись, больше всего до настоящего времени представил документов (преимущественно на основе французских и дипломатических материалов) историк Воислав Вучкович. Согласно его данным, барон Ливен даже в Крагуевце принял одну депутацию "заговорщиков" из восьми человек, которые готовили восстание в нескольких нахиях Нишского санджака. Далее он пишет: "Перед отъездом из Сербии Ливен задержался на несколько дней в Белграде. Он, его помощник капитан генерального штаба Штарк и Ващенко резко и открыто говорили о насилиях в Турции и о бесплодности попыток западных держав этот "труп сохранять". - "Нет доказательств, - заключал В. Вучкович, - что Ливен категорически выступил за поднятие восстания. Известно только то, что во время встречи с депутацией в Крагуевце он советовал вручать петиции с народными жалобами Порте через специальных представителей, и что он "обнадежил" своих собеседников обещанием поддержки России. Обещание Ливеном российской помощи согласовалось с правом России, полученным ей по договорам, защищать православных в Турции. О мятеже он, по всей вероятности, не говорил бы перед большим собранием. Если совет и был подан российской стороной, то, возможно, это было сделано через доверенное лицо. Во всяком случае, если бы Ливен не "обнадежил" заговорщиков за несколько дней перед началом повстанческих действий, вероятно они не были бы так быстро начаты". В. Вучкович подчеркивал и то, что "спустя девятнадцать лет, после возвращения к власти, князь Милош в разговоре с французским консулом открыто свалил на Ливена ответственность за Нишский мятеж", т.е. за восстание на территории нескольких

нахий Нишского санджака.

Каково было участие Ливена и посредническая позиция российского правительства в превращении народного недовольства турецким управлением в восстание – вот вопрос, требующий компетентного ответа, т.е. новых архивных исследований. Вучкович привел данные, для него убедительные, на основе тех материалов, которыми он в свое время располагал. Между тем, когда Ливен снова оказался в Сербии в 1842 г., из его деятельности, а именно из его активного участия в защите вождей восстания 1841 г., заключенных в тюрьму в Сербии новым правительством, пришедшим к власти после падения князя Михаила, можно угадать, что с российской стороны была сделана попытка оказать давление на Порту в каком-то определенном смысле и с политически определенными результатами. Как нам на основе сербских официальных документов представляется, эти результаты могли заключаться в предоставлении широкой локальной автономии повстанческим областям или даже передаче управления на территориях охваченных восстанием (в то время или несколько позже) под опеку сербского князя с полным сохранением султанского суверенитета над ними, но при устранении на местах турецких органов власти. Царское правительство, казалось, имело и еще один альтернативный проект о присоединении к Сербии соседних турецких областей, известных своими частыми крестьянскими движениями и восстаниями. Таким путем оно надеялось как бы остановить дальнейшее расширение антитурецких социально-экономических движений на Балканах и усложнение положения там, которое приобретало широкие международные масштабы. Последнее было следствием значительно увеличившегося интереса Великобритании и Франции к Балканам, прежде всего к его южно-славянскому населению.

Для уяснения вышесказанного, чтобы была видна основа крестьянского недовольства турецким управлением, с чем должно было считаться царское правительство в своих за-

просах к Порте, стоит изложить известную записку Вука Караджича о том, чего хотела добиться "райя" от турецкого государства. Эти требования включали десять пунктов: I. Отменить читлуки. 2. Не передавать десятину на откуп. 3. Отменить военный налог. 4. Все подати свести в одну и собирать два раза в год самими сербами, а не турками. 5. Предоставить христианам право иметь свой суд. 6. Предоставить им право быть пандурами и бульукбашиами. 7. Турки, не имеющие работы, не должны ходить по селам. 8. Ограничить прежнюю обязанность предоставления ночлега. 9. Содержание турецких войск оплачивается по рыночной цене. 10. Право иметь оружие предоставляется христианам или отбирается у турок.

И хотя точно неизвестно происхождение этих требований, записанных Вуком под заголовком "Некоторые сербские требования к Порте", ясно, что они возникли в пограничных с Сербским княжеством областях Турции, по всей вероятности, на территории Нишского санджака. Но независимо от этого, с большими или меньшими изменениями и дополнениями, это были требования большинства населения всех соседних с Сербией турецких санджаков, в которых было тождественным или сходным общественно-экономическое положение крестьянства, находившегося под турецким управлением, после провозглашения Гюльханейского хатти-шерифа и отмены спахийской аграрно-правовой системы в христианских селах. Это особенно относилось к Боснийскому пашалыку, Новопазарскому пашалыку, Нишскому, Софийскому, Видинскому санджакам, а также к Приштинскому, Печскому и Призренскому санджакам. Нил Попов указывал, что при подготовке восстания 1841 г. принималось в расчет крестьянское движение и в Приштинском, Новопазарском и Призренском пашалыках и что в этих краях руководителем был Марко Аврамович Вучитранц, а помощь ему оказывало известное число видных народных представителей. Жалобы и иски из всех местностей указывали на идентичность причин появления антитурецких настроений и

на освободительную сущность народного восстания.

В связи с восстанием 1841 года, известно, что Т. Вучич занимался обширными полицейскими расследованиями с целью узнать истинную роль барона Ливена во время его пребывания в Сербии и что с той же целью он проводил следствие над вождями восстания, которые оказались в Сербии после его поражения. Было естественным и то, что и российское правительство собирало данные о причинах восстания, а особенно о тяжелых последствиях для населения его подавления, послав с этой целью на Балканы советника Кодинца. Со своей стороны, сербское правительство, между прочим, как только получило весть о начале восстания известило об этом иностранных консулов в Белграде, и особо российского посланника в Константинополе Титова. Порта же, оказавшись в большом замешательстве относительно истинных причин восстания, очень хотела, со своей стороны, выяснить действительную цель миссии Ливена среди сербов, особенно его контакты с турецкими подданными, вождями вспыхнувшего восстания, о которых она кое-что и узнала.

Как известно, в сербской и болгарской историографии не известно ничего определенного о результате миссии Ливена. Несомненно было наличие известных, посреднических эффектов, исходя уже из официальной политики российского посольства в Константинополе и принципиальной позиции царского правительства относительно права России защищать интересы православных христиан в Турции. Точно также, десятки жалоб и просьб, направленных большей частью через российского консула в Белграде Ващенко царскому правительству в первой половине 1841 года из мятежных областей Турции, не могли не произвести впечатления в Петербурге, а, следовательно, не вызвать дипломатических шагов в отношении Порты, чтобы более эффективно защитить сербскую и болгарскую райю в восставших областях. Хотя и косвенным образом, известно, что Порта, послав Якуб-пашу, поступила мудро и осторожно при умиротворении восстания и при

расследовании башибузукских погромов населения. Эти шаги она должна была непременно предпринять как вследствие давления российского правительства, так и выполняя обязательства, вытекавшие из ранее заключенных русско-турецких договоров.

Между тем, в отечественной и иностранной историографии окончательно не выяснено, в чем заключались конкретные шаги российского правительства, в чем проявилась разница его подходов и подходов Порты к вопросу о точном выполнении гарантии безопасности для христиан мятежных областей, и в чем, опять-таки, состояло препятствие для совместного выступления великих держав, связанного с требованием реализации Гюльханейского хатти-шерифа. Насколько известно, ни в одном труде по истории Османской империи, Восточного вопроса или отдельных балканских народов, как и русской историографии о российско-турецких отношениях того времени, хотя бы приблизительно не рассматривается эта многосложная и важная проблема положения христианского населения на Балканах, причины этого крупного народного восстания 1841 года.

Известно только, что Россия и Франция — последняя через анкетирование, проведенное А.Ж.Бланки по приказу французского министерства иностранных дел непосредственно после подавления восстания — были, по всей вероятности, единственными европейскими державами, проявившими интерес к неупорядоченности аграрно-правовых отношений в Турции, к серьезности и остроте социально-экономических и политических столкновений между турками и христианами, а также к причинам, ходу и непосредственным последствиям восстания 1841 года. Важнейшие материалы по всем этим вопросам, включая и двести с лишним жалоб и просьб, направленных, как свидетельствует Нил Попов, сербские и болгарские источники царю Николаю и некоторым российским официальным лицам, находятся именно в русских архивах. Публикация австрийских документов о восстании 1841 года под редакци-

ей Ст. Романского, объемна и полна многими данными, но не характеризует в удовлетворительной степени социально-политическое и экономическое положение сербского и болгарского населения в Нишском и Видинском санджаках и окрестных областях и не даст возможности получить настоящую картину правового, экономического и политического положения южнославянского крестьянства под турецкой властью в 1830-х и 1840-х годах.

Возникает закономерно вопрос, почему Россия, а с ней вместе и Сербское княжество не оправдали надежд балканского, прежде всего православного, крестьянства на освобождение от турецкой власти во время последовательно повторявшихся больших и малых мятежей и восстаний четвертого и пятого десятилетия XIX века? Что случилось? Почему очевидная и эффективная помощь российского царя балканским народам в первое время после Адрианопольского договора прекратилась по прошествии нескольких лет? Почему царское правительство, которое не только в политическом, но и финансовом отношении (получение большой военной репарации) держало Порту в своих руках, приложило мало усилий для защиты райи в юридическом, финансовом и политическом отношении от громадного увеличения читлук-сажибийских и башибузукских беззаконий? Авторитет великого и мощного православного царя был так велик, что было непонятно, почему турецкие государственные власти могли, даже несмотря на изданный Гьельханейский хатти-шериф, проявлять толерантность к огромной деградации общественного и экономического положения населения, почему в то же время обращения народа непосредственно к России (и Сербии) остались без существенных результатов для отношений между Портой и ее христианскими подданными?

При рассмотрении воздействия международных факторов, которые в 1830-х и 1840-х годах могли влиять на внутреннюю политику Османского царства и на его отношение к христианской райе, особое значение, с учетом международных

договоров и обязательств Порты, придавалось трем договорам: Ункяр-Искелесийскому и Мюнхенгретскому от 1833 г. и Лондонскому от 1841 г. Первые два договора имели характер двустороннего урегулирования межгосударственных отношений: первый - между Россией и Турцией, второй - между Россией и Австрией, но касался их совместной политики по отношению к Турции. Третий договор был заключен между Турцией и европейскими великими державами. Все эти договоры вопреки духу и смыслу Адрианопольского договора имели, большей частью опосредованно, характерную черту легитимистской политики - принцип сохранения целостности и суверенитета Османского царства с учетом особых интересов отдельных великих держав в этом регионе, а также и всех великих держав по отношению к Турции и между ними самими. Вопрос о положении христианской райи, т.е. практически громадного большинства балканских народов, находившихся под турецкой властью, и в национальном и социально-классовом смысле был отнесен на задний план. Тем самым и все попытки подданных Османской империи поднять мятежи и восстания против турецкой власти отходили на второй план и не могли быть причиной серьезного ухудшения отношений между Портой и великими державами, считавшими это прежде всего внутренним делом Порты.

Как писал Горяинов, Ункяр-Искелесийский договор от 26 июня 1833 года на первый план выдвигал потребность сохранения мира, дружбы и союза между Россией и Турцией, а затем в конкретной форме утверждал взаимные права и обязанности, прежде всего относительно помощи России Турцией по обороне от внешних неприятелей, а затем и в вопросе прохода российского черноморского флота через Босфор и Дарданеллы. С другой стороны, Мюнхенгретская конвенция от 6/18 сентября 1833 года, которую заключил граф Нессельроде с князем Меттернихом, в сущности означала ревизию права исключительного покровительства России Османской империи в пользу "согласованных действий России и Австрии в

случае ее падения".

Из двух тайных статей Мюнхенгретцкой конвенции одна относилась к египетскому вопросу, а другая — как к проблеме сохранения турецкой власти на Балканах, так и к согласованию взаимных интересов России и Австрии в случае падения Турции. Эту вторую статью Горяинов толковал в том смысле, что Россия и Австрия будут держаться полного согласия и солидарности во всем, что касается учреждения нового порядка, имеющего заменить существующий в настоящее время, и сообща будут иметь наблюдение за тем, чтобы изменения, совершившиеся во внутреннем строе этой империи, не могли нанести ущерба ни безопасности их собственных владений, ни правам, обеспеченным за ними трактатами, ни европейскому равновесию". Другими словами, императорские дворы и правительства в Петербурге и в Вене должны были руководствоваться принципом согласованности и солидарности, когда речь шла о каком-либо вопросе внутренней политики Турции, если он касался интересов России или Австрии в Турции.

Таким образом, свое весьма благоприятное дипломатическо-политическое преобладание в Турции, созданное Адрианопольским договором 1829 года, царское правительство променяло в Мюнхенгретце на будущие взаимные договоры с Австрией!

Между тем, с обострением египетской проблемы и столкновением великих держав в Восточном вопросе в целом, в результате дополнительного соглашения, были подписаны первая и вторая Лондонские конвенции 1840 и 1841 года. Практическим результатом этого явилось то, что Россия в будущем, кроме Австрии, должна была разделить покровительство Турции с Францией и Англией. Это новое распределение силы и влияния великих держав сыграло большую роль и в политике Порты по отношению к мятежам и восстаниям ее подданных на Балканском полуострове, и в принципиальной позиции и активности России по отношению к ним.

На изменение положения дел на Балканах большое влияние оказало объявление Гюльханейского хатти-шерифа 1839 года. Его провозглашением Порты хотела удовлетворить в принципе своих христианских подданных, но вместе с тем и отразить дальнейшее вмешательство европейских держав, прежде всего царского правительства, во внутренние дела Турции.

В своем исследовании о российской политике по отношению к Порте и русско-турецких дипломатических отношениях Жигарев с полным правом отметил, что с одной стороны Гюльханейский хатти-шериф заставил обратить внимание Европы на христианские народы в Турции, а с другой — повлиял на отношения России к Порте и ее христианскому населению и, главное, заставлял это последнее более доверчиво относиться к западным державам. В Гюльханейском хатти-шерифе Жигарев видел политический жест Турции, заключавшийся в том, чтобы именно по вопросу защиты христиан породить, по возможности, разнь между Россией и остальными великими державами. При этом настаивалось на большом значении, которое этот правовой акт — некая форма конституции в Турции — мог иметь для дальнейшего улучшения положения немусульманского населения в Турецком царстве. Имеются указания на то, что Николай I поддался надежде на возможность мирного изменения внутренней политики Турции, а потому — этого "большого человека на Босфоре" нужно было оберегать от внутренних социально-политических потрясений, перенеся решение проблемы ее отношений с подданными на совместное усмотрение правительств европейских великих держав.

В политике России по отношению к Турции в 30-40-х гг. XIX века Жигарев видел также и проведение принципа Священного союза относительно борьбы с идеологией и движениями, чья цель заключалась в изменении социальных основ, на которых покоилось политическое равновесие европейских государств и безопасность легитимистских европейских дворов и правительств. Как полагал Жигарев, это относилось и к

Турции, за которой Венский конгресс признал право на сохранение территориальной целостности. "Исходя из идеи Священного Союза и признавая существенно необходимым всюду поддерживать законный порядок, петербургский кабинет эти коренные начала своей западной политики усиленно применял и к делам Востока, открыто выражая свое решение не поощрять стремлений христианских подданных Порты освободиться из под ее деспотической власти". В подтверждение своего суждения Жигарев приводил инструкцию князя Нессельроде российскому послу в Вене от 25 июля/6 августа 1845 года, в которой говорилось, что "по случаю почти повсеместных восстаний в Турции" необходимо воспрепятствовать любому движению и "заговору" против Порты, так как они шли вразрез с основным направлением российской восточной политики. Государь, говорилось далее, выразил свое строгое осуждение заговору, направленному против Порты, — заговору, основанному на революционных началах, всегда нами осуждаемых, и каждую минуту способному произвести пожар на всем Востоке".

Участившиеся политические и социальные волнения, особенно в турецких селах, главным образом вблизи границ Сербского княжества в 1843 и 1844 гг., вызвали беспокойство царского правительства. Оно опасалось повторного возникновения на международной арене Восточного вопроса (теперь относительно Балкан), разрешение которого ему бы было трудно контролировать, не вызывая при этом ревности Австрии и других западных держав. Таким образом, нежелательными были не только движения христианского населения, но и мусульман-албанцев в Албании и мусульман-славян в Боснии, а особенно столкновения многочисленных народностей и конфессиональных группировок в Леванте. Российская дипломатия должна была идти на то, чтобы "поддерживать Порту в ее усилиях усмирить взбунтовавшихся подданных и вернуть их к покорности", — отмечал Жигарев. Одновременно с тем, русским дипломатическим и консульским аген-

там в Турции и Греции поручено было объявить старшинам местных христианских общин, что им нечего надеяться на помощь России, которая не может одобрить их восстания; эмиссар же возродившейся гетерии, прибывший в Петербург с секретными положениями, получил строгий выговор, и вскоре же был выслан из столицы".

Отказываясь от активного вмешательства во внутренние дела Турции, царское правительство настояло на том, чтобы положение на Балканском полуострове, т.е. в провинциях Османской империи поддерживалось в рамках законности, установленных султанскими властями. Активный интерес Петербурга к положению южных славян просматривался в поддержке и в усилиях, предпринимаемых российской дипломатией, в первую очередь через своего представителя в Константинополе, по вопросам реформ управления, признания и реализации общих (подданнических) прав райи, предоставления юридической защиты жизни и имущества христиан, более справедливого распределения и сбор налогов; свободы вероисповедания.

Входило ли российское правительство глубже в общественно-политическое положение христианского населения, находившегося под турецкой властью, в аграрно-правовое состояние южнославянского крестьянства — вопрос, который следует изучить. Из того что известно, можно кажется заключить, что российская дипломатия не хотела энергичных действий, так как тот же вопрос не был решен в самой России (об отмене крепостного права). Между тем, аграрно-правовая проблема была основной в отношениях между южнославянским населением и турецким государством (которое в селе представляли, в основном, носители феодальной системы, соответственно государственной и феодальной эксплуатации). Эта проблема стояла не только перед Портой, но — вследствие народного сопротивления, мятежей, восстаний и эмиграции — и перед европейскими христианскими государствами, а прежде всего перед Россией и ее дипломатией. Мож-

но утверждать, что российская дипломатия указывала Порте на тяжелое положение крестьянского населения и хлопотала об его улучшении в соответствии с утвержденными основами турецкого законодательства. Сохранение европейского равновесия и на этот раз требовало, чтобы по отношению к Турции проводилась примирительная политика вопреки большому количеству жалоб и просьб подданных Порты, обращенных к европейским дворам и правительствам, об облегчении крайне тяжелого положения христиан как в городах, так и в селах.

Новое соотношение сил между великими державами после 1841 года отразилось и на балканской политике России в 40-х гг. XIX века. Россия по-прежнему отказывалась от активной помощи политическим движениям балканских христиан против Османской империи, но все с большей энергией пыталась защитить райу от турецких властей. В этом смысле граф Нессельроде и давал инструкции Титову в Константинополь. Российские консулы в Валахии и Молдавии советовали болгарским эмигрантам воздержаться от повстанческих акций, но в то же время выдвигали и точку зрения, что лояльность христиан в Турции находится в зависимости от эффективных мер турецкого правительства по защите христиан; по ограничению возможности чиновников "совершать злодеяния и преступления по отношению к населению", а особенно по отпору башибузукским злодеяниям и незаконным поборам илтизамджий.

Заинтересованность России в улучшении положения на Балканском полуострове была много раз в подчеркнутой форме доведена до сведения Порты. 17 января 1844 г. сам царь Николай I требовал, чтобы Порта ему сообщила свою позицию касательно мер для защиты болгарского населения от насилия и преследований. Со своей стороны он осуждал те попытки антитурецкой политической деятельности, якобы ведущиеся от имени России и российского царя. Между тем, реальная обстановка, сложившаяся в отношениях между турками и христианами не указывала на их значительное улучшение. Царс-

кое правительство не мирилось с тем, что введение в жизнь государственных законов Турции, согласно султанским распоряжениям, проходит медленно. Царь Николай I уже давно считал, что Турция быстро идет к гибели, но опасался, что вторжение российского войска по призыву поработанных балканских народов довершит ее гибель.

Новая ситуация в Турции и вокруг нее требовала новых подходов к решению балканских проблем. Поэтому царь Николай I желал подготовить постепенный переход от старого к новому порядку вещей на Востоке; но добиться такого соглашения, по мнению русского правительства, возможно было лишь посредством системы поддержания, а не разрушения Турции. Основа для этого была заложена в Мюнхенгрее, для чего требовалось заполучить и согласие Англии. Отсюда и поездка царя в Лондон в 1844 году. А через Лондон при достижении соглашения с Великобританией можно было рассчитывать влиять и на Францию, которая также начала обнаруживать все больший интерес к положению балканских народов. Совместное европейское вмешательство в дела Османской империи, легче бы привело к решению балканскую проблему, являющуюся составной частью Восточного вопроса. Но европейские великие державы никак не могли достичь соглашения по делам Турции, и тем самым не могли найти основы для какой-либо общей деятельности в пользу турецких подданных на Балканах.

Революция в Европе и интервенция российской армии в Венгрии в 1849 г. отнесли на задний план внутренние дела Османской империи. Сербское княжество само приняло участие в помощи сербскому национальному движению в Воеводине, оставаясь в стороне от развития событий в соседних турецких провинциях. Эти обстоятельства дали Порте возможность отдохнуть от дипломатического давления Европы, но не надолго. Спустя год после подавления европейской революции вспыхнет большое народное восстание в Видинском санджаке, которое еще раз покажет всю сложность положения

населения этого региона под турецкой властью.

III

Весной 1850 года вспыхнуло большое народное восстание в нескольких казах Видинского санджака с центрами в Берковице, Белоградчике, Лом Паланке и Адлии (Куле). Основными его причинами, вследствие которых еще в 30-х гг. XIX века доходило до столкновения между райей и турками в тогдашнем Видинском пашалыке, были нерешенные поземельные отношения, споры относительно права на владение землей. Опираясь на прежнее положение, крестьяне христиане заявляли о том, что земля принадлежала раньше общинам, селам, т.е. была султанской (спахийской), что они были обязаны вносить только десятину и что агалуки силой навязали то, от чего Порты, ссылаясь на садразамский приказ 1845 года, отказывалась. Процесс захвата крестьянских земель после 1839 года принял самые широкие размеры, т.е. происходило обезземеливание крестьян и их пауперизация, из-за навязывания тяжелых читлукских и фискальных повинностей. Все это привело к возникновению больших социальных проблем для самых широких кругов населения, искавшего выход в политическом решении конфликтов и стремившегося к тому, чтобы власть Сербского княжества распространилась и на западные части Видинского санджака. Восстанию не была оказана помощь ни из Сербии, ни со стороны России. Оно было подавлено с большими жертвами, понесенными крестьянами. Об этом восстании много написано, в новейшей историографии — В. Стоячевичем, и Страшимиром Димитровым.

Видинское восстание 1850 года подавили башибузуки из отрядов местных начальников еще до того как подошли регулярные войска из Константинополя и Адрианополя. Видинский вали вернул авторитет султанской власти, но не подверг преследованиям повстанцев-крестьян армейскими силами. Это объясняется двумя факторами. Во-первых, российское войско было в Валахии и один из его отрядов располагался напро-

тив Видина в Калафате. Во-вторых, ожидалось политическое решение Порты относительно дальнейшего урегулирования отношений между мятежными крестьянами и читдук-сахибиями. Миссия султанского посланника Али Риза-паши имела своей целью ввести в практику дополнительные решения Дивана, т.е. Государственного совета Османского царства. Конечно, Порта понимала, что если Видинское восстание, чьи связи прослеживались вплоть до Нишского санджака, немедленно не подавить, оно может получить и широкое политическое значение, учитывая тот факт, что Россия и Сербия предоставили убежище большей части повстанцев, эмигрировавших в эти страны.

Что же касается первого фактора, то известно, что генерал российской армии в Валахии Дюгамель не только согласился принять в Валахии многочисленных беженцев из Болгарии, но даже и оспорил право султанского комиссара Ахмед Вефик-эфенди требовать репатриации беженцев и отдачи их под суд турецких властей. В то же время российский посланник в Константинополе Титов внес протест турецкому министру иностранных дел Али-паше против несоответствия деклараций Порты о правах подданных с практикой турецких правителей в провинциях. В дальнейшем, командование российской армией в Валахии послало в Видинский край своих доверенных лиц и агентов для сбора информации о причинах восстания и о репрессиях местных турок. Кроме того, капитан Мазарский взял на попечение двух представителей повстанцев из Видинского края и их жалобы направил царю. Нил Попов указывал, что российское войско, находившееся в Валахии, "не мешало возвращению порядка в Болгарии", но что его близкое присутствие оказывало влияние на видинского пашу, который воздержался от использования воинских подразделений против восставших. По мнению Страшимира Димитрова восстание в Видинском санджаке повлияло и на решение Николая I (от 29 июля 1850 г.) о продлении срока пребывания российского войска в Валахии до тех пор, пока восста-

ние полностью не стихнет.

В такой ситуации Государственный совет Османского царства вынес решение о том, что господарлуки, а именно спорные земельные владения, отберутся у читлук-сахибий и посредством выкупа перейдут во владение обрабатывающего землю крестьянина. Причину такой уступчивости Нил Попов объяснял страхом турок перед болгарскими требованиями о введении местных правителей из христиан и слухами о том, что эту должность получит или Милош Обренович или его сын Михаил.

Без сомнения, давние симпатии народа Видинского края к старому князю Милошу — освободителю Тимокской Крайны в 1833 году — были весьма сильны еще с 30-х гг. XIX века, а особенно в десятилетие, предшествовавшее восстанию 1850 года. Так как главные очаги революции в Венгрии были подавлены в 1849 году после сдачи венгерской армии при Виллагоше, российское правительство было заинтересовано в том, чтобы как можно быстрее реставрировать дореволюционные порядки в сфере международных отношений. Оно рассчитывало и на Турцию, которая со своей стороны согласилась убрать польских революционеров-эмигрантов из соседних с Россией областей и с проведением мер, вытекавших из танзиматского законодательства и Гюльханейского хатти-шерифа.

Интересно, что еще до начала восстания в Видинском крае Николай I, опасаясь влияния венгерской революции на соседние турецкие области, в 1849 году приказывал российским командирам в Валахии строжайше следить за развитием событий в Турции. Страшимир Димитров указывает, что еще в 1848 году царь дал письменную инструкцию командиру пятого кавалерийского корпуса генералу Сасфорду, в которой категорически указывалось, что если вспыхнет восстание за Дунаем, российские войска должны заменить турецкие силы в Валахии, чтобы Порта могла сосредоточить свои войска для подавления этого восстания.

В послевоенной советской историографии о развитии от-

ношений между Россией и Турцией в начале XIX века и о значении Адрианопольского договора 1829 года для будущей политики России по отношению к Турции писало много ученых, особенно А.Ф.Фадеев и И.С.Достян. В их трудах подчеркнут проводившийся Николаем I во внешней политике России принцип легитимизма, которого он придерживался довольно твердо. Это и мешало России оказывать непосредственную помощь православному христианскому населению в Османской империи даже тогда, когда народное недовольство турецким управлением превращалось в локальные мятежи или широкие народные восстания, как это было в 1841 году и в 1850 году. Это не значит, что Россия подобно остальным великим державам в Европе, совсем не предпринимала дипломатических акций по отношению к Порте с целью улучшить положение ее подданных в духе обязательств, вытекавших из ее прежних договоров с царским правительством. Это без сомнения влияло на ослабление репрессивных мер Порты по отношению к мятежному крестьянству, как можно видеть на примере Нипского и Видинского санджаков в 1841 и в 1850 годах, хотя злоупотребления местных правителей и антиреформистских общественных сил из турецкой мусульманской среды не могли быть полностью прекращены. Без представлений российских посланников Порте правовая, общественная ситуация населения во многих христианских краях была бы гораздо тяжелее.

В историографии все еще остаются недостаточно изученными все начинания и формы деятельности российского правительства с целью принудить Порту к законной защите своих подданных в период между Адрианопольским миром и годами, предшествовавшими Крымской войне. Фадеев с полным правом писал, что отдельные внешнеполитические акции царской России имели порой объективно положительные последствия и для народов других стран, т.е. и для Турции. Историк И.Достян о царской политике во времена Николая I придерживается мнения, что сотрудничество с балканскими народами противоречило интересам царизма, его контррево-

люционной идеологии и антинородной политике, что правительство Николая I воздерживалось от таких контактов и ввиду боязни осложнить войну дипломатическим конфликтом с великобританским или австрийским кабинетами, а, кроме того стремление не вовлекать в военные действия балканское население было следствием осторожности и учета опыта прошлых русско-турецких войн.

Принципы внешней политики Николая I вытекали из анализа реального положения России на международной арене и были путеводными идеями царской политики по отношению к Турции в 30-х и 40-х гг. XIX века. Исходя из этого рассматривался и вопрос о помощи и возможности освобождения балканских народов, находившихся под турецкой властью, прежде всего южнославянских народов. Южнославянское крестьянство в системе турецкой государственной организации разделяло судьбу всей этнической массы южнославянских народов в целом. Мятежами и восстаниями, протестами и заговорами, эмиграцией и изгнаниями оно выражало свое тяжелое, прежде всего общественное и экономическое положение в Османской империи. Оно, следовательно, ставило свое аграрно-правовое положение в фокус европейской дипломатии и политической деятельности как одну из основных проблем Турции, которая была решена с помощью России только в великой русско-турецкой и сербско-турецкой войне 1877-1878 годов.

В целях улучшения базы для исследования общественных отношений, политического состояния, материального положения и культуры южнославянского крестьянства, находившегося под турецкой властью, историческая наука, прежде всего русская, сербская и болгарская, выполнила бы громадный, ответственный и благодарный труд, если бы, совместными силами, всех заинтересованных сторон смогла приступить прежде всего к изданию архивного материала об аграрно-правовой проблематике и социально-политических движениях южнославянского крестьянства в XIX веке (до 1878 года),

а затем и к исследовательской обработке истории крестьянства в южнославянских землях под турецкой властью в XIX веке.

Источники и литература

Архивные источники:

Архив Ильи Гарашанина – Архив Србије, Београд.

Архив Йована Ристича. – Архив Историчког института, Београд.

Литература:

Поповић В. Аграрно питање у Босни и турски нареди за време реформног режима Абдул-Меџида (1839–1861). Београд, 1949.

Историја српског народа. Пета књига, први том. Од Првог устава до Берлинског конгреса 1804–1878. Изд. Српске књижевне задруге. Београд, 1981 (230–248).

Павловић Д.М. Покрет у Босни и у Албанији против реформа Махмуда II, Београд, 1913.

Гавриловић М. Милош Обреновић књ. 3, Београд, 1912.

Стојанчевић В. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966.

Стојанчевић В. Кнез Милош и Источна Србија 1833–1838. Београд, 1957.

Стојанчевић В. Јужнословенски народи у Османском царству од Јадренског мора 1829 до Париског конгреса 1858 године. Београд, 1971.

Стојанчевић В. Елементи економске експлоатације и друштвеног потчињавања у програмима национално-ослободилачких покрета код јужнословенских народа под турском влашћу око половине XIX века. – Зборник радова са Симпозиума: Ослободилачки покрети југословенских народа од XVI века до почетка Првог светског рата. Београд, 1976.

Јакшић Г. Европа и васкрс Србије (1804–1834), Београд, 1933.

Маринов Д. Политически движения и възста^{ни}е въ Западна България (Видинско, Ломско, Белоградчишко и Берковско). - Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, II, София, 1890.

Караџић Вук. Скупљени историјски и етнографски списи. Београд, 1898.

Стојанчевић В. Судбина вођа Нишко-лесковачког устанка 1841/42 године. - Лесковачки зборник. XI, Лесковац, 1975.

Стојанчевић В. Жалба Срба Врањанаца против Хусеин паше 1839-1842 године. - Лесковачки зборник, XIV, Лесковац, 1974.

Стојанчевић В. Жалба Лесковчана Томи Вучићу Перичићу из 1847 године. - Лесковачки зборник, XXV, Лесковац, 1985.

Стојанчевић В. Српска влада и одлагање народног устанка у Источној Босни и Херцеговини око средине XIX века (1847-1848). Балканика, XIII-XIV, Београд, 1982-1983.

Стојанчевић В. Башкалџићева афера у Западној Бугарској 1846 године. - Историјски часопис, XX, Београд, 1973.

Недељковић Б. Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 века до 1931. Београд, 1936.

Вучковић В. Српска криза у источном питању (1842-1843). Београд, 1957.

Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. Т. II. Москва, 1896.

Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

Попов Н.А. Положение раи в современной Боснии. - Славянский сборник. Т. I. СПб., 1875.

Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.

Хиндаловъ В.Т. Видинското възстание през 1850 год. Новооткрити документи. София, 1936.

Димитров С.А. Сербия и крестьянское восстание 1850 год в Болгарии.

Димитров С. Востанието от 1850 г. в България, София, 1972.

Достян И.С. Россия и Балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.

Ристић Ј. Спољашни одношаји Србије новијег времена, I (1848-1860), Београд, 1887.

История на България. Том I. Изд. Българска академия на науките. Институт за история. София, 1961.

К.В.НИКИФОРОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СЕРБСКОМ КНЯЖЕСТВЕ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ УСТАВОБРАНИТЕЛЕЙ

Период от начала 40-х гг. XIX в. до Крымской войны (1853-1856 гг.) характеризовался важными политическими событиями в истории Сербского княжества. В 1842 г. во главе его окончательно утвердилась группировка так называемых уставобранителей (т.е. защитников конституции). После прихода уставобранителей к власти был осуществлен ряд мер по формированию государственного устройства княжества, объективно способствовавших развитию страны по буржуазному пути. Одним из проявлений этого развития было ускорение процесса складывания сербской нации, роста сербского национального самосознания. В области внешней политики это отразилось в разработке в 1844 г. первой внешнеполитической программы Сербии, получившей позже название "Начертание" Илии Гарашанина. В последующие годы развернулась деятельность по началу реализации этой программы, которая в основном прекратилась в начале 1853 г. во многом вследствие отставки ее инициатора И.Гарашанина.

40-е - начало 50-х гг. XIX в. явились определенным этапом и в деятельности в Сербии представителей российс-

кой дипломатии. Отказ признать смену власти в княжестве со стороны правительства Николая I привел к резкому ухудшению русско-сербских отношений, к потере Петербургом своего доминирующего влияния в этой стране. Деятельность там российских консулов: Г.В.Ващенко, Г.И.Данилевского, Д.С.Лёвшина и Ф.А.Туманского не привела к возвращению этого влияния. В 1853 г. в связи с началом Крымской войны российское правительство было вынуждено отозвать своего очередного консула Н.Я.Мухина из Белграда; русско-сербские отношения были по существу прерваны.

Группировка уставообранителей захватила власть в княжестве в результате восстания Т.Вучича в конце августа 1842 г. Находившийся до этого на сербском престоле Михаил Обренович был вынужден бежать в Австрию, где уже находился в изгнании его отец, Милош Обренович. Новую власть должны были официально признать Турция и Россия. Однако их позиции оказались диаметрально противоположными. Возникший в связи с этим дипломатический конфликт между Россией и Турцией вошел в историю как сербский кризис 1842-1843 гг.

Спеша закрепить у власти, уставообранители в первых числах сентября 1842 г. созвали скупщину, на которой новым сербским князем был избран Александр Карагеоргиевич. Начальник Белградской крепости Чамиль-паша и специальный комиссар Порты Шекиб-эфенди одобрили "выбор народа". Через месяц в Белград было доставлено письмо от великого везира, в котором сообщалось, что султан подтвердил избрание нового князя и пришлет в Сербию своего специального посланника с бератом, узаконивающим Александра в княжеском достоинстве. Такой посланник - Эмин-паша - прибыл в Сербию в конце октября 1842 г. После этого в княжестве было сформировано новое правительство во главе с А.Петрониевичем, Т.Вучичем, С. и А.Симичами, И.Гарашаниным и другими¹. Таким образом турецкое правительство безоговорочно поддержало переворот, происшедший в кня-

жестве.

Начало сотрудничества уставобранителей с турецкими властями приходится еще на 1841 г., когда находившиеся в изгнании в Константинополе вожди уставобранителей вступили в контакт с главным эмиссаром правого крыла польской эмиграции в Юго-Восточной Европе Михаилом Чайковским. Члены сербской оппозиции жаловались ему на российскую дипломатию, которая в борьбе уставобранителей с Обреновичами поддержала князя Михаила. Используя сложившуюся ситуацию для ослабления русского влияния на Балканах, Чайковский выступил посредником между сербской оппозицией и Портой. Он действовал в духе политики своего руководителя Адама Чарторьского, разработавшего специальную программу возрождения польского государства. Так как главными врагами польской независимости глава правого крыла польской эмиграции считал Австрию и Россию, то применительно к Балканам была поставлена задача освобождения данного региона от австрийского и русского влияний. Для этого в Стамбуле и ряде балканских стран создавались агентства, целью которых было установление сотрудничества с различными антиавстрийскими и антирусскими силами, в первую очередь с турецким правительством. В своей деятельности Чарторьский рассчитывал на поддержку Франции и Англии. При содействии Чайковского турецкое правительство согласилось помочь уставобранителям вернуться на родину, за что те, в случае прихода к власти, должны были изменить антитурецкую направленность сербской внешней политики².

Совсем иначе отнеслось к сербским событиям правительство России. Оно усмотрело в них нарушающий принципы легитимизма революционный акт. Российский консул Г.В.Ващенко вместе с консулами Австрии, Франции и Великобритании посетил Чамиль-пашу и передал ему коллективный протест, в котором говорилось, что консулы "движение Вучича и Петрониевича против законной власти считают мятежным".

Причем Ващенко заявил, что отныне он будет поддерживать отношения только с белградским пашой как представителем законной власти. Последний пытался оправдать действия Вучича и резко выступил против коллективных действий консулов. Он подчеркнул, что только Ващенко имеет право вмешиваться во внутренние дела Сербии, а другие консулы являются фактически лишь "коммерческими агентами"³.

Российское правительство опасалось также, что события в Сербии приведут к ослаблению его влияния в этом стратегически важном регионе, которое и так к началу 40-х гг. было значительно поколеблено другими державами, в первую очередь Великобританией⁴. Одобрив в целом действия Ващенко, министр иностранных дел России К.В.Нессельроде все же выговаривал ему, что представителю покровительствующей державы, "которой присвоены в Сербии исключительные права, нельзя было так поступать, ибо его подпись "на коллективной ноте иностранных консулов есть некоторым образом признание... правильности вмешательства их во внутренние дела Сербии"⁵.

Особые подозрения у правительства Николая I вызвала связь уставобранительского режима с представителями польской эмиграции. О деятельности в Белграде агента этой эмиграции Людвика Зверковского-Ленуара сообщал российский консул. Ващенко доносил, что Ленуар сразу же по прибытии в Сербию предложил А.Петрониевичу вступить в тайные сношения с западными державами, чтобы привлечь их на свою сторону и устранить русское влияние среди других славяно-дунайских племен". Петрониевич, по словам русского дипломата, одобрил этот план, и через того же Зверковского соответствующее представление было послано Чарторыйскому в Париж⁶.

Получив сведения о поддержке Портой новой власти в Сербии, Николай I через российского посланника в Константинополе А.П.Бутенева передал письмо на имя турецкого султана Абдул Меджида, в котором заявил, что никогда не

признает "незаконное и несправедливое положение, произведенное мятежом", что с мятежниками он не желает иметь никаких сношений и что посылает в Сербию своего специально-го комиссара барона В.К.Ливена. Он, познакомившись на месте с положением дел в княжестве, прибудет затем в Константинополь, чтобы участвовать вместе с Бутеневым и министрами Порты в определении мер, которые будут приняты относительно Сербии⁷.

В конце ноября 1842 г. Ливен был в Белграде. Официальные сношения он поддерживал только с Чамиль-пашой, но в его присутствии имел возможность провести частные беседы с вождями уставобранителей Вучичем и Петрониевичем: сначала в Белградской крепости, а затем в российском консульстве. После совершенного переворота это были первые контакты представителя царского правительства с новым сербским руководством. В начале декабря Ливен отбыл в Турцию⁸.

Переговоры в Константинополе вокруг сербских событий завершились в апреле 1843 г. принятием Портой русских требований: немедленное удаление из Сербии Чамиль-паши, Вучича и Петрониевича и проведение новых выборов сербского князя. Узнав об этом, Вучич предлагал возглавить вооруженное сопротивление сербского народа, однако члены Совета решили покориться решению Турции и России, но просить Порту о дозволении Вучичу и Петрониевичу оставаться в стране до предстоящих выборов князя. Это оправдывалось тем, что в противном случае сторонники Обреновичей поднимут в княжестве восстание⁹.

В начале мая в Белград прибыл новый начальник Белградской крепости Хафис-паша. На постоянные требования Ващенко о высылке из Сербии Вучича и Петрониевича он отвечал, что ему было приказано выполнить это, но теперь, получив прошение от Совета об оставлении сербских старейшин до созыва скупщины, он запросил новых инструкций из Стамбула¹⁰.

В конце того же месяца из Константинополя возвратился

и барон Ливен. К нему была направлена специальная депутация с просьбой не настаивать на высылке из страны Вучича и Петрониевича. Ливен неожиданно пошел им навстречу. Было решено, что сербские руководители поедут не в Константинополь, как намечалось ранее, а в сербский город Крагуевац. Оставление в княжестве на время выборов Вучича и Петрониевича фактически предопределяло повторное избрание князем Александра Карагеоргиевича. Именно так и воспринял это решение один из лидеров нового режима Илья Гарашанин. Он писал, что даже не надеялся на столь благоприятное решение Ливеном просьбы сербского правительства¹¹.

По-видимому, В.К.Ливен был сторонником более гибких методов в отношении Сербского княжества, полагая, что иначе Россия не сможет вернуть свое влияние в этой стране. Поэтому, в отличие от Ващенко, он решил отказаться от усиления нажима на новое сербское руководство, вплоть до применения силы. Несомненно российский комиссар опасался также вызвать в княжестве новые волнения и беспорядки. Позиция Ливена показывает, что в русских правительственных кругах существовали различные точки зрения на решение вопросов, связанных с положением дел в Сербском княжестве.

После повторного избрания князем Александра Карагеоргиевича Ливен, посчитав свою миссию законченной, отбыл в Петербург. Сербское же правительство обратилось к султану и царю с просьбой утвердить результаты выборов и помиловать Вучича и Петрониевича. Но Николай I не пожелал откликнуться на это прошение. Более того, в Варшаве по пути на родину Ливен получил письмо от Нессельроде с приказом вернуться в Белград. Деятельность российского комиссара в целом была одобрена, кроме невыполнения постановления об удалении из Сербии Вучича и Петрониевича. Требование это Ливен должен был подкрепить угрозой, что до тех пор, пока сербская сторона не выполнит данного обязательства, Александр не получит султанского берата, утверждающего его князем. Вернувшись в Сербию, Ливен сообщил о таком

решении Ващенко. Он говорил также, что в случае необходимости российское правительство готово употребить меры "к усмирению бунтовщиков"¹².

Речь шла о намерении Николая I послать в Сербию 20-тысячный корпус, расквартированный у Могилева. По этому поводу уже велись переговоры с венским двором, который дал согласие на пропуск русских войск через австрийскую территорию¹³.

В такой ситуации Вучич и Петрониевич были вынуждены покинуть Сербию и отправиться в Болгарию. Оттуда, несмотря на то, что одной из основных причин ссылки была связь с агентами польской эмиграции, Петрониевич писал эмиссару Чарторыйского в Лондоне В.Замойскому, у которого просил содействия в том, чтобы изгнание не было долгим. После отъезда старейшин, в начале сентября 1843 г. был, наконец, получен берат султана, который по предварительному согласованию с царем, подтвердил правильность избрания Александра Карагеоргиевича. Причем по этому берату Александр не получил право наследственной власти¹⁴.

Выполнивший теперь уже окончательно свою миссию барон Ливен не спешил покидать Белград. Только в ноябре, дождавшись нового российского консула Г.И.Данилевского, который заменил испортившего отношения с уставохранителем Ващенко, он выехал в Петербург. Перед своим отъездом В.К.Ливен установил довольно хорошие отношения с сербским руководством, обещая ходатайствовать о скором возвращении Вучича и Петрониевича, так как это "желание народа и необходимость для Сербии"¹⁵.

Политику Ливена продолжил и консул Данилевский. Правда, его сношения с сербским правительством чуть было не испортились из-за советов проявлять снисхождение к арестованным участникам заговора сторонников бывшей династии Обреновичей в самом конце 1843 г. Просьбы Данилевского были истолкованы как попытка России оказать помощь заговорщикам. Но, когда он предложил в обмен на помилование

участников заговора добиться для князя Александра титула "светлости", который был у Михаила Обреновича, и возвращения в Сербию Вучича и Петрониевича, сербское руководство сразу же согласилось¹⁶.

До этого на все просьбы сербского правительства о возвращении Вучича и Петрониевича Петербург отвечал отказом. Так, в ноябре 1843 г. Нессельроде писал князю Александру, что "возвращение Вучича и Петрониевича было бы теперь неудобно". После же ходатайства Г.И. Данилевского правительство России пожаловало Карагеоргиевичу титул "светлость", а в начале апреля российский консул сообщил князю о получении письма от Нессельроде, где вице-канцлер писал о намерении царя одобрить возвращение изгнанных старейшин до конца мая 1844 г. Отношения Данилевского с сербским руководством вновь улучшились. Гарашанин писал, что, хотя Россия и назначила пенсии бывшим министрам Михаила Протичу и Радичевичу, правительство княжества решило не обращать на это внимание. "Мы с русским консулом, — объяснял он, — в хороших отношениях и с каждым днем отношения все улучшаются..."¹⁷

Но ожидаемое возвращение Вучича и Петрониевича не состоялось. Нессельроде через Данилевского уведомил князя Александра об отказе. Он сообщил, что "соизволение государя императора приостановилось единственно вследствие получения из Вены известий, будто Вучич и Петрониевич имеют весьма близкие и частые сношения с некоторыми возмутителями из поляков", которые в разных областях Турции, в том числе и в Сербии, стараются "поколебать внутреннее спокойствие края для достижения злонамеренных видов своих". Окончательно вопрос о Вучиче и Петрониевиче, писал Нессельроде, будет решен, когда станет ясно, "до какой степени справедлива весть о соучастии Вучича и Петрониевича в замыслах польских эмиссаров"¹⁸.

Узнав о том, что их возвращение откладывается, Вучич и Петрониевич отправились в Константинополь, чтобы лично

добиваться отмены наказания. Там, ожидая окончательного решения, они вновь установили контакты с Михаилом Чайковским. Однако это осталось неизвестным российскому правительству. Напротив, посчитав, что сведения из Вены "не подтвердились положительным образом", оно согласилось на возвращение вождей уставобранителей на родину¹⁹.

Не успели Вучич и Петрониевич вернуться в Белград, как в сентябре 1844 г. княжество потрясло восстание сторонников Обреновичей, известное под названием "Катанска буна". Г.И.Данилевский раньше всех в Белграде получил известие о начале восстания и сразу же оповестил об этом сербское правительство. Интересно, что это было первое подробное донесение о восстании, которое получило руководство Сербского княжества и во многом благодаря которому оно смогло во-время предпринять необходимые меры для его подавления. Если до Катанской буны Данилевский неоднократно добивался предоставления пенсий бывшим сербским министрам и советникам Михаила Обреновича, то после нее он писал бывшему министру С.Радичевичу, что больше выступать в качестве посредника не будет. Он подчеркивал, что выступает против любых интриг, направленных во вред нынешнему сербскому правительству, так как оно "удостоено утверждения покровительствующего и владетельного дворов"²⁰.

Еще в начале 1844 г. было разрешено отправить в Сербию из России большую партию оружия. Нессельроде писал новому посланнику в Константинополе В.П.Титову, что, "приняв в уважение, что обстоятельства, по коим вывоз оружия в Сербию был приостановлен, миновали", царь разрешил поставку оружия. Постоянно оказывалась помощь сербской православной церкви. В конце 1844 г. Данилевский ходатайствовал о посылке в княжество церковных книг и о разрешении направить на учебу в семинарии Петербурга, Москвы и Киева шестерых молодых сербских священников. Российский консул писал, что это "оградило бы надежным

образом православие сербского народа от того влияния, которое вкрадывается ... от католицизма из Австрии". В 1846 г. обе эти просьбы были удовлетворены²¹.

Тогда же по просьбе Г.И.Данилевского российское правительство наградило сербского князя орденом Св.Анны I-й степени. Это было новым подтверждением законности правления Александра Карагеоргиевича, так как до него таким орденом были награждены и все предыдущие сербские князья. По поводу вручения орденов Нессельроде послал Александру письмо, в котором писал, что из донесений консула Данилевского в Петербурге известно о постоянных усилиях сербского князя по "утверждению спокойствия и благосостояния сербского народа"²².

И все же в Петербурге к сербскому руководству относились с большим недоверием, чем казалось бы должно следовать из донесений Г.И.Данилевского. В 1847 г. сербское правительство поставило вопрос о получении Александром Карагеоргиевичем права наследственной княжеской власти. На запрос Порты по этому поводу посланник в Турции В.П. Титов ответил только формальным согласием. Он заявил, что "императорский двор, желая оказать внимание к законным правам верховного обладателя Сербии, не намерен противиться такому признанию". Вместе с тем Титов, выражая мнение российского МИДа, указывал, что не следует делать это "с торопливостью", так как этим признанием Порты, "с одной стороны, лишит себя чрез то средств для дальнейшего поощрения Александра к упрочению благосостояния Сербии, а с другой, в случае преждевременной его смерти, подвергнет Сербию опасности быть жертвой внутренних раздоров и безначалия, так как малолетство сына его потребует назначения к нему попечителей"²³.

Как упоминалось, 40-е гг. в истории княжества характеризовались разработкой первой внешнеполитической программы Сербии, известной как "Начертание" Илии Гарашанина. В этом строго законспирированном документе нашла свое

выражение существовавшая и в предыдущий период идея объединения вокруг Сербии других южнославянских областей, прежде всего находившихся под турецкой властью. Причем это объединение мыслилось с великосербских и консервативных позиций, соседние земли просто включались в состав Сербского княжества. Кроме того, внешнеполитической программе была придана антирусская направленность²⁴.

На разработку "Начертания" большое влияние оказала деятельность уже упоминавшегося правого крыла польской эмиграции. Сразу же после первого избрания князем Александра Карагеоргиевича А.Чарторьский послал вождям уставохранителей послание, в котором сформулировал свои советы по вопросам внешней и внутренней политики Сербии ("Советы" Чарторьского). Весной 1843 г. в княжество для оказания уставохранителям помощи во время повторных выборов князя нелегально ездил М.Чайковский. Он встречался с Александром, Петрониевичем, Вучичем и Гарашаниным. Было решено установить постоянное тайное польское агентство в Белграде. В конце 1843 г. в этих целях в Белград прибыл польский агент Франьо Зах, заменивший Л.Зверковского. В мае 1844 г. Зах передал Гарашанину составленный для него "План" о задачах сербской политики. На основе этого плана И.Гарашанин сформулировал программу "Начертание"²⁵.

В целом Гарашанин принял главные идеи "Советов" Чарторьского и "Плана" Заха относительно того, что в своей деятельности Сербское княжество должно опираться на Францию и Англию при лояльном отношении к Турции, от которой путем постепенных и умеренных требований нужно было добиваться расширения границ княжества. Он также был согласен с негативным, по мнению польской эмиграции, отношением Австрии и России к объединительной деятельности Сербии. Однако, если Австрию Гарашанин считал извечным врагом всех славян, то сотрудничество с Россией он теоретически допускал. "Сербия, — писал сербский министр, — ни с кем легче не могла бы добиться своей цели как в союзе с Рос-

ской, но это только тогда, когда Россия совершенно и полностью приняла бы и условия Сербии. Союз между Сербией и Россией был бы на самом деле наиболее естественным...²⁶

Уже с 1845 г. Гарашанин развернул тайную деятельность по началу реализации принятой программы. Эта деятельность активизировалась во время европейских революций 1848–1849 гг. Причем, если в "Начертании" речь шла о южнославянских областях, находившихся под турецкой властью, то в этот период на первый план выдвинулась Воеводина, где, воспользовавшись обстоятельствами, австрийские сербы начали борьбу за свои национальные права. Это привело к войне против революционной Венгрии, не пожелавшей пойти им навстречу. Для оказания помощи сербскому национальному движению и привлечения его на свою сторону в Воеводину из княжества было послано несколько тысяч добровольцев. В результате опоры на консервативные и реакционные силы в этой области и в Хорватии Гарашанин, вопреки своей воле, способствовал сохранению империи Габсбургов, которую он считал главным врагом славянских народов²⁷.

Донесения консула в Сербии Г.И.Данилевского не позволяют сделать вывод о том, что в России в то время было известно что-либо конкретное о программе "Начертание", о ее антирусской направленности, о деятельности по началу реализации этой программы. Так, когда российский посланник в Константинополе В.П.Титов просил Данилевского сообщить о находящемся, как ему стало известно, в Белграде Ф.Заха, российский консул отвечал, что по имеющимся сведениям Зах ни с кем особо не встречается и ни в чем предосудительном не замечен. Правда, позже Данилевский доносил, что Зах связан с польской пропагандой и французским консулом²⁸.

В начале революций 1848–1849 гг. Россия, боясь распространения волнений и на Сербское княжество, выступала против какого-либо его участия в событиях в южной Венгрии. Летом 1848 г. Данилевский передавал сербскому правительст-

ву, что царь недоволен посылкой в Воеводину добровольцев. Затем позиция Петербурга изменилась, и княжеству для оказания помощи воеводинским сербам было отпущено 10 тысяч ружей из российских arsenалов. В апреле 1849 г. Данилевский сообщал, что для принятия ружей в Россию выехал зять князя Александра Еврем Ненадович. Разрешение на отпуск оружия было сделано ввиду "примерного поведения" Александра Карагеоргиевича "среди затруднений нынешней эпохи" и так как Данилевский сообщал об отличном "расположении к нему сербского правительства"²⁹.

Несмотря на усилия Данилевского установить с сербским правительством хорошие отношения (его деятельность отчасти объяснялась и неведением истинного положения дел в Сербии), российскому МИДу не удалось полностью вернуть свои позиции в княжестве, руководство которого со времени прихода к власти и после кризиса 1842-1843 гг. не желало искать опоры в Петербурге. Заверяя на словах о своей верности императорскому двору, сербское правительство ко всем действиям российских дипломатов относилось с крайней подозрительностью. Гарашанин предупреждал, что, хотя "советы Данилевского показывают достаточное расположение к нам", необходимо помнить, что любой дипломат проводит политику в интересах своего правительства³⁰.

Особенные опасения у уставобранителей вызвала активизация в годы европейских революций деятельности Милоша и Михаила Обреновичей, причем именно России они приписывали поддержку бывшей династии. Также беспокойство правительства княжества вызывала деятельность главы внутренней оппозиции Т. Вучича, ставшего на путь борьбы с режимом вскоре после своего возвращения из ссылки. В этой борьбе Вучич пытался заручиться любой поддержкой, в том числе и русской. Его позиции значительно окрепли после Петровской скупщины в июле 1848 г. Через неделю после скупщины во французском консульстве в Белграде состоялась встреча, на которой присутствовали консул Франции, паша Белград-

ской крепости, представители сербского правительства и прибывший вновь в Сербию польский агент Ленуар-Зверковский. На этой встрече было задумано требовать ареста Вучича, пытаться освободиться от русского влияния, а поддержку искать во Франции и Турции с тем, "чтобы Сербия не попала под русский протекторат как Валахия". Отдельно было решено не слушать никаких советов и наставлений консула Данилевского³¹.

Фактически антирусская направленность внешней политики Сербского княжества не могла долго оставаться незамеченной российскими дипломатами. В мае 1849 г. К.В.Несельроде сообщал директору Азиатского департамента МИДа Л.Г.Сенявину: "Долгом поставляю... препроводить депешу графа Медема (русский посланник в Вене. - К.Н.), из коей вы усмотреть изволите, что генерал-майор Данилевский, по болезни своей, не может заниматься отправлением своей должности, и что злоумышленники воспользовались этим обстоятельством для вредных своих замыслов"³².

В связи с этим Россия отозвала Г.И.Данилевского. На его место в июле 1849 г. был назначен Д.С.Левшин. Приехав в Белград, Левшин, которому было поручено пресечь междоусобническую деятельность Вучича, могущую нарушить "мир и спокойствие" в княжестве, не спешил с санкциями против лидера оппозиции. Новый консул, чей предшественник в донесении от 12/22 апреля 1849 г. предлагал даже вызвать Вучича в Константинополь, чтобы там его арестовать, просил повременить с этой мерой, которая, по мнению Левшина, могла оказать "вместо полезного, вредное влияние на положение дел в сем княжестве"³³.

Недоверие Петербурга к сербскому правительству усилилось в связи с вопросом о пропуске через территорию княжества в Турцию участвующих в революционных войнах в Венгрии венгерских, польских и итальянских борцов. Вначале сербское руководство не желало давать на это разрешение, боясь вызвать недовольство Австрии и России. Однако

в августе 1849 г. под давлением прежде всего Франции оно согласилось на эту акцию. Петрониевич сообщал приехавшему только что Левшину о том, что правительство Сербии, "побуждаемое чувством человеколюбия, полагает возможным дозволить будущим беглецам мадьярского войска, предварительно обезоруженным, пройти чрез Сербию и укрыться в Болгарии и в других турецких провинциях". На это российский консул заявил, что, "когда русские войска заняты укрощением мятежников, всякое участие к сим последним со стороны Сербии... было бы весьма неблагоидно в глазах нашего правительства". Но, несмотря на предупреждение Левшина, пропуск бойцов революционной армии все-таки начался. Вопрос об их выдаче вырос в международный конфликт между Австрией и Россией, с одной стороны, и Турцией, поддержанной Англией и Францией, с другой. Дошло до того, что Вена и Петербург временно разорвали дипломатические отношения со Стамбулом. В конце концов, как и во время сербского кризиса 1842-1843 гг. дело закончилось компромиссом: из Османской империи выслались поляки - российские подданные, а принявшие ссылались в отдаленную турецкую провинцию в Малой Азии. В конце 1849 г. дипломатические отношения между странами были восстановлены³⁴.

Больше всего Д.С.Левшина, познакомившегося с обстановкой в Сербии, насторожила деятельность там агентов польской эмиграции. Он сообщал, что Вучич полностью руководствуется его советами, но спокойствия в княжестве нет, так как там продолжает находиться поляк Ленуар. "Он известен мне, - доносил консул, - как тайный агент партии Чарторьского". По словам российского дипломата, Ленуар льстил сербскому национальному самолюбию, преувеличивая значение сербского народа в Европе, а, с другой стороны, внушал сербам недоверие к России. Он "пользуется благосклонностью и даже некоторого рода покровительством турок". Левшин сообщал и о связи польского агента с И.Гарашаниным, "который сначала тщательно скрывал... сноше-

ния свои с Лемуаром, а после стал объяснять оные тем предлогом, что он пользуется Лемуаром лишь для получения политических известий из Турции и других стран". "Хотя до сих пор, — заключал российский консул, — нельзя было укорить сего старейшину в каком-либо проступке явно нам враждебном... однако вообще характер его действий довольно резко отзывается учением и советами Лемуара". Не успокоился Левшин, и когда Лемуар вследствие его требований покинул Белград. Он сообщил, что "место бывшего в Сербии польского эmissара" занял "поляк, известный под именем Душа" и питающий "злую ненависть к России"³⁵.

Деятельность Д.С.Левшина и замещавшего его одно время секретаря консульства С.И.Попова была направлена на изгнание из княжества вообще всех находившихся там поляков, венгров и итальянцев. Под давлением России сербское руководство было вынуждено уступить. 11/23 сентября 1851 г. российский консул известил Нессельроде: "... я нашел необходимым снова выставить на вид сербскому правительству сколь неприлично и вместе опасно для благосостояния Сербии пребывание в Белграде людей везде стремящихся поколебать законный порядок и народное спокойствие. ... здешнее правительство сделало распоряжение о немедленной их высылке. Правительство дало мне обещание впредь не давать убежища подобным людям и по прибытии их сюда высылать немедленно". Вскоре из княжества было изгнано 28 иностранцев. Таким образом прекратило свою деятельность и основанное в 1843 г. тайное польское агентство в Белграде³⁶.

Методы давления на Сербское княжество также не принесли России желаемого результата: возвращения преобладающего политического влияния в этой стране. Более того, в Сербии все более заметно стало ощущаться влияние Габсбургской монархии, имевшей там определенные экономические интересы. На Австрию начали ориентироваться князь Александр Карагеоргиевич и сложившаяся вокруг него при-

дворная камарилья³⁷.

Сам Д.С. Левшин по состоянию здоровья был вынужден покинуть княжество. Уезжая, он послал подробное донесение в Азиатский департамент, где изложил свои соображения о политике сербского правительства. Это донесение, ранее не публиковавшееся, интересно тем, что в нем российский дипломат впервые в общих чертах правильно описывает внешнюю политику Сербского княжества, сформулированную еще в тайной программе "Начертание". По-видимому, Левшин смог узнать больше, чем его предшественник, в связи с активизацией этой политики в 1848-1849 гг. и затем в последующие несколько лет, что нашло свое выражение в разработках сторонниками Гарашанина "Уставов политической пропаганды..." на 1849/50 и 1850/51 гг. В этих документах их деятельность после неудачи в Воеводине вновь направлялась на южнославянские области, находившиеся под турецкой властью, причем речь шла уже о подготовке совместного вооруженного восстания против турок. Этой деятельностью руководил И. Гарашанин, взявший себе в помощники Йована Мариновича³⁸.

В упомянутом донесении Левшин писал, что за время своего консульства он пришел к заключению о тайной враждебности сербского правительства к покровительствующей державе. "Вражда сия" началась с тех пор, как правительство России не захотело поддержать уставобранителей во время правления князя Михаила и восстания Вучича. Придя к власти уставобранители стремились очернить Россию перед народом и поклясться и даже совершенно уничтожить его преданность к ней. "Свою ненависть, - продолжал российский консул, - сербское правительство всегда старалось прикрыть льстивыми уверениями в преданности к России..., сознавая свою слабость... против постепенно усиливающихся приверженцев Обреновичей и против всех прочих недовольных, кои предполагают Вучича главой своей..."

"В отношении духа и направления, - считал Левшин, - положение дел в Сербии остается весьма неудовлетвори-

тельным". В самом правительстве существует группа ненавистников России, руководимая Гарашаниным, которая распространяет "идею о полной самостоятельности Сербии, о соединении ее с прочими южными славянами" и представляет Российскую империю как "державу, стремящуюся поработить сербов и подавить всякое стремление с их стороны к развитию своей национальности". Но сербский народ "сохранил до сих пор чувство преданности и полного доверия к России" и уверен, что судьба его от нее зависит.

Антирусскую политику Сербии Левшин объяснял поддержкой Турции, "коварными наущениями и происками" польских эмиссаров, находящихся с Гарашаниным в тайной связи, а также участием добровольцев из княжества в военных действиях в Воеводине, "ибо участие сие не было принято с целью... пособить водворению в Австрии законного порядка и утверждению монархической власти, а чтобы, в случае неудачи австрийцев, отделить от мадьяр славянские племена и таким образом осуществить любимую идею о составлении южного славянского государства". Кроме этого, сообщал консул, Гарашанин поместил начальником Отделения в Министерстве иностранных дел "своего приверженца некоего Мариновича, молодого человека, воспитанного в Париже и совершенно зараженного враждебными... идеями польской пропаганды". Маринович служит для сношений с английским и французским консулами, "которых он по наущению Гарашанина уверяет в особенной преданности сербского правительства к западным либеральным державам"³⁹.

Политику Левшина в Белграде продолжал новый консул Ф.А.Туманский. Когда в 1852 г. И.Гарашанин издал так называемый Апрельский циркуляр, устанавливавший жесточайшие меры наказания за малейшие выступления против режима, Туманский по заданию своего правительства всеми силами добивался отставки сербского министра, придравшись к формальностям утверждения этого документа. С отставкой Гарашанина (1853 г.) практически прекратилась деятель-

ность в Сербском княжестве до реализации программы "Начертания", но причинами этого были и бесконечные раздоры внутри сербского руководства. Отставка Гарашанина, кроме еще большего ухудшения отношений с Сербией, ничего не дала России. В том же 1853 г. в связи с началом Крымской войны очередной российский консул Н.Я.Мухин по требованию Порты был вынужден покинуть Белград и переселиться уже в качестве частного лица в Австрию. Дипломатические отношения между Россией и Сербией были прерваны⁴⁰.

Как известно, своей активной борьбой с Турецкой империей с конца XVIII в. до 70-х гг. XIX в. Россия объективно способствовала делу освобождения балканских народов и, в частности, сербов. Но это не исключает того, что в отдельные периоды такая господствующая тенденция могла отходить на задний план. Конкретный анализ деятельности российских дипломатов в Сербии в 40-е и начале 50-х гг. дает нам как раз такой пример. Реакционная сущность и грубые методы политики Николая I привели к ухудшению отношений между Россией и Сербией, следствием чего была потеря царизмом к началу Крымской войны доминирующего влияния в княжестве, отказ последнего от опоры на Петербург при решении стоящих перед ним национальных задач. Можно, однако, заметить, что, по-видимому, не все в российских правительственных кругах придерживались именно тех методов политики по отношению к Сербскому княжеству, за которые выступал царь и подчинявшийся его приказаниям Нессельроде. Это видно на примере деятельности в Сербии барона Ливена.

Главной причиной, повлиявшей на негативное восприятие Петербургом уставобранительского режима в 40-е – начале 50-х гг. XIX в., была его связь с агентами польской эмиграции. Боясь любых потрясений в балканском регионе, российское правительство явно переоценивало революционность этой эмиграции. Как раз в сохранении Османской империи видели вожди правого крыла польской эмиграции одно из основных условий возрождения польского государства. Именно

поэтому деятельности польских агентов симпатизировала
Порта⁴¹.

С другой стороны, ухудшению отношений между Россией и Сербией способствовала враждебная Петербургу политика уставобранителей и князя Александра Карагеоргиевича. В частности, антирусская внешняя политика была сформулирована в программе "Начертание". Причем деятели польской эмиграции и сербского правительства, в свою очередь, также преувеличивали стремление России к разделу европейских владений Османской империи. Опасаясь агрессивности паризма, Гарашанин отверг возможность использования в своих целях традиционное покровительство России христианскому населению Турлии, что ослабляло деятельность Сербского княжества по реализации национальных задач сербского и других балканских народов. Но в то время о прямых захватах турецких владений в Петербурге не могло быть и речи, хотя теоретически, на бумаге, имели место различные комбинации устройства "наследства больного человека"⁴². Вообще, вывод, сделанный советской историографией для более раннего периода о том, что русская политика на Балканах "в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе"⁴³ можно распространить и на рассматриваемое десятилетие.

То, что правительство Николая I проводило в то время политику сохранения владений Османской империи на Балканах создавало большие трудности для поддержания русского влияния среди турецких подданных-христиан. По существу, это осознавало и правительство Николая I. Нессельроде в 1846 г. писал, что "одной из наиболее трудных проблем нашей политики является сочетание поддержки у власти султана с покровительством христианскому населению, томящемуся под мусульманским игом"⁴⁴. Подобные же трудности по привлечению на свою сторону других балканских народов испытывало сербское правительство, принявшее от польской

эмиграции идею сохранения хороших отношений с Портой с тем, чтобы постепенно добиваться от нее некоторых уступок. Такая политика была невыгодна как для России, так и для Сербии. Не отвечало интересам обеих сторон и ухудшение отношений между ними.

Примечания

1. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. II. М., 1869, с. 172-173; Странъ аконѣи Д. Влада уставобранителья. 1842-1853. Београд, 1932, с. 35-36.

2. Гросул В.Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 - начале 50-х годов XIX в. - В кн.: Балканский исторический очерки. П. Кишинеу, 1970, с. 41-44; Дуркович - Јанкич Љ. О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841-1843). - Зборник за историју, 1971, с. 37; Записки Михаила Чайковского. - Русская старина, 1898, т. 94, с. 674.

3. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. II. М., 1869, с. 166-167.

4. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

5. Архив внешней политики России (АВП), ф. Главный архив У-А2. 1842, л. 223, л. 54-54об. К.В.Нессельроде - Г.В.Вашенко 14/26 X 1842.

6. АВП, ф. Главный архив I-9. 1837-1843, д. 6, ч. II, л. 253-254. Г.В.Вашенко - К.В.Нессельроде 26 XII 1842/7.I.1843, 23.I./4.II.1843.

7. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. II. М., 1869, с. 184-186.

8. АВП, ф. Главный архив I-9. 1837-1843, д. 6, ч. II, л. 177-178. Г.В.Вашенко - К.В.Нессельроде 22.XI./4.XII.1842.

9. АВП, ф. Главный архив I-9. 1837-1843, д. 6, ч. II, л. 356-356об. Г.В.Вашенко - А.П.Бутеневу 24.IV./6.V.1843.

10. АВП, ф. Главный архив I-9. 1837-1843, д. 6, ч. II, л. 356об. Г.В.Вашенко - А.П.Бутеневу 24.IV./6.V.1843.

11. Странъ аконѣи Д. Влада уставобранителья. 1842-1853. Београд, 1932, с. 52-53; И.Гарашанин - С.Кничанину 5/17.VI.1843 - Преписка Илије Гарашанина. књ. I. 1839-1849. (Скупно и за штампу средно Г. Јакшич) Београд, 1950, с. 136.

12. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк

русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. П. М., 1869, с. 225-228; АВПР, ф. Главный архив I-9, 1837-1843, д. 6, ч. П, л. 389, л. 401-401об. Г.В.Ващенко - К.В.Нессельроде 19.VI/I.VII.1843, Г.В. Ващенко - В.П.Титову 23.VII/4.VIII.1843.

13. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. П. М., 1869, с. 228; Вучкович В. J. Српска криза у источном питању (1842-1843). Београд, 1957, с. II7.

14. Вучкович В. J. Српска криза у источном питању (1842-1843). Београд, 1957, с. 122-123; Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив У-А₂. 1843, д. 224, л. 36-36об.

15. И. Гарашанин - А.Петрониевичу 10/22 IX 1843, И. Гарашанин - А.Петрониевичу и Т.Вучичу 15/27.X., 3/15.XI.1843 - Преписка Илије Гарашанина, књ. I. 1839-1849. (Скупио и за штампу средио Г. Јакшић). Београд, 1950, с. 39, 50, 55.

16. И. Гарашанин - А. Петрониевичу и Т. Вучичу 12/24.II, 22.III.1844 - Преписка Илије Гарашанина, књ. I. 1839-1849. (Скупио и за штампу средио Г. Јакшић). Београд, 1950, с. 72-73, 74-75.

17. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив У-А₂. 1843, д. 224, л. 39. К.В. Нессельроде - Александру Карагеоргиевичу 16/28 XI 1843; 1844, д. 225, л. 3. Александр Карагеоргиевич - К.В.Нессельроде 29.III/12.IV.1844; И.Гарашанин - С.Кничанину 8/20.IV.1844, И.Гарашанин - Л.Теодоровичу 14/26.IV, 6/18.V.1844 - Преписка Илије Гарашанина, књ. I. 1839-1849. (Скупио и за штампу средио Г. Јакшић). Београд, 1950, с. 85, 86, 94-95.

18. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив У-А₂. 1844, д. 225, л. 76-77. К.В.Нессельроде Александру Карагеоргиевичу 16/28.V.1844.

19. Вучкович В. J. Српска криза у источном питању (1842-1843). Београд, 1957, с. 137-139; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1844, д. 15, л. 227.

20. Милићевич J. Историја Катарске буне (Србија 1844). - Зборник Филозофског факултета, 1960, књ. У-I, с. 300-301, 307; Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив У-А₂, 1844, д. 225, л. 25-26. Г.И.Данилевский - С.Радичевичу 9/21.XII.1844.

21. АВПР, ф. Главный архив I-9, 1837-1854, д. 4, л. 32об.-33. К.В.Нессельроде - В.П.Титову 29.XII.1843/10.I.1844; Архив внешней политики России (АВПР). ф. Главный архив У-А₂, 1844, д. 225, л. 19-20. Г.И.Данилевский - Л.Г.Сенявину 29.XI/11.XII.1844; АВПР, ф. Отчеты МИД, 1846, л. 241-241об.

22. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. ч. П. М., 1869, с. 246; Станькович Д. Влада уставобранитеља. 1842-1853. Београд, 1932, с. 98-99.

23. АВПР, ф. Отчеты МИД, 1847, л. 236об.-237об.

24. Perovic R. Oko "Nacertanija" iz 1844 godine.- Istorijski Gl-1963, № I; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 170-178, 182, 186.
25. Дурковић - Јакшић Љ. О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841-1843). - Зборник за историју, 1971, с. 43-45, 47-48; Zacek V. Cesko i Poljsko ucesce u postanku "Nacertanija" (1844). - Istorijski zbornik, 1963, god. XVI, NI-4, с. 42-44; Perovic R. Oko "Nacertanija" iz 1844 godine. - Istorijski glasnik, 1963, N I, с. 90.
26. Стран-аковић Д. Како је постало Гарашаниново "Начертаније". - Споменик Српске краљевске академије, 1939, XCI, с. 76-79, 81-86.
27. История Югославии. т. I. М., 1963, с. 340.
28. АВВР. ф. Посольство в Константинополе. 1844, д. 832, л. 156-156об. Г.И.Данилевский - В.П.Титову 8/20 УИ. 1844; Архив внешней политики России (АВВР), ф. Главный архив У-А 2, 1847, д. 228, л. 44-45. Г.И.Данилевский - К.В.Нессельроде 22.УИ/3.УИ. 1847.
29. АВВР, ф. Отчеты МИД, 1848, л. 359-360, 367об.-368; АВВР, ф. Главный архив I-9, 1837-1854, д. 4, л. 41-41об., 56-56об. А.И.Чернышев - К.В.Нессельроде I/13. XII. 1848, Г.И.Данилевский - Я.И.Дашкову 5/17. IY. 1849; Екмечић М. Неколико уломака о руској политици према јужним Словенима у вријеме револуције 1848 године. - Зборник за историју, 1962, с. 47.
30. И.Гарашанин - С. Симићу 6/18. УИ. 1848 - Преписка Илије Гарашанина, књ. I. 1839-1849. (Скупио и за штампу средио Г. Јакшић). Београд, 1950, с. 216.
31. Екмечић М. Неколико уломака о руској политици према јужним Словенима у вријеме револуције 1848 године. - Зборник за историју, 1962, 26, с. 49-50.
32. Архив внешней политики России (АВВР), ф. Главный архив У-А 2, 1849, д. 231, л. 134. К.В.Нессельроде - Л.Г.Сенявину 14/26 У 1849.
33. АВВР, ф. Главный архив I-9. 1840-1868, д. 8(а), л. 269-269об. Д.С.Левшин - Л.Г.Сенявину 19/31 УИ 1849.
34. Стран-аковић Д. Влада уставобранитеља. 1842-1853. Београд, 1932, с. 128-131; Архив внешней политики России (АВВР), ф. Главный архив У-А 2, 1849, д. 231, л. 85-86. Д.С.Левшин - Л.Г.Сенявину 9/21 УИ 1849; И.Гарашанин - С.Кничанину 15/27 УИ 1849 - Преписка Илије Гарашанина, књ. I. 1839-1849. (Скупио и за штампу средио Г. Јакшић). Београд, 1950, с. 445.
35. Архив внешней политики России (АВВР) ф. Главный архив У-А 2, 1850, д. 233, л. 2-4, II, 54-55. Д.С.Левшин - К.В.Нессельроде 10/22 I, 7/19 II, 16/28 У 1850, 1851, д. 234, л. 21-22. Д.С.Левшин - К.В.Нессельроде 15/27 У 1851.
36. Архив внешней политики России (АВВР), ф. Главный архив У-А 2, 1851, д. 234, л. 32-33. Д.С.Левшин - К.В.

- Нессельроде II/23 IX 1851; АВВР, ф. Отчети МИД, 1851, л. 43об.-44; Дурковић - Јакић Љ. Учествовањe Пољака у Омер-пашину ратовању у Босни и Херцеговини 1850. и 1851. године. - Историјски часопис, 1965, XXI, с. 273.
37. Стран-аковић Д. Влада уставобранитеља. 1842-1853. Београд, 1932, с. 132-133.
38. Стран-аковић Д. Политичка пропаганда Србије у југословенским покрајинама 1844-1858 године. Београд, 1936, с. 12-31.
39. АВВР, ф. Главни архив I-9, 1840-1868, л. 8(а), л. 324-335. Д.С.Левшин - К.В.Нессельроде 26.X./7.XI. 1851.
40. Историја српског народа. књ. У. т. I. Београд, 1981, с. 276; Стран-аковић Д. Политичка пропаганда Србије у југословенским покрајинама 1844-1858 године. Београд, 1936, с. 33; Никитин С.А. Очерки по историји келнских славя и русско-балканских везаей в 50-70-е године XIX в. М., 1970, с. 130-133.
41. Вучковић В. Ј. Српска криза у источном питању (1842-1843). Београд, 1957, с. 133.
42. Виноградов В.Н. Великобританија и Балкани: от Венског конгресса до Крымског војни. М., 1985, с. 326-327.
43. Достян И.С. Россия и балкански вoпpoc. Из историје русско-балканских политических везаей в первой трети XIX в. М., 1972, с. 338.
44. Восточни вoпpoc во внешней политике России. Колец XVIII - начало XX в. М., 1973, с. 125.

А.В.КАРАСЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЛИКОСЕРБСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ В 40-60-х гг. XIX ВЕКА

Первой внешнеполитической программой нарождавшейся сербской буржуазии в XIX веке, предусматривавшей объединение всех сербских земель и создание таким образом "Большой Сербии", стало "Начертание" И. Гарашанина 1844 г. Появление такого рода программы стало возможным только в условиях создания и постепенного укрепления автономного Сербского княжества, явившегося своеобразным ядром всех объединительных планов и проектов сербской буржуазии.

Илия Гарашанин, как дальновидный сербский государственный деятель отдавал себе отчет в том, что решить ис-

торическую задачу, стоявшую перед сербским народом, — освобождение и объединение всех сербских земель, — собственными силами было невозможно. В "Начертании" он указывал (хотя и не разрабатывал подробно эту мысль) на необходимость объединения сил балканских народов в их борьбе против Османской империи за свое освобождение. Но кроме дряхлеющей Османской империи были и другие препятствия на пути осуществления широкомасштабных планов Сербии. К середине XIX века на Балканском полуострове сталкивались интересы большинства великих европейских держав. Любое изменение статус кво на Балканах, и тем более такое радикальное, как создание крупного сербского государства, не могло не вызвать вмешательства держав.

И.Гарашанин хорошо понимал, что без содействия и помощи со стороны по крайней мере некоторых великих держав вряд ли удастся достичь поставленной цели. Поэтому сербский государственный деятель в "Начертании" много места уделил характеристике политики великих держав на Балканах вообще и по отношению к Сербии в особенности. И.Гарашанин исходил из того, что Австрия является непримиримым врагом княжества, поэтому любое соглашение с Австрией он считал невозможным. Сербии следует искать поддержки у Франции и Англии. Отношение И.Гарашанина к России в "Начертании" носит двойственный характер. В силу того, что в 40-50-х гг. XIX века царская Россия неоднократно вмешивалась во внутренние дела Сербского княжества, сербский государственный деятель в тот период относился к ней с недоверием. Тем не менее он подчеркивал, что союз Сербии с Россией не только возможен, но и желателен, "Сербия ни с кем другим не могла бы легче достичь свою цель, чем с Россией", — отмечал И.Гарашанин¹. Но для этого и русская дипломатия должна в свою очередь в большей степени учитывать сербские интересы.

Вскоре сербское правительство приступило на практике к осуществлению национальной программы И.Гарашанина. Оно

начало засылать своих агентов в соседние области Османской империи, а также Австрийской империи². Сербское правительство делало попытки установить контакты с местными жителями, в первую очередь с торговцами и священниками. В 1849 г. по указанию И.Гарашанина Й.Маринович, М.Бан и Т.Ковачевич составили "Программу политической пропаганды в землях славяно-турецких". Этот документ являлся дальнейшим развитием идей "Начертания" о восстании угнетенных балканских народов под руководством Сербии. Главной целью пропаганды, организуемой и проводимой сербским правительством, была подготовка к "всеобщему и одновременному восстанию нашего народа" против османского гнета³.

После отставки И.Гарашанина в 1853 г. активная деятельность Сербии на этом поприще прекратилась. Князь Александр Карагеоргиевич все больше сближался с Австрией, отказавшись от проведения активной внешней политики.

Новое оживление в деятельности Сербии по претворению в жизнь национальной сербской программы наступает после свержения Александра Карагеоргиевича и восстановления династии Обреновичей на сербском престоле в 1859 г. В 60-е годы идеи, высказанные И.Гарашаниным в "Начертании" получили дальнейшее развитие и конкретизацию. Князь Михаил и И.Гарашанин, осознав необходимость объединения усилий угнетенных народов Балкан для успешной борьбы с Османской империей, выступили инициаторами создания Балканского союза. Главой этого союза по мысли его идеологов и создателей должна была стать Сербия. С помощью Балканского союза князь Михаил и И.Гарашанин рассчитывали нанести поражение Османской империи и создать "Великую Сербию".

Сербскому правительству удалось в 1866-1868 гг. заключить соглашения с Черногорией, Грецией, Румынией, велись переговоры с хорватской народной партией и болгарами. Создание Балканского союза 60-х гг. XIX века явилось важным достижением сербской дипломатии. Но как и раньше, в 40-х гг. XIX в., И.Гарашанин много внимания уделял вза-

отношениям Сербии и других балканских стран и народов с великими державами.

Главной опасностью для успешного осуществления внешнеполитических планов Сербии И.Гарашанин считал создание враждебной Сербии коалиции великих держав. Он полагал, что "неприятельски настроенные державы надо ублажать", но при этом всегда демонстрировать им единство народов Востока и их непреодолимое стремление к единой цели⁴. Таким образом одной из задач Балканского союза было создание такой коалиции балканских народов, которая могла бы противостоять неприятельским державам и заставить их считаться с интересами балканских народов.

Сербское правительство считало, что для успешного выступления Балканского союза надо было выбрать благоприятный во внешнеполитическом отношении момент, когда вмешательство великих держав в балканские дела было бы затруднено. Вместе с тем, руководители Сербского княжества отдавали себе отчет в том, что собственными силами, без поддержки одной или нескольких великих держав, занимавших доброжелательную позицию по отношению к Сербии и ее союзникам, обеспечить необходимые условия для победы над Османской империей было невозможно.

Выбор сербского правительства пал на Россию не только по причине этнической и религиозной близости ее к Сербии, но прежде всего благодаря тому, что цели русской политики на Балканах в тот момент во многом отвечали настоящим интересам Сербского княжества. Россия была заинтересована в ослаблении Османской империи и ликвидации ее господства в Европе. Но будучи трезвым и расчетливым политиком, И.Гарашанин старался избежать преимущественной ориентации на одну державу, стремясь использовать любую возможность для приобретения доверия западных держав к Сербии. Сербское правительство возлагало некоторые надежды на Францию, которая оказывала дипломатическую поддержку княжеству в начале 60-х гг. Опора на две вели-

кие державы могла усилить гарантии невмешательства в Балканские дела в случае выступления союзников против Османской империи, а также, помимо всего прочего, открывала перед сербским правительством возможности для лавирования⁵.

Однако результаты миссии И. Мариновича, посланного в 1866 г. в Париж и Лондон для выяснения отношения Англии и Франции к планам Сербии оказались неутешительными. Сербские государственные деятели на практике убедились в том, что в решении главной исторической задачи Княжества нельзя рассчитывать на помощь Австрии, Франции и Англии, заинтересованных в тот период прежде всего в сохранении статус кво на Балканах и решительно противившихся ликвидации владений Османской империи в Европе.

Задачей номер один русской внешней политики в 1856–1870 гг. оставалась отмена ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Эти статьи унижали достоинство России как великой державы и создавали постоянную угрозу ее причерноморским областям. В этот период деятельность русской дипломатии в решении этой важной задачи шла по двум направлениям: укрепление позиций России на Балканах и поиски возможных союзников среди великих держав. Россия поддерживала борьбу балканских народов, целью которых было создание национальных государств, ибо каждый их успех в этом деле, который вынуждена была признать Европа, являлся ударом по системе, созданной договором 1856 г.

Усиление интереса к национально-освободительной борьбе на Балканском полуострове было важной отличительной чертой деятельности русской дипломатии в этом регионе после Крымской войны. Это нашло свое выражение, в частности, в расширении русской консульской сети на Балканах, открытии новых консульств в Сараево, Мостаре и других городах. Стало уделяться больше внимания усилению русского влияния на Балканах по общественным каналам, в частности через прессу⁶.

Поэтому не удивительно, что идея сербского правительства о создании Балканского союза при содействии и помощи России не могла не встретить понимание и поддержку русской дипломатии. Объединение сил Балканских народов во главе с Сербией создавало широкие перспективы как для усиления русского влияния на Балканах, так и для оказания давления на западные державы и Османскую империю в надежде заставить их отказаться от нейтрализации Черного моря. Создание Балканского союза как нельзя лучше отвечало в тот период интересам русской дипломатии, которая приобретала важное средство для решения своих насущных задач без военного вмешательства.

В конце 1866 г. русская дипломатия окончательно определила свой курс на поддержку Балканского союза во главе с Сербией. В 1866—1867 гг. Сербское княжество становится главной опорой политики России на Балканах. В случае успеха союзников царская Россия надеялась не только укрепить свой авторитет на Балканах, но и, опираясь на будущее крупное дружественное славянское государство на Балканах, которое возглавляла бы Сербия во главе с династией Обреновичей, поставить вопрос о ликвидации ограничительных статей Парижского трактата. В это время Россией была оказана Сербии разнообразная материальная помощь. Сербия получила заем в 300 000 дукатов. Русское правительство безвозмездно уступило Сербии 100 000 ружей, из которых в 1867 г. сербам удалось вывезти около 20 000⁷. Русская дипломатия оказывала активную помощь Сербии в создании Балканского союза.

Чтобы взорвать Балканский союз изнутри и лишить его возможности предпринять совместное вооруженное выступление народов Балканского полуострова против Порты, великие западноевропейские державы поддержали просьбу Сербии о ликвидации турецких крепостей на ее территории. Оказавшись перед фактом единодушного мнения всех великих держав относительно необходимости передачи крепостей Сербии, сул-

тан вынужден был уступить. 7(19) февраля 1867 г. Порта официально сообщила о своем согласии передать крепости вместе с вооружением и боеприпасами сербскому князю Михаилу.

Русская дипломатия не питала никаких иллюзий относительно настоящих причин успеха сербов. "Действительная причина уступчивости врагов Сербии, - писал глава внешнеполитического ведомства России А.М.Горчаков, - заключается в том, что они в затруднительную для Порты и Европы минуту узнали, или по крайней мере стали подозревать, что Сербия и вообще христианские племена Балканского полуострова уразумели свое положение и поняли, что могут достигнуть желаемого лишь дружным совместным действием"⁸.

Вывод турецких гарнизонов из крепостей на территории Сербии и передача самих крепостей князю Михаилу явились крупнейшим успехом сербской дипломатии в период создания Балканского союза. И.Гарашанин считал, что только энергичные действия Сербии по созданию Балканского союза принесли ей крепости⁹.

Как свидетельствуют документы в момент решения вопроса о крепостях сербское правительство не собиралось удовлетвориться этой уступкой Порты. И.Гарашанин и князь Михаил были полны решимости продолжать подготовку к вооруженной борьбе против Османской империи. На весну 1868 г. готовилось всеобщее восстание, ударной силой которого являлся Балканский союз. Однако после встречи Наполеона III с Францем Иосифом в Зальцбурге в августе 1867 г. и последовавших за ней конфиденциальных переговоров князя Михаила Обреновича с графом Ю.Андреши, премьер-министром венгерского правительства, сербский князь, убоявшись непредсказуемых последствий войны с Османской империей, решил попытаться получить Боснию и Герцеговину с помощью Австро-Венгрии мирным путем. В ноябре 1867 г. он уволил в отставку главного противника сближения с двуединой монархией своего премьер-министра и министра иностранных

дел И.Гарашанина, больше всех сделавшего для создания Балканского союза.

Отставка Гарашанина вызвала разочарование русской дипломатии. Оно было истолковано как отход от ориентации Сербского княжества на Россию. Подозревая сербского князя в сближении с Австро-Венгрией, Россия в конце декабря 1867 г. приостановила выплату займа Сербии, который предназначался для подготовки Княжества к войне. Несмотря на протесты со стороны русских дипломатов, сербский князь отказался вернуть И.Гарашанина на пост главы правительства. А.М.Горчаков ратовал за сдержанность и выдержку в русско-сербских отношениях. "...Мы не имеем намерения управлять Сербией и вмешиваться в ее внутренние дела"¹⁰, - писал он в конце января 1868 г.

Оказавшись на распутье, князь Михаил предпринял попытку нормализовать русско-сербские отношения, направив в мае 1868 г. И.Ристич в Петербург с целью восстановить доверие России. На переговорах Ристич заявил, что Сербия не отказывается от Балканского союза и войны с Портой, по-прежнему рассчитывает на поддержку России и надеется, что русская дипломатия обеспечит невмешательство великих держав в случае возникновения вооруженного конфликта между участниками Балканского союза и Османской империей. Несмотря на сдержанный прием в Петербурге, сербский дипломат считал свою миссию успешной. Но вернувшись на родину, Ристич уже не застал князя Михаила в живых. 29 мая 1868 г. князь Михаил Обренович был убит заговорщиками близ Белграда. После его смерти Балканский союз практически прекратил свое существование.

Среди многих причин, обусловивших неудачу Балканского союза, главным и определяющим был внутренний фактор - слабость союзников и противоречия между ними, вызванные прежде всего столкновением национальных программ сербской, греческой, болгарской буржуазии. На внутренние противоречия накладывались противоречия внешние - столкновение ин-

интересов великих держав на Балканах.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что великосербская национальная программа И. Гарашанина, основа которой была заложена "Начертанием", в 60-е годы с созданием Балканского союза приобрела завершённый вид. Фактический распад Балканского союза после смерти князя Михаила не означал дискредитацию самой идеи союза. В иной исторической обстановке, в новых условиях начала XX века объединёнными силами государств и народов Балканского полуострова удалось окончательно ликвидировать многовековое иго Османской империи на Балканах. Создание Балканского союза 60-х гг. XIX в. под эгидой монархической Сербии и покровительством царской России, то есть "союза монархий, а не союза республик",¹¹ в тех конкретно исторических условиях было важным шагом вперед по пути решения главной исторической задачи, стоявшей перед балканскими народами.

В 60-е годы XIX века русская политика на Балканах объективно способствовала развитию национально-освободительной борьбы балканских народов и созданию ими самостоятельных национальных государств - этой конечной цели всех буржуазно-национальных движений. Поэтому сербское правительство Михаила Обреновича и И. Гарашанина, приступая к созданию Балканского союза, обратило свои взоры к России как единственной великой державе, действительно заинтересованной в ликвидации османского владычества на Балканах и содействии национально-освободительной борьбе балканских народов в тот период.

Примечания

1. Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Средно Ст. Ловчевић, књ. 2, Београд, 1931, с. 358.
2. Странјакловић Д. Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. Београд, с. 9-12.
3. Историја српског народа. књ. V-I, Београд, 1981 с. 275.
4. Гарашанин И., Писма..., књ. 2, с. 219.
5. Гарашанин И., Писма..., књ. 2, с. 145.
6. Никитин С.А. Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX века в освещении современной русской периодической печати. - В кн.: Очерки по истории княжеских славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в., М., 1970, с. 183-259.
7. Карасев А.В. Из истории русско-сербских отношений в 60-х гг. XIX века. - Советское славяноведение, 1978, №2, с. 44-57.
8. АВПР, ф. Отчеты МИД. Отчет за 1866 г. л. 236 об.
9. Гарашанин И. Писма..., књ. 2, с. 232.
10. АВПР, ф. Канцелярия, 1868, д. 151, л. 384.
11. Ленин В.И. ПСС, т. 23, с. 156.

РУССКОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК У СЕРБОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В XIX век сербы вошли с достаточно сложной литературно-языковой ситуацией. Их письменное и печатное слово реализовалось прежде всего в славяносербской модели литературного языка, на котором было создано наибольшее количество самых различных сочинений светского содержания. Сербский народный язык, а значит родной говор соответствующего автора, также функционировал в качестве литературного языка, о чем свидетельствовали отдельные тексты, почти целиком написанные на этом языке. На протяжении второй половины XVIII в. русский литературный язык того времени был близок ряду тогдашних сербских писателей, хотя на этом языке и не создавались произведения, адресованные сербскому читателю. И, наконец, русскославянский язык или славянский, как он тогда назывался, продолжал оставаться языком, на котором сербы получали начальное школьное образование или самообразование.

Писателей, считавших в конце XVIII - начале XIX в., что сербы должны писать на русскославянском языке (славянском, было немного. Среди них Григорие Трлаич (1776-1811), который в 1793 г. опубликовал "Совет сербам, содержащий причины к принятию славянского языка", где подчеркивал, во-первых, что: "бедности простого языка" следует предпочесть "богатство, широту, красоту, нежность и прекрасную силу выражения" славянского языка; во-вторых, если мы "примем славянский язык", писал он, то "русские книги" "смогут сильно помочь нашему просвещению", а наши книги, написанные на славянском языке, будут понятны не только в России, но и "в Чехии, Польше и других странах, где славянский язык лучше понимают, нежели наш простой язык"; в-третьих, он не против тех авторов, которые "пишут просто", как, например, Д.Обрадович, но "хорошо и

полезно было бы также освоить наш славянский язык, чтобы проникнуть посредством него в премудрость Сократа, тайны философии Лейбница и Канта¹.

В переводе с русского романа "Нума, или процветающий Рим" (1801) Г.Трлаич пишет: "Некоторые европейские народы подняли свой язык на высшую ступень совершенства и красоты, другие, запоздавшие в культурном развитии своего языка, также стараются всеми способами его улучшить. Даже влахи, наши соотечественники и соседи, прилагают немало стараний в этом деле. Лишь мы, сербы, не заботимся о культуре своего языка. Воистину пора нам подумать не об очищении и улучшении своего простонародного языка, а об усвоении нашего чистого, богатого и прекрасного славянского языка. Если другим народам веками пришлось совершенствовать свой грубый, неотесанный язык, нам требуется всего несколько лет, чтобы лучше изучить наш славянский язык, после чего мы не только станем вровень с упомянутыми народами, но и превзойдем их по богатству языка. Мы значительно продвинемся вперед и достигнем успеха, если попечители народного образования, учителя и священники будут ревностно исполнять свой долг. Нам и вправду следует стыдиться, что живем в таком всеобщем пренебрежении к своему языку. Мы неправильно читаем, неграмотно пишем, многие слова употребляем неверно. Позор! Несчастье! Никто не объяснит нашей учащейся молодежи, как надо произносить наше "ы". "Бити" и "быти" мы произносим одинаково, хотя значение этих слов различно. Точно так же "сырый" и "сырой", "сынъ" и "синь" и т.д." Затем, говоря о "Славянской грамматике" Мразовича (Вена, 1794), Г.Трлаич подчеркивает, что в ней тоже нет подробных объяснений и понять ее может лишь "опытный славянин", однако же язык по этой книге выучить можно. Трлаич надеется на ее новое издание, с помощью которого "все другие опытные славяне, следуя по мере сил за г-ном Мразович, способствовали бы расчистке заросшей нивы нашего языка, что бы стало первым шагом в развитии

науки и процветания"². В предисловии к роману Г.Трлаич указывал, как следует произносить те или иные славянские слова, особенно редко употребляемые, и добавлял: "Великое бы благо было, если бы всеми своими силами связали себя с ним (т.е. со славянским языком). Еще есть время исправить нашу беззаботность. Мне часто доводится восхищаться чистотой произношения у простых, даже неграмотных людей, которые выражают свои мысли чистым славянским языком. Слава богу!"³

Наряду с Г.Трлаичем, защитником русскославянского языка как литературного языка сербов выступал Павле Кенгелац. В предисловии к своей книге "Естествослобие" (1811) он подчеркивал, что старался "писать чисто по-славянски", дабы читатели в той или иной мере могли овладеть "славянским языком", и что весьма заблуждаются те, которые полагают, будто на славянском языке нельзя выразить все то, что греки, римляне и другие народы выражали на своих языках; ведь славянские книги находятся в церкви, в том числе и те, которые написаны и переведены в нынешнее время. Кенгелац убежден, что авторы книг должны следовать правилам языка, а не прислушиваться к тому, что говорят простые люди, иначе бы и самая простая немка могла сочинять книги, если бы их писали на том немецком языке, на каком говорят все. Некоторые наши писатели, продолжает автор, пишущие на простонародном языке, "удовлетворяли свое тщеславие, но ведь у всех народов книги, в том числе и грамматики, пишут по грамматическим правилам, и лишь у нас "по правилам бабы Смиляны"⁴.

Несмотря на подобные суждения, русскославянский (славянский) язык не стал и не мог стать общим литературным языком сербов. Он был таковым некоторое время в XVIII в. в период своего утверждения среди сербов. Вытесняя и вытеснив сербскославянский, т.е. древнесербский церковный и литературный язык, русскославянский язык выполнял у сербов функцию общего литературного языка. Однако вскоре

после того, как начал складываться славяносербский тип литературного языка, русскославянский язык на протяжении второй половины XVIII в. все больше ограничивал сферу своего употребления церковью⁵. С этой функцией он вступил и в XIX-е столетие. Его изучению в сербской среде того времени особенно способствовали учебники Аврама Мразовича, выдержавшие с последнего десятилетия XVIII вплоть до середины XIX в. много изданий. Это хорошо известные "руководства" Мразовича по славянской грамматике, правилам чтения, правописанию и произношению⁶.

Кроме А. Мразовича были и другие авторы славянских (русскославянских) грамматик. Среди них необходимо упомянуть Димитрия Тирола, который опубликовал в 1827 г. "Славянскую грамматику", отличавшуюся от мразовичевской в двух отношениях: она была напечатана гражданским шрифтом и орфографией Вука и все объяснения в ней давались на сербском народном языке, в то время как примеры, о которых говорил автор, — на русскославянском⁷. Разумеется, по такой книге изучать русскославянский язык было легче. Кроме того, подобный подход к русскославянскому языку означал его отделение от сербского народного языка, что само по себе не было новостью, но впервые осуществилось в такого рода учебном пособии. Этому способствовала, несомненно, реформаторская деятельность Вука Караджича, который в 1818 и 1826 г. останавливался на различиях между сербским народным и славянским (русскославянским) языком и письмом. Говоря о различиях между ними он выступал и за функциональное разграничение этих языков, высказывая высокое мнение о славянском (русскославянском) языке: "Я, как и всякий серб, славянский язык люблю и почитаю, потому полагаю, что в настоящее время мы ничем иным ему не поможем, кроме как отделив его от сербского языка и оказав все по чести и уважение, которые принадлежат ему по праву, как и церкви, в которой на нем совершают службу и поют... Когда в наших школах скажут: вот это — язык

сербский, а тот – славянский, это – грамматика сербского языка, а та – славянского, тогда оба языка наверняка будут знать лучше, чем ныне"⁹. Эта позиция Вука и его отношение к русскославянскому языку до сих пор часто забывались отдельными исследователями деятельности реформатора. Вука неоправданно противопоставляли церковнославянскому (русскославянскому) языку, считая его врагом этого языка, что, разумеется, неверно.

Подобно Д.Тиролю, Георгие Захариadis опубликовал в 1830–1832 гг. два тома "руководства" по славянскому языку, где рассматривал произношение, ударение, правописание, морфологию и синтаксис¹⁰. Обе книги изданы церковным шрифтом, но объяснения большей частью даны на сербском народном языке, а грамматические примеры – на русскославянском, что также облегчало усвоение материала.

Основы грамоты на русскославянском языке приобретали в то время по букварям, что являлось продолжением соответствующей практики второй половины XVIII в. Здесь следует упомянуть известный "Букварь" Павла Соларича (1779–1821), изданный в Венгрии в 1812 г., в котором помимо двух разделов – кириллическим гражданским шрифтом и глаголицей имеется особый раздел с церковными буквами¹¹. "Букварь" Вука Караджича, вышедший в Вене в 1827 г. содержит не только пояснения к изучению гражданской кириллицы, но и раздел "Славянские или кириллические буквы в наших церковных книгах", после чего следует толкование общепринятых церковнославянских сокращений и текстов "Символ православной веры" и "Молитва господня", напечатанных, разумеется, церковным шрифтом и на русскославянском языке¹². Для ознакомления молодежи с русскославянским (церковным) алфавитом, текстами, правилами чтения и грамматики, а также с гражданским алфавитом и текстами на сербском языке, предназначались следующие учебные пособия: "Букварь", изданный в Черногории во времена Негоша в 1836 г.¹³ "Букварь" Петра Радовановича¹⁴ и "Бук-

варь" Григория Зарича¹⁵, напечатанные в Белграде в 1838 г. В середине прошлого века в Беле выпел в свет букварь для "молодежи славяносербского народа в Венгерском королевстве", в котором лишь одна страница (с. 18) напечатана курсивным гражданским шрифтом, но на церковном языке, а остальные – церковным шрифтом на русскославянском языке. По этой книжке учили церковный алфавит, слогосложение, заглавные буквы, надстрочные знаки, различные тексты, цифры и таблицу умножения¹⁶.

Русскославянский язык у сербов в первой половине XIX в. применялся и в различных двуязычных словарях¹⁷. Иностранные слова в них переводились не только на сербский народный язык, но и на русскославянский (и русский); иногда на иностранную лексему давались одновременно и сербский народный и русскославянский (русский) эквиваленты. Эти словари также способствовали изучению в сербской среде русскославянского языка. Внесли свой вклад и маленькие словари, т.е. приложения к отдельным текстам, содержавшие пояснения отдельных русскославянских слов, наиболее часто употребляемых в той книге, к которой такой словарь прилагался¹⁸.

Употребление сербами русскославянского (славянского) языка во второй половине XIX в. сводилось, за редкими исключениями, к его богослужебной и церковно-административной функции, для которой он, собственно, и предназначался с момента введения (1726). Эта функция обеспечила ему "мирное" существование, означавшее, что русскославянский язык не был и не мог быть охвачен какими-либо организационными реформами, столь актуальными для литературного языка и письма сербов во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹⁹ Правда, стихийная сербизация русскославянского языка в известной степени изменила его оригинальный облик, особенно в разговорном варианте, чтении и церковном пении. При всех стараниях авторов грамматик и учебников русскославянского языка, сербы не могли

усвоить русскую и русскославянскую фонему "ер(ъ)", поскольку ее не было в народном языке, ни в сербскославянском — древнем церковном и литературном языке сербов, который использовался с самого начала письменности до середины XVIII в. Русскославянскую и русскую "фиту" сербы произносили как "т", а не как "ф". Сочетания: "л е" и "н е" и согласную "л" в русскославянских примерах типа моленіе, храненіе, действительный, сербы произносили как "лэ", "нэ" и "л". Старое сербскославянское и русскославянское произношение начального "и" в слове Іак въ сербы изменили на аков. Можно сказать, что сербы так и не овладели ударением русскославянского языка, хотя к этому их наставляли учебники языка и отмеченные ударения в издаваемых текстах. Русскославянские слова сербы произносили с собственным ударением, присущим их родной речи, чаще всего нынешнему шумадийско-воеводинскому диалекту, что соответствует и нынешнему произношению церковных слов по четырехакцентной системе, отличающей современный литературный язык²⁰.

Все указанные, а также не упомянутые изменения русскославянского языка, которым он подвергался в сербской среде после 1726 г., происходили в нем и на протяжении первой половины XIX в. Несмотря на то, что в то время уже произошло окончательное размежевание русскославянского (славянского) и сербского народного языков по их литературно-языковой функции и никто, начиная со второго десятилетия XIX в. больше не поднимал голос за то, чтобы русскославянский язык все же не исчез из внецерковной сферы, где сербы приобретали основы чтения и письма. Основные понятия, касающиеся этого языка, сохранялись в школьных букварях в течение всей первой половины XIX в. А в церковной, богослужебном употреблении русскославянский язык у православных сербов в указанный период все больше утверждался, развиваясь как сербский вариант этого языка. В этом виде он ступил в следующую эпоху своего су-

ществования у сербов, каковым и остался по сей день.

Примечания

1. Трлајић Г. Забављен е Јединаго Јетнаго утра или удивленије Јестественим красотам. В Виенѣ е, 1793, с. 9, 64, 67; Гудков В.И. Борьба концепций "славянского" и "простого" языка в истории литературного языка у сербов. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 205-207. Вышеприведенные и иные цитаты переведены с русско-славянского на сербскохорватский язык. Название отдельных сочинений даны в транскрипции (См. А.Младеновић. Напомене о транскрипцији и критическом издавању старих српских текстова из XVIII и XIX века - Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1979, књ. XXII - 2, с. 95-129).

2. Трлајић Г. Нума и процветајущиј Рим. С русијскога Григоријем Трлајицем. В Будинѣ Градје, 1801, с. 227-229, 230-231.

3. Там же, с. XXV.

4. Кенгелац П. Јестествословије. - В Будинѣ Градје, 1811, с. II, 13-14; Гудков В.И. Указ. раб., с. 208-209; Младеновић А. Напомене у вези са схватањима о књ ижевном Језику код Срба у XVIII и у првим деценијама XIX века. - Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1981, књ. XXIV-1, с. 89-92.

5. Младеновић А. Неколико мисли о српскословенском, рускословенском и славеносрпском типу књ ижевног Језика. - Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984-1985, књ. XXVII-XXVIII, с. 503-504.

6. Мразовић А. Руководство к славенскому правоучению и правописанию. За употребленије националних славеносрпских училишч. - В Виенѣ е, 1792, с. 61; В Будимје, 1797, с. 48; В Будимје, 1800, с. 48; В Будимје, 1806, с. 56; Руководство к славенстјеј граматичје. Во употребленије славеносерпских народних училишч. Издано трудом Аврама Мразовича. - В Виенѣ е, 1794, с. 16, 187, +3; В Будинѣ Градје, 1800, с. XVI+192 (два изданија за один год); В Будинѣ е, 1811, с. XVI+190; Руководство к славенскому краснорјечию. Во употребленије љубитељеј славенскаго јазика. Издано Аврамом от Мразович. В Будинѣ Градје, 1821, с. XXIV+256+5.

7. Славенска граматика, сад први ред на српском езику изјаснѣ ена Димитријем И.Тиролом. Прва свеиска. У Бечу, 1827, с. 54+2

8. Српски рјечник, истолкован немачким и латинским ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818, с. III-XIV - В кн.: Сабрана дела Вука Караџића, књ. II. Београд, 1966; Главне разлике између данаш-

њ ега славенскога и српског језика. - В кн.: Сабрана дела Вука Караџића, књ. 8 ("Даница", 1826-1829). Београд, 1969, с. 53-66.

9. Караџић В. Српски рјечник, 1818, с. XIII.

10. Руководство к славенско граматизи содержаще праволаголаније и правописаније. На употребленије часловаца и псалтираца. Сочинено Георгијем Захаријадисом у Шапцу, граду српском, љ ета 1824. У Будиму, 1830, с. X+157+7; Славенска граматика содержаща етимологију и синтаксис. Сочинена Георг/ијем Захаријадисом у Шапцу, граду српском, љ ета 1824. На употребленије вовјерене му јуности српске. У Будиму, 1832, с. XVI+265+9.

11. Буквар славенски триазбучни или первоје руководство к познанију књ иг и писанију. Во употребленије Славеносербов. Списан Павлом Соларичем Великописаничанином. В Млетках, 1812, с. 142.

12. Први српски буквар. Написао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1827, с. 2+17 (фототипическое издание Народной библиотеки Сербии) Београд, 1978.

13. Српски буквар ради учења младежи црковному и гражданскому читану. У Црној Гори, 1836, с. 20+43.

14. Српски буквар или нова азбучна књ ижица за прво наставленије младежи у народним нормалним школама Књ ажества Србије. У Београду, 1838, с. 62+2. Об авторе этого букваря см.: Каталог књ ига на језицизма југословенских народа 1519-1867. Београд, 1973, с. 353.

15. Мали учитель и српски буквар садржава ј ушчи у себи правила црковног и гражданског читанја, нужне молитве и многе полезне предмете за српску дјечу. Это заглавие взято из след. книги: Ђунковић Срејко. Буквари и букварска настава код Срба. Београд. (Педагошки музеј). Каталог изложбе: децембар 1963-април 1964, с. 14).

16. Буквар во употребленије јуности славеносерпскога народа во Унгарском краљевствје принадлежашчих јему предјелах находјашчегосја. В Будинџе Градје, 1850, с.32.

17. Рјечник греческо-славенски в ползу славеносерпскога јуношества. Георгијем Папа Захарија, греческим учителџем земунским. Будим, 1803, с. 4+136; ср. Немачко-српски (рускословенски, руски) речник: Рјечник мали. В Будинџе Градје, 1829, с. 104; Рјечник мали. В Будинџе Граде, 1837, с. 94. Кроме этих двух изданий, словаря, который впервые был опубликован в 1793 году (его авторство принадлежит Саве Лазаревичу), о чем свидетельствует С.С.Костич), существуют и другие издания 1802, 1806, 1814, 1823 гг. См.: Костић С.С. Ученици немачког језика код Срба у XVIII веку. - Годишњ ак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1972, књ .XV-2, с. 529-531.

18. Трлазић Г. Забавленије, с. 29-55 (изјасненије некоторых рјечей в сочиненији сем находјашчихосја и им подобних); Трлазић Г. Нума, с. 211-229 (Значеније њ е-

ких в књ изје сеј находјашчихсја речениј славянских в простом разговорје неупотребљ ајемих); Захаријадис Г. Руководство, с. 128-137 (Изјасненије њ еки славенски и страни рјечи у овој књ ижици и у Свјашченом писанију у находе и се); Захари адис Г. Славенска граматика, с. 257-260 (Изјасненије њ еки рјечи славенски и страни у Граматики находени се). См. тајже: Гудков В.П. К изучењу русског лексическог наслеђа в сербохорватском јазыке. - Вестник МГУ, Москва, 1978, № 4 (Филология), с. 72-82; Младеновић А. Напомене о раду на речнику славеносрпског типа књ ижевног језика - В књ.: Лексикографија и лексикологија. Зборник реферата. Београд - Нови Сад, 1982, с. 137-140.

19. Реформа Азбуки 1810 г. (ее автор - Савва Мркаљ (1783-1833) основывалася на церковной (руссославянской) кириллице. Она требовала уничтожения одной буквы "ъ" - "дебелого ера" - покушалася только на азбуку руссославянского языка. Это не потревожило "мирного" его существования и церковную функцию у сербов, что и не имел в виду Мркаљ. (См. об этом: Младеновић А. Филолошко дело Саве Мркаља. - Кончежић . Београд, 1883-1984, књ. ХХ-ХХІ, с. 3-25.

20. Ђорђић П. Карактеристика савремен: изговора нашег црквеног језика. - Богословље. Београд, VI/1931, св. 3, с. 236-245; Ђирић А.Б. Прилог проучавању акцентуације у данашњ ем црквеном језику. - Зборник Православног богословског факултета. Београд, 1951, књ. II, с. 531-532; Младеновић А. О неким питањ има примања и измене рускославенског језика код Срба - Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1982, књ. XXV-2, с. 56-61, 68-70, 73-74, 75-77; Младенови А. Неколико мисли о српскославенском, рускословенском и славеносрпском типу књ ижевног језика, с. 503.

Р.В.БУЛАТОВА

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ СЛАВИСТИКИ В РАЗРАБОТКУ ВАЖНЫХ ПРОБЛЕМ СЕРБОСХОРВАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XIX ВЕКА

Заложенные во второй половине XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. основы сербскохорватской филологической науки обусловили пути ее развития в течение большого и принципиально важного периода, рамки которого составляет XIX столетие. Конец XVIII и начало XIX вв. характеризуются небывалым подъемом в развитии исторических

и филологических наук в Сербии и Хорватии. В этот период был решен ряд важных лингвистических задач. Во-первых, были показаны характерные особенности сербскохорватского языка, отличающие его от старославянского с древнейших времен (IX-X вв. – по латинским и греческим источникам – П. Шафариком в его труде "Serbische Levekö-gler" 1833). Во-вторых, было определено, что входит в понятие "сербскохорватский язык". Ведшимся в течение нескольких десятилетий научным спорам – какие основные наречия составляют сербскохорватский язык (Копитар, Миклошич и др.) – к 60-70-м гг. XIX в. были подведены итоги (Ягичем и за ним Даничицем): штокавские и чакавские наречия составляют основу сербскохорватского языка. Вопрос о кайкавском наречии оставался открытым¹, хотя и в этот период А. Мажураничем высказывалось мнение о включении кайкавского диалекта в состав сербскохорватского языка.

Начиная с первого издания Словаря Вука Караджича ("Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем рјечима" 1818) в сербскохорватской филологической науке появляются многообразные основополагающие труды национальных исследователей. Актуальнейшей задачей было создание нормативной грамматики. Здесь новаторское начинание Вука имело активную поддержку Дж. Даничича, объявившего себя безоговорочным сторонником Вука. Первая грамматика ("Писменица") была опубликована Вуком в 1814 г. В 1847 г. в своей книге "Рат за српски језик и правопис" (У Будиму) Даничиц писал, что "у нас ... сколько литераторов, столько и правописаний" и обосновывал необходимость введения единого правописания, единых грамматических норм. Декларированные требования Даничиц воплотил в своей нормативной грамматике 1850 г. В 1852 году выходит второе издание Словаря Вука, в котором Даничицу принадлежит акцентологическое нормирование. С 1851 г. по 1869 г. Даничиц издает серию больших работ,

явившихся полным и системным описанием акцентологической системы молодого литературного сербскохорватского языка. Таких описаний не имела тогда ни одна славянская наука. Интересы Даничиича не ограничивались нормативной грамматикой. Он обратился к истории сербскохорватского языка, издав в 1863–1864 гг. двухтомный древнесербский словарь, до сих пор, к сожалению, остающийся единственным изданием такого рода в палеосербистике. Под руководством Даничиича Югославянская академия наук и искусств начала работу над обширнейшим многотомным изданием исторического словаря сербскохорватского языка, продолжавшегося почти столетие². Это лучший из имеющихся до сих пор исторический словарь славянских языков. Неудачной была попытка Даничиича написать очерк по сербскохорватской исторической акцентологии по староштокавским и старочакавским памятникам письменности XIII–XVII вв.³

Важная задача – развертывание исследований по диалектологии в это время воплощалась в издании старых областных писателей (предпринятое Игичем, Будмани, Малавцем, Павичем, Решетаром, Маретичем), с одной стороны, и в появлении диалектных описаний – уже в конце XIX – начале XX вв. (чакавских говоров – А.Мажуранич 1869, И.Милчетич 1898 и др.; штокавских говоров – О.Брох 1903, А.Белич 1905, М.Решетар 1907 и др.) – с другой.

Следует отметить издание Буком Караджичем народных песен сербов и хорватов (с 1814 по 1833 гг.), а также его сербский перевод Библии (1847), значительно расширившие представление о лексическом богатстве и синтаксическо-стилистических возможностях сербскохорватского языка.

Наряду с написанием чисто исторических работ и в их русле (начиная с "Истории славянских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов" Раича – Вена, 1794) в рассматриваемый период большое внимание уделялось описанию и изданию исторических памятников сербов и хор-

ватов. Описывались средневековые монеты (Давыдовичем, Светичем, Стоячковичем, Ст. Поповичем, Яном Шафариком, Рейхелем, Бодянским), печати (Авраамовичем, Рачем, Милутиновичем и др.). Но особенно ценным было издание памятников средневековой дипломатии — грамот (П.Юлинцем, Авраамовичем, Вуичем, Карано-Твртковичем, Шафариком и др.), а также различных записей и надписей (Миклошич, Пуич, Л.Стоянович и др.). Именно эти публикации составили надежную базу для лингвистических разысканий исторического характера.

Таким образом, в первой половине XIX в. национальная филологическая наука в Сербии и Хорватии достигла значительных успехов как в открытии и развитии целого ряда важных областей и направлений, так и в накоплении солидных материалов, способных пролить свет на многие вопросы истории языка.

На фоне многообразных и основательных разработок сербских и хорватских языковедов появившиеся в России работы по сербскохорватскому языку не оказались периферийными. Их появление было обусловлено теми накоплениями, которыми располагала к тому времени национальная наука. Некоторым из работ российских исследователей суждено было положить новые направления в сербскохорватском языкознании, хотя судьба этих исследований сложилась по-разному. Научная значимость работы определяется не только и не столько признанием ее современниками, но главным образом влиянием ее на дальнейший ход развития науки, открытием нового, перспективного направления.

В российской лингвистической науке того времени трудилось уже второе и третье поколение славистов, продолжившее лучшие традиции первого поколения — Востокова, Срезневского, Добровского и др. Под непосредственным влиянием ведущих московских славистов О.М.Бодянского и М.П.Погодина вошел в сербистику Аполлон Александр-

рович Майков (1826–1902). Его магистерская диссертация "История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей в связи с историей народа" (М., 1857, 847 с.) стала первой работой, рассматривающей эволюцию языкового развития на таком материале, который в наибольшей степени содержал элементы народного языка – деловой письменности XII – XV вв. (около двухсот источников). В этом труде впервые были поставлены и решались (правда, не всегда на уровне тогдашних теоретических и методологических возможностей) ключевые вопросы филологического и исторического анализа старых текстов, как, например, о соотношении в них церковнославянских и народных элементов языка, о зависимости преобладания одних над другими от характера, времени и условий написания памятника. Цели, которые ставил перед собой Майков ("проследить по векам и областям состояние древнесербского языка") остаются актуальными и для современной науки. Многие наблюдения ученого (от глобального – об упрочении позиций народного языка в деловой письменности к концу XV в., до более частных, как обзор функций и употребления надстрочных значков, обозначающих ударения и долготы) были первой и весьма важной фиксацией объективной языковой реальности.

А.А.Майков чутко и верно уловил потребности молодой славистической науки. Он писал в своей книге: "Начавшись еще так недавно, всего лишь в половине прошлого столетия и дойдя до общего сознания Славянства, от общего пробуждения чувства народности, Славяноведение совершило в короткое время огромные успехи по всем отраслям народной жизни. Теперь оно находится в поре частных. Первоначальное общее сделало свое дело: новая мысль пробуждена, направление дано, развитие пошло в ход; зерно пустило так глубоко корни, что исторгнуть их уже невозможно ... Дело ученого угадать современную пору своей науки и удовлетворить ее потребностям" (С.І.).

По примеру П. Шафарика, написавшего "Древнечешское наречие" (1845), Майков задумал обратиться к древне-сербскому языку как к "одной из нужнейших областей для современной науки" (С. II) и наиболее полно обеспеченной материалами. Достоинство труда Майкова оценивается прежде всего широтой поставленной задачи: рассмотреть основные исторические языковые процессы сербов на фоне и в связи с историей народа. Майков исходил из того, что "язык народа имеет тесную связь с его целой многосторонней жизнью" и нужно изучать язык письменности с учетом исторических условий и обстановки. Впервые в южнославянской филологической науке лингвистическое исследование проводилось на материале древних письменных источников, которые подвергались тщательному историческому и строгому филологическому анализу, цель которого была по возможности более точная атрибуция каждого письменного памятника — места и времени его создания. Майков использовал надписи на средневековых монетах, печатях, но основным материалом для его лингвистического и исторического очерков послужили памятники деловой письменности — грамоты (с первой Бана Кулина 1189 г. до дубровницких, боснийских, зетских и др. грамот XV в.) и Законник Стефана Душана (Ходошский список в издании 1873 г. Шафарика, который Майковым сопоставлялся с Раковацким и Текелииным списками). Майков стремился критически оценить имеющиеся публикации грамот, сличая одни и те же грамоты в разных изданиях, отбирая надежные и отбрасывая ненадежные источники (так ему пришлось отказаться от публикации В. И. Григоровича, у которого образцы сербских грамот перемежаются пересказом самого издателя). Майков справедливо определял, что древний книжный язык сербов был двойного рода: церковнославянский с сербскими чертами и народный книжный, преобладавший в памятниках деловой письменности. Чтобы иметь представление об обеих этих разновидностях древ-

несербского книжного языка, Майков должен был знать и памятники богослужебного характера. И хотя автор не включил эти памятники в свое описание, при анализе книжного народного языка он имел в виду их материал (см. С. 46).

Книга А.А.Майкова состоит из двух частей: исторической (С.59-306), в которой показано значение использованных памятников для трех государственных областей, где они были созданы - Дубровника, Боснии и Сербии, и их исторические судьбы, и лингвистической (С.307-813). Последняя часть открывается обзором использованных памятников письменности и затем описанием надстрочных значков. Следует отметить, что Майков первый обратил внимание на подстрочные знаки, отводя им подобающее место в анализе древних текстов. К сожалению, на протяжении следующих нескольких десятилетий они незаслуженно игнорировались палеосербистикой, и только палеографическая школа В.А.Мошина вновь обратилась к надстрочным значкам как к показателям важного языкового явления - акцентуации (с XIII-XIV вв.) и как к составляющим палеографическую характеристику писцовых школ (в основном до XIII-XIV вв.).

В очерках древнесербской фонетики (Главы II-IV: полу-гласные, гласные, согласные) Майков описывает особенности графики и орфографии (пытаясь сформулировать правила употребления отдельных букв и буквосочетаний) - с одной стороны, и - с другой, - анализирует, как отражено в памятниках реальное произношение. При всем при этом Майков постоянно еще имел в виду неидентичность "письменного языка" и "устного языка". Богатый материал, использованный Майковым, помогает ему сделать (к тому же впервые в сербистике) целый ряд верных и интересных наблюдений, касающихся орфографических норм сербских средневековых письменных памятников и особенностей древнесербской фонетической системы (о судьбе редуцированного, слоговых плавных, звука х, аффрикат и т.д.). Важно, что

Майков постоянно стремился проследить территориальную (а значит – диалектную) отнесенность описываемого явления. Это относится и к древнесербской морфологии (Главы У, VI: склонения, спряжения). Майков проводит и некоторые ономастические наблюдения. По ходу анализа Майков сделал немало верных и тонких для исследователя языка древних текстов замечаний, например, о случаях традиционного написания, т.е. не отражающего живого произношения (прежде всего относительно ъ). Также важно замечание Майкова о старых клише в грамотах, переносимых из более ранних текстов.

Майков продемонстрировал великолепное понимание законов и условий развития, как бы сейчас сказали – литературного языка. Он писал: "Сербский язык, живший в народном говоре, проложил себе дорогу в те памятники и в те места памятников, где речь шла о делах мирских, где содержание переходило к жизни обыденной, где излагалась сущность договоров, или постановлялись условия задач и пр. Две стихии (церковно-славянская и народная. – Р.Б.) сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладание, смотря по смыслу речи. Одна из них была чуждая, но, по старшинству и образованию, сильнейшая; другая туземная, но по молодости и неискушенности в письме, слабейшая. Книжный язык совместил обе, но уже с первого разу оказалось различие между тою и другою" (С. 817).

Занятия историей книжного языка сербов привели Майкова к верному пониманию насущных потребностей "возрождающего народа", и он высоко оценил поистине великую деятельность Доситея Обрадовича, который заменил "искусственный язык" и "ввел в письменность чистый, свежий и живой народный язык, присущий всему народу" (С. 825).

Труд А.А.Майкова вызвал прежде всего отклик Дж.Даничича, который перевел и издал в 1858 и в 1876 гг. первую (историческую) часть книги Майкова. А лингвистическое исследование Майкова, несомненно, повлияло на

занятия Даничица историей сербскохорватского языка также на материале памятников. Об этом свидетельствует известная книга Даничица 1874 г. "Историја облика српскога или хорватскога језика до свршетка ХУШ вијека", в которой рассматривалась история окончаний и фонетические изменения. Сузив несколько охват грамматических категорий (не брались глагольные формы), Даничиц расширил хронологические рамки материала до ХУШ века и ввел более строгие методологические критерии в описание языковых явлений.

Таким образом направление, открытое А.А.Майковым в исследовании сербской исторической грамматики, было быстро подхвачено в самой Сербии. Но все же труд Майкова не получил должного признания в истории сербскохорватской науки. Правда, совсем недавно в СФРЮ благодаря А.Младеновичу незаслуженно забытая книга А.А.Майкова была реанимирована⁴. Что же касается важного научного направления, начало которому было положено А.А.Майковым в середине XIX в. и сразу же продолженного Дж.Даничицем – исследование истории сербскохорватского языка на материалах письменных памятников, оно продолжает оставаться весьма перспективным и вовсе не исчерпано работами русского и сербского ученых XIX в. Это направление ждет своих исследователей на новом этапе развития науки, когда во много раз возросла фактологическая база и совершенная, отточенная методика анализа сулит высокую результативность.

***

В.1876 г. в издании Санктпетербургской Академии (Mémoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-

Petersbourg, VII sér., t. XXX, _____, № 5) вышла книга эстонского слависта (его докторская диссертация) Д.Г.Мазинга "Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents", в которой впервые было дано детальное описание природы сербскохорватского ударения. Леонгард

Готтхильф Мазинг (1845–1936)⁵ был профессором Юрьевского (еще ранее Дерптского, ныне Тартуского) университета, где он прослужил всю свою жизнь, занимая в течение 45 лет место ведущего языковеда-слависта на кафедре сравнительной грамматики славянских наречий. Мазинг был и остается лучшим знатоком славянства среди лингвистов эстонского происхождения. Поздно вступив в славистику (Мазинг окончил Дерптский университет и увлекся русистикой уже служа в Петербурге), Мазинг прошел славистическую подготовку в Лейпциге у А.Лескина (главы младограмматического направления в лингвистике), который и стал для Мазинга наивысшим авторитетом и куратором его научных занятий на долгие годы. С другой стороны, на Мазинга оказал большое влияние зачинатель нарождающегося фонологического направления И.А.Бодуэн де Куртене, с которым Мазинга связывала более чем тридцатилетняя дружба и совместная работа на одной кафедре в Дерптском университете, которую первым занял в 1883 г. Бодуэн, а спустя 19 лет ее возглавил Мазинг. Мазинг сумел взять у двух своих великих учителей лучшее, что было в их теории и применить это в соответствии со своими понятиями лингвистических процессов и своими природными склонностями. Вслед за Лескиным он был твердым сторонником сравнительно-исторического метода, который Мазинг считал "могучим средством исследования языка". У Бодуэна Мазинг находил теоретическую опору для изучения живых языков, их звукового строя. Мазинг считал первозадачей исследователя "подвергнуть как можно более точному и всестороннему анализу звуковой строй..., так как определение звуковой системы представляет собой первое и самое важное условие для понимания грамматического строя каждого языка и для разъяснения исторического развития этого строя..." (Центральный Государственный исторический архив Эстонской ССР, ф. 402, оп. 3, №1039, дело 2242. Промение от 19.VI. 1895 г.).

Лескин советовал Мазингу заняться историей сербского ударения. Однако Мазинг увлекся живым произношением. В это время в Лейпциге было немало студентов из славянских стран, в том числе сербы и хорваты. Чуткое ухо Мазинга, привыкшее к тому же слышать восходящие и нисходящие интонации в своем родном эстонском языке, прекрасно улавливало все оттенки сербского музыкального ударения. Мазинг оказался прирожденным фонетистом-экспериментатором, обладавшим феноменальным слуховым аппаратом. Работая со своими информаторами – Николаем Петровичем, Михаилом Джорджевичем, Милоем Влаичеми и Стефаном Радосевичем, Мазинг записывал с их слов местный фольклор, просил их читать тексты, расставляя за ними ударения, затем проводил сравнение своей фиксации ударения с материалом словарей (прежде всего Вука). Мазинг провел чрезвычайно тонкий анализ интонационной кривой в различных позициях в слове. Он передавал свои наблюдения в силовом измерении и в музыкальных диапазонах. Другими словами, его характеристика сербскохорватских акцентов основана на противопоставлении сильного и слабого тонированного слога и более высокого и низкого тонированных слогов. Мазинг определил, что акцентированный слог на терцию выше неакцентированного. Краткое восходящее ударение (\ ) растет в первом слоге до квинты, а во втором опускается, но оба слога в момент своего наивысшего звучания – одинаковой силы. Принципиально та же ситуация и при долгом восходящем (/) ударении. В акцентированном слоге голос совершает скачок для восходящего интервала квинты. При этом растет экспирация и достигает вершины одновременно с окончанием мелодического подъема. Основное открытие Мазинга состояло в том, что сербские восходящие ударения (\ и /) являются двуслоговыми.

В водной части своей книги Мазинг дал интересный экскурс об ударении в греческом и санскрите, желая тем самым найти в этих мертвых языках теоретическую основу своим

наблюдениям живого явления. В своем исследовании Мазинг опирался на известные тогда работы из области индоевропейской акцентологии – Луиса Бенлоева ("De l'accentuation dans les langues indo-europeenes tant anciennes que modernes". 1847), Франца Боппа ("Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der Grammatischen Uebereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen". Berlin, 1854.), а также Куршата, Шлейхера и др. Были использованы работы русских исследователей – Востокова, Колосова и др. Знания Мазинга специальной литературы по сербско-хорватскому языку могут быть охарактеризованы не только как обширные, но исчерпывающие. Архив Мазинга, огромный, еще окончательно неразобранный, хранящийся в научной библиотеке Тартуского университета (ф. 43), с которым в 1974 г. посчастливилось работать автору этого доклада, показал, что Мазинг знал все, что вышло тогда по сербско-хорватистике. Собранный им библиография, к тому же аннотированная, занимает одну толстую тетрадь и большую кипу листов. В ней можно найти редкостные и теперь уже вовсе неупоминающиеся работы. По библиографии Мазинга можно получить полное представление об уровне сербско-хорватистики того времени. Материалы архива показывают, что такие важные труды сербских и хорватских исследователей, как словарь Вука, были расписаны им полностью. Большой материал представлен в архиве Мазинга из словарей ХУП-ХУШ вв. (Делля Белля, Стулли, Ямбрешич), множество фольклорных текстов с расставленными ударениями. Любовно переписано письмо Вука к Стерии Поповичу о сербском ударении. Особенное внимание уделено работе С.Новачовича "физиологија гласа и гласова" (1873).

Рукопись книги Мазинга "Die Hauptformen" в архиве отсутствует. Сохранился список 42 лингвистов, которым Мазинг послал свою книгу, среди них Ягич, Даничич, Новачович, Микуличич, Лескин, Бругман, Бодуэн де Куртене и др.

Современники в общем недоверчиво отнеслись к выводам Мазинга. Появилась довольно холодная рецензия профессора Белградского университета Л.Ковачевича⁶. Правда, Т.Маретич проявил интерес к результатам исследования Мазинга и с некоторыми коррективами согласился с ними⁷. Позднее, уже в новое время концепция Мазинга привлекла внимание С.Трубецкого, Р.Якобсона, А.Исаченко. Однако высокая оценка А.А.Шахматова, считавшего, что книга Мазинга должна стать "поворотным пунктом в изучении современных сербских ударений"⁸, еще долго оставалась сомнительным пророчеством.

Открытое Мазингом новое направление в изучении сербскохорватского ударения, которое мы бы сейчас назвали акустико-фонетическим, или акустико-экспериментальным, намного опередило его время. Оно получило перспективу развития лишь спустя много десятков лет с появлением специальной аппаратуры, которая обеспечивала проведение эксперимента. В 60-х годах нашего столетия Павле Ивич совместно с американской лингвисткой эстонского происхождения Ильсой Лехисте провел в Мичиганском университете на новейшей аппаратуре большую серию экспериментов по акустико-фонетическому изучению сербскохорватских акцентов. Спектрографический анализ всех записанных материалов показал картину, очень близкую той, которая была описана Мазингом: восходящие интонации охватывают два слога⁹. П.Ивич и И.Лехисте внесли кое-какие коррективы в описание Мазинга. Например, им удалось точнее показать, что представляют собой нисходящие интонации: при кратком нисходящем ударении акцентированный слог по существу является восходяще-нисходящим, достигающим вершины в середине слогового ядра; было также установлено различие в длительности подударного и заударного слогов и т.д. Но самое главное, что современный акустико-фонетический анализ подтвердил основное открытие Мазинга о двуслоговости восходящих ударений. То, что сумели уло-

вить новейшие механизмы, услышал почти столетие назад простым ухом Л.Г.Мазинга, обладавший феноменальным слуховым аппаратом¹⁰.

Как уже говорилось, труд Л.Мазинга подкупил талантливейшего ученика В.Ягича и Ф.Ф.Фортунатова – Александра Алексеевича Шахматова (1864–1920), взявшего метод Мазинга в основу своих исследований по сербскохорватской исторической акцентологии. Разработка данной области сравнительно-исторического языкознания стала насущным требованием науки того времени. Об этом свидетельствуют опыты ученых в самой Сербии и Хорватии¹¹. Однако работы Шахматова явились вершиной исторических исследований по сербскохорватской (и вообще славянской) акцентологии XIX в. Они определили развитие этой области науки на многие десятилетия вперед.

Исследование Шахматова представлено в виде пяти больших статей, опубликованных в "Русском филологическом вестнике" с 1888 г. по 1895 г. (общим объемом 270с.): 1) К истории сербско-хорватских ударений. РФВ т. XIX, № 2. Варшава, 1888; 2) К истории сербско-хорватских ударений. – Там же. т. XXI, № 2, 1890; 3) Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении. – Там же, т. XXXII, № 4, 1894, т. XXXIII, № I-2, 1895, т. XXXIV, № 3, 4, 1895; К истории ударений в славянских языках. – Известия Отделения русского языка и словесности т. III, кн. I, СПб., 1898; 4) Рецензия на кн.: M. Rešetar. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900. – Там же, т. VI, кн. I, 1901. Эти исследования посвящены описанию старых сербских и хорватских акцентных диалектных систем – Брича XIX в. (1), Стулли XVII в. (2) и Крижанича XVII в. (3) и построению общесербской и общеславянской акцентных систем (4 и 5).

Известные науке факты по времени занятий Шахматовым сербскохорватской акцентологией дали ему возможность подытожить основные результаты: "Сопоставление чакавской и штокавской системы ударений показывает: 1) что место

чакавского ударения совпадает с русским, между тем как в штокавских говорах оно передвинулось на один слог ближе к началу слова (ср. чакавск. ^{нога} русск. нога, но штокавск. нога; чакавск. ^{рука} русск. рука, но штокавск. рука; чакавск. ^{лопата} русск. лопата, но штокавск. лопата); 2) что чакавскому восходящему ударению на долгой гласной соответствует в штокавских говорах нисходящее ударение (чакавск. ^{краль} но штокавск. краль; чакавск. ^{млати} но штокавск. млати). Несомненно, что в обеих этих чертах чакавское ударение архаичнее штокавского" (4: с. 3).

Дальнейшие пути решения акцентологических проблем в сербскохорватском (еще в 1888 г. — I: с. 157) Шахматов видел (1) в исследовании современных говоров — "наблюдение за физиологическим характером ударения" и (2) в изучении древнесербского ударения по памятникам письменности. Шахматов остановился на втором пути. Он обладал для занятия исторической акцентологией по древним текстам исключительной подготовкой, которую приобрел в результате многолетней работы с древнерусскими памятниками. Шахматов считал, что "богатая древнесербская литература даст очень много ценных данных для истории ударений, говорю даст, т.к. до сих пор мы почти ничего не знаем об ударении древних памятников".

Прежде всего интуиция подсказывает А.А.Шахматову, что следует заниматься ударением одного памятника, предварительно изучив его палеографические особенности, относящиеся к системе надстрочных знаков — набор надстрочных знаков и функция каждого из них. Это принципиально важная методологическая установка была особенно необходима на том, начальном этапе работы над материалом старых текстов, но она остается обязательной на все времена. Шахматов предпочитает работать с оригиналом (как это было с рукописями Крижанича), дабы избежать многочисленных искажений (опечаток), которые неизбежны особенно при пе-

редаче в издании надстроены значков.

Другой важнейшей методологической установкой Шахматова является привлечение к исследованию исчерпывающего материала, т.е. анализируется акцентная система конкретного памятника (говоря словами Шахматова, описываются "различные типы ударений, употребляющиеся в рукописях" (3: с.250 при полной выборке примеров и даже с точными подсчетами примеров, составляющих каждый акцентный тип).

Эти два методологических принципа, разработанные Шахматовым, стали обязательным требованием в работе современных акцентологов, черпающих материал для своих исследований из древних памятников письменности. Однако прошло 80 лет прежде чем эти шахматовские разработки получили должное применение и в соединении с новым методом исследования древних акцентных систем (основанным норвежским ученым Х.Стангом¹² и развитым в 60-80 гг. нашего столетия московской акцентологической школой) дали ощутимые результаты для славянской исторической акцентологии. Имеются в виду прежде всего работы сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР - В.А.Дыбо и А.А.Зализняка¹³.

Сам же Шахматов пользовался "физиологическим методом" Мазинга, который оказался столь результативным при исследовании природы живого ударения. Применение этого метода к материалу старых письменных памятников было исключительно трудоемким делом. Он диктовал необходимость перекодирования примеров из старых диалектных систем X-XIX вв. в понятия (измерения) физиологического метода, требующего от исследователя колоссального терпения, скрупулезности, изобретательности и безупречной лингвистической интуиции. Всем этим в должной мере обладал Шахматов. Но последователей такой трудоемкий и сложный анализ не имел. В рамках избранной методики Шахматов определяет разные по акустической характеристике типы ударений: экспираторное, экспираторно-музыкальные и музыкальные. Рассматривая ударение (а) в отдельно взятом слове, вне связ-

ной речи и (б) в синтагме, Шахматов показывает дистрибуцию разных типов ударения: экспираторное ударение известно лишь в случае (а) или в конце связной речи на кратком слоге с предшествующим кратким же; экспираторно-музыкальные: краткое – на всяком кратком слоге и случае (а) или в конце связной речи: долгое – на долгих слогах при всяком их положении в слове и наконец без сопровождения других ударений на долгом предпоследнем слоге; музыкальные ударения (нисходящие) – на долгом конечном слоге и на кратком неконечном, следующими за ударным слогом (с восходящим музыкально-экспираторным ударением). Такую сложную акцентную систему Шахматов выявляет у хорвата Крижанича, предполагая нечто подобное в праславянском и общесербском (с некоторыми изменениями).

Анализу акцентной системы Крижанича предшествовало исследование славянской диалектной системы XIX в. Брлича. Система Брлича, отличная от штокавской и чакавской, оказалась весьма важной для понимания исторических процессов сербскохорватской акцентологии. Проведя идентификацию знаков ударения Брлича со знаками Вука, Шахматов (отмечая непоследовательности и неточности системы надстрочных значков Брлича и выявляя многие отпечатки) получает материал, совпадающий или несовпадающий со штокавскими Вука, и в случаях несовпадения ищет параллели в чакавских системах Мажуранича, Будмани и др., известных к тому времени. Наряду с "физиологическими" характеристиками ударений Брлича, Шахматов сделал весьма важные выводы об особенностях его акцентуации. Прежде всего Шахматов отметил сохранение в говоре Брлича долгого восходящего ударения (как у чакавцев, т.е. сохранения рефлеса нового акута), что предполагает и сохранение в нем краткого восходящего ударения (5: с. 353). и т.д. Хотя Шахматов и допустил ошибки в интерпретации ударений Брлича в ряде позиций (которые позднее отмечал Ст.Ившич, хорошо знавший живые славонские говоры, послужившие для Ивши-

ча ключом к пониманию системы Брлича), но в основе трактовка Шахматова была верной. Он справедливо отводит системе Брлича самую древнюю ступеньку в хронологической иерархии исследованных старых систем, приближая ее к проштокавской "со всеми ее особенностями: повышением слога перед ударением, различием четырех видов ударения..." (5: с. 353). Шахматов в позднейшем своем исследовании 1898 г. отказался от ряда своих выводов относительно прежде всего реконструкции общеславянских и общесербских ударений и совершенно отрекся от своего исследования акцентной системы "загадочного Стулли" (4: с. 2).

Неоценим вклад А.А.Шахматова в сербскохорватскую акцентологию тем, что он выявил важные диалектные системы, определил степень их ценности и историческую иерархию. Особенно ценным для истории сербскохорватского языка и сравнительной грамматики славянских языков было открытие Шахматовым Крижанича. Шахматов много работал с рукописями Крижанича, был горячим сторонником изучения и издания рукописного наследия Крижанича, Шахматов пристально изучил все доступные ему рукописи Крижанича и выбрал из них богатейший материал для сербскохорватской исторической акцентологии. Система Крижанича, содержащая целые архаические пласты, до сих пор остается ценнейшим источником для исследователей славянской исторической акцентологии.

Если открытая Шахматовым методика предваряющей акцентологической обработки и экскерпции материала старых письменных памятников получила признание и стала применяться лишь спустя несколько десятилетий, то обнаруженные им старые сербские и хорватские акцентные системы сразу составили золотой фонд источников сербскохорватской (и вообще славянской) исторической акцентологии и довольно быстро были взяты на вооружение акцентологами. Известный хорватский языковед Ст.Ившич пишет в 1912г. исследование, посвященное акцентным системам Брлича и

Рельковича (славонского грамматиста XVIII в.)¹⁴, на которого обратил внимание Шахматов в работе о Брличе.

Однако в целом труды А.А.Шахматова не были по достоинству оценены современниками. Видный хорватский ученый (чьи труды Шахматов высоко ценил) М.Решетар¹⁵ считал материал, использованный Шахматовым, незаслуживающим доверия и потому выводы его по сербскохорватской исторической акцентологии несостоятельными. Шахматов ответил Решетару в своей работе 1898 г. и позднее в 1901 г. продолжил дискуссию с ним в обширной рецензии на книгу М.Решетара об ударении югозападных сербскохорватских говоров (5). Ощущая неудовлетворенность "физиологическим" методом в применении его к материалам памятников, бесконечно требовательный к себе Шахматов признавал: "... я ставлю сам себе тот упрек, что старался прочесть у старых грамматиков то, чего они, может быть, не дадут для обоснования выводов, к которым я приходил теоретическим путем" (4: с. 2)¹⁶.

Однако остается подчеркнуть, что работы А.А.Шахматова предопределили и заложили очень важное направление в историческом языкознании, которое по традиции развивалось его соотечественниками - в первой трети XX в. Л.Л. Васильевым¹⁷, рано ушедшим из жизни, и в наши дни московской акцентологической школой.

Конкретные примеры из истории сербокроатистики, рассмотренные в данном докладе, демонстрируют ту характерную особенность развития науки (она же - неперенное условие ее развития), которая может быть названа международной. Другими словами, наука не замыкается государственными границами. Ее существование может быть сравнено со сложной системой сообщающихся сосудов. Прогресс определенных областей и направлений науки в одной стране стимулирует и определяет ее развитие в другой (в нашем случае речь идет о Сербии и Хорватии - с одной стороны, и России - с другой). Притом во второй стране отдельные области и направления, связанные с национальным материа-

лом первой страны, могут получить высшее развитие, что определяется конкретными условиями и возможностями этой страны, которые бывают как объективного характера (общий высокий уровень данной отрасли науки в стране, конкретно - филологической), так и субъективного (наличие талантливого исследователя). В такой взаимосвязи и взаимозависимости - сила и залог постоянного прогресса науки.

Примечания

1. Отметим, что одним из первых значительных трудов о кайкавском наречии была книга российского исследователя Л. Лукьяненко. Кайкавский диалект. М., 1905.

2. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, izdaje Jugoslovenska akademija znanosti i umetnosti. I-XVIII. U Zagrebu, 1880-1970.

3. Gjurо Daničić, Prilog za istoriju akcentuacije Hrvatske ili srpske. - Rad JAZU knj. XX. U Zagrebu, 1872, s. 103.

4. А. Младеновић. Из историје проучавања српскохрватског језика. (Заборављена "Историја српског језика" А. Майкова, штампана у Москви (1857 године).

- В сб.: "Научни састанак слависта у Вукове дане", књ. 9. Београд, 1980, с. 51-64. См. также В. П. Гудков. Столетие труда русского слависта. - "Славяне", М., 1957, 6, с. 50; он же. Интересованы московских слависта XIX века за народни језик Срба. - Ф. Београд, 1973, књ. XXX, св. 1-2, с. 85-92.

5. См. Р. В. Булатова. Леопард Готтхильф Мазинг (1845-1936). - "Tartu ulikooli ajaloo küsimusi I" Tartu, 1975, с. 142, 158; она же - в кн.: "Славяноведение в пореволюционной России. Библиографический словарь". М., 1979, с. 228-229.

6. Archiv für slavische Philologie. Bd. III. Berlin, 1879, s. 685-696.

7. Rad Jugoslovenske akademije znanosti i umetnosti, knj. LXVII, Zagreb, 1883, s. 1-5.

8. А. А. Шахматов. К истории сербско-хорватских ударений. - Русский филологический вестник, т. XIX, Варшава, 1888, с. 158.

9. I. Lehiste, P. Ivić. Accent in Serbocroatian, an Experimental Study. "Michigan Slavic Materials". 4. Ann Arbor, 1963, с. 20-21, 56, 132.

10. Нужно отметить, что Л. Мазинг был еще и первым исследователем языка македонских славян. Его книги "Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj." St.-Petersburg, 1890, s. 109. "Zur Laut- und Akzenlehre der macedoslavischen Dialekte". St.-Petersburg, 1891, s. 149.

дали толчок к развитию македонистики в конце XIX века. См. Р.В.Булатова. Первый исследователь языка македонских славян Л.Г.Мазинг (1845-1936). - "Македонски јазик". Година XXXII-XXXIII, 1981-1982. Посветено на академик Блаже Конески по повод на 60-годишнината. Скопје, 1982, с. 63-73.

II. Gjurо Daničić. Prilog za istoriju akcentuacije... Ст. Новаковић . Акценти штапанних српско-словенских книга прногорских и млетачких. - Гласник Српског ученог друштва, књ . 44, Београд, 1877; он же. Акценти Торговишког јеванђела од 1512 г. - Там же, књ . 47, 1879.

12. Chr. Strang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

13. Ср. серию исследований этих авторов по средне-болгарской, древнесербской и древнерусской исторической акцентологии, обобщенные в монографиях: В.А.Дыбо. Славянская ацентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, А.А.Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, см. также Р.В.Булатова. Старосербская глагольная акцентуация. М., 1975, она же. Работы советских исследователей по славянской исторической акцентологии на материале древних памятников письменности. - ЗФД ХХП/1. Нови Сад, 1979.

14. St. Ivšić. Akcentat u gramatici Alojzije Brlića.- Rad LAZU knj.194.Zagreb,1912; -"Akcentat u gramatici Matije Relkovića.

15. M. Rešetar. Neuere Ansichten über wesen und die Entwicklung der serbákroatischen Accentuation.- Archiv fur slavische Philologie. XIX. Berlin, 1898, s. 564.

16. См. подробнее о работах Шахматова по сербокroatистике в статье Р.В.Булатовой. Вклад А.А.Шахматова в сербохорватскую акцентологию" - "Советское славяноведение". М., 1985, № 5.

17. Л.Л.Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л. 1929.

Милорад ПАВИЧ

"СЕРБСКИЕ ПЕСНИ" ПУШКИНА

После поражения сербской революции в 1813 г. многочисленные беженцы из Сербии, в том числе Карагеоргии с семьей и некоторые вожди восстания оказались в Бессарабии, на территории Российского государства. Здесь в Бессарабии жил в качестве изгнанника молодой Александр

Сергеевич Пушкин и здесь он впервые встретился с сербскими повстанцами^{*}. И в то время и впоследствии он уделял им особое внимание, и в его творчестве отчетливо видны следы интереса к "западным славянам", как он называл сербов и других южных славян, исходя из восточного местонахождения своего отечества. Александр Сергеевич интересовался сербскими писателями, книгами, сербскими народными песнями, изучал сербский язык, переводил с него, черпая из сербских книг сведения для своих исследований и сочинений¹.

Сербский писатель XVIII в. Савва Владиславович Рагузинский (1664-1738) привлек внимание Пушкина по многим причинам: как личность, вошедшая в русскую историю петровской эпохи, и как покровитель прадеда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, которого привез в Россию и, вступив на русскую службу, подарил царю. Позднее Владиславович, направляясь в Китай в качестве русского посла поставил во главе эскорта Абрама Петровича Ганнибала².

Но в эпоху Пушкина существовали и другие обстоятельства, которые связывали его с сербской темой и политикой на Балканах. Именно тогда сербские народные песни и воспетая в них сербская революция (1804-1815) привлекли внимание европейских романтиков. Известно, что встречи Пушкина с сербами в Кишиневе были многочисленными и имели как политическую, так и литературную основу. Так, одним источником пушкинских знаний о сербских делах был Н.С.Алексеев, знаток русско-сербских дипломатических отношений, официально следивший за их ходом и докладывавший о них³.

В то же время сербы были в кишиневских масонских ложах. Пушкин имел политические встречи в Измаиле в доме серба Славича, о которых речь пойдет ниже. В Кишиневе поэт познакомился и постоянно встречался с Алексеем Петровичем, сыном Карагеоргия, а также с дочерьми и женой последнего. Одновременно с Пушкиным в Бессарабии находи-

---

^{*} А.С.Пушкин находился в южной ссылке позже, в 1820-1824 гг. Карагеоргий и большинство его соратников покинули Россию в 1817 г.

лись знаменитые Ненадовичи, Яков и Еврем, секретарь Карагеоргия Яничие Джурич, воевода Цинчар-Янко, П.Н.Чардаклия*, воевода И.Рашкович, Петар Добрнич, белградский митрополит Леонтие и другие видные личности сербской политической жизни и вожди восстания. По русским свидетельствам, Пушкин встречался в Кишиневе в доме своего друга Липранди в 1820 г. не только с воеводами Карагеоргиевичами Буличем, Яковом Ненадовичем (министром внутренних дел повстанческой Сербии), но и с писателями — например, переводчиком романа Фенелона "Приключения Телемака", Стефаном Живковичем, жена которого продиктовала Вуку Караджичу много народных песен для "Песнари в" 1814 г. Эту книгу Живкович распространял в Кишиневе и в 1816 г. писал Вуку, чтобы тот пока не присылал новых экземпляров, так как у него еще есть. От него-то Пушкин и мог узнать об этой книге, которую он приобрел и держал в своей библиотеке. От этих людей поэт записывал сербские народные песни и узнавал значение отдельных слов. В доме Липранди Пушкин слушал песни о сербском восстании, о Карагеоргии и Милоше Обреновиче, а в Измаиле молодая девушка, родственница Славича, Ирена, пела ему сербские народные песни и переводила их на русский язык. Возможно, именно она и есть та "девица Екатерина Славич", которую вместе с отцом Николаем Славичем мы находим в 1837 г. среди одесских подписчиков на книгу Вука Караджича "Черная Гора и Бока Которская"³. В Кишиневе Пушкин познакомился и с Афанасием Стойковичем (1773—1832), одним из лучших поэтов сербского классицизма, романистом и ученым, профессором Харьковского университета, чей перевод "Нового завета" на славяносербский язык Пушкин купил для своей библиотеки⁴. Их беседы касались русской грамматики и орфографии.

В Хотине, близ Кишинева, жила в то время младшая дочь Карагеоргия Стаменка, ей Пушкин посвятил одну из своих сербских песен, вводя через них в свою поэзию ле-

---

* П.Н.Чардаклия умер в 1808 г.

гендарный образ вождя сербской революции.

В дальнейшем пушкинские стихотворения на сербскую тему будут содержать и формальные следы ее воздействия. Так, пушкинский асимметричный десятистопик, как и у Гете, возник под влиянием сербского эпического десетерца с цезурой после четвертого слога; этим размером Пушкин напишет ряд поэтических переложений и оригинальных стихотворений⁵. Проникновение в характер этого размера требовало знания сербского языка и его ритмической структуры, отличной от русской. В связи с интересом к этому вопросу и другим вопросам сербской жизни, Пушкин приобрел для своей библиотеки следующие книги: три тома сербских народных песен из собрания Вука Караджича, "Сербский словарь" Вука 1818 г. издания, сборник сербских народных песен в немецких переводах Добин-Тальви, книгу Гецца *SERBISCHE VOLKSLIEDER* с известным переводом Гете "Хасанагиница", книгу *VLAGIO IN DALMACIA* (1774) аббата Фортиса, где песня впервые была опубликована, петербургское издание книги Вука о князе Милоше, описание путешествия Пирха по Сербии, "Новый завет" в переводе Стойковича и два тома монографии о Петре Великом, которую написал и издал в Венеции в 1772 г. сербский поэт и историк Захария Орфелин (1726-1785)⁶.

Создавая в 1834 г. цикл "Песни западных славян", являющиеся по существу подражаниями и переводами сербских народных песен, Пушкин воспользовался известным в то время сборником "Тюэла" Проспера Мериме, о котором позднее стало известно, что это не оригинальная сербская поэзия, а литературная мистификация. Но Пушкин переводил одновременно и из собрания Вука Караджича, то есть пользовался первоисточником, самобытной сербской устной поэзией. Таковы переложения песен: "Бог ником дужан не остаје". ("Сестра и братья"), отрывок из "Хасанагиница", "Три на вече туне (Соловей)", "Коњ се срди на господара" (Не видала ль, девица, коня моего?) Болдинской осенью 1833 г. Пушкин написал "Сказку о рыбаке и рыбке", десятистопик-

ком сербским, а на рукописи пометил: "14 окт. 1833, Болдино, 18. сербская песня". Очевидно поэт считал мотив сказки сербским и хотел присоединить ее к "Песням западных славян", которых было 16; а с переводом "Хасанагиницы" — 17. Сербским эпическим десетерцем записал Пушкин и свое стихотворение о вождях сербской революции — Карагеоргии и Милоше Обреновиче.

Помимо вышеуказанных переводов и оригинальных стихотворений, написанных десятисложником, у Пушкина есть другие произведения, связанные с сербской темой. В "Путешествии Онегина", поэт описал свою жизнь в Одессе и мasonicкую ложу торговца из Триеста Йована Ризнич, одного из тех, кто финансировал сербскую революцию. В это время завязались отношения поэта с Амалией Ризнич, происходившей из баватской семьи Нако. Стихотворения, посвященные "госпоже Ризнич", написанные в то время и позже (после ее смерти), входят во все антологии пушкинской лирики, а портреты Амалии Ризнич, набросанные рукой поэта, встречаются на страницах рукописи "Евгения Онегина". Записи об их отношениях есть в воспоминаниях Алимпия Васильевича, знакомого Ризнич.

Об интенсивности личных связей Пушкина с сербами в Одессе может свидетельствовать документ, хранящийся в Государственном Архиве Сербии (№ 8 от 1935 г.). Из него следует, что некоторые пушкинские рукописи, попавшие в Сербию из Одессы, были (в упомянутом году?) отправлены из Белграда обратно в Россию, в "Литературный музей" неким Обрадовичем.

Одновременно со сборником "Песни западных славян" Пушкин работал над монографией о Петре I, которая осталась незавершенной и в таком виде была издана лишь в нашем столетии. В библиотеке Пушкина обнаружено двухтомное сочинение сербского писателя Захария Орфелина, вышедшее в 1772 г. в Венеции под названием "История о жизни и славных делах великого государя императора Петра Первого..." Эта роскошно иллюстрированная книга

послужила Пушкину не только при работе над монографией о Петре I, но при других обстоятельствах. Книга З.Орфелина была известна в России не только во времена Пушкина, но и ранее: в 1774 г. она вышла в изданиях Российской Академии наук на русском языке. Пушкин пользовался первым изданием и из книги "венецианского историка", как он называл З.Орфелина, исходя из публикации книги в Венеции, почерпнул некоторые сведения: он раз десять сослался в своем сочинении на труд Орфелина. У него Пушкин нашел и четыре свидетельства о русско-сербских культурных и политических отношениях во время царствования Петра Великого.

Монография Орфелина о русском царе оставила и другие следы в пушкинском творчестве. Известно, что работая над "Борисом Годуновым", Пушкин менял жанр пьесы. Сначала это была "комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве"; Николай I, предлагая Пушкину переделать историческую пьесу в прозаическое произведение, также называл ее комедией. Позднее Пушкин предпочел назвать свою драму трагедией, что сохранилось и до сих пор, хотя поэт не переставал менять и перерабатывать текст. Вопрос, откуда у Пушкина то и другое определение "Бориса Годунова" – комедия и трагедия – не прост. Прежде всего, необходимо отметить, что рассуждая о высокой комедии Пушкин сам считал, что между комедией и трагедией существует близость. Однако это не объясняет, почему он без труда называл один и тот же драматический текст сначала комедией, потом трагедией. Может быть, Орфелин поможет найти ответ на этот вопрос. Следует подчеркнуть, что объемная книга Орфелина о Петре Великом представляет собой в сущности прекрасную историю России допетровской эпохи. Так, во второй главе первого тома венецианского издания сербский писатель вдохновенно и подробно отразил тот период русской истории, где речь идет о правлении царя Федора, убийстве малолетнего царевича Дмитрия, приходе к власти Бориса Годунова и появлении Гришки Отрепьева. Разумеется, Пушкин

мог почерпнуть эти данные и из других источников, прежде всего из Карамзина, которому посвятил пьесу. Но Орфелин оставил об этом отрезке русской истории следующее интересное суждение: "Россия стала театром, в который вся Европа пришла смотреть на великую смуту и стать свидетелем ужасного падения человека, который думал о русских: "Где же тот, кто вырвет Вас из моих рук?..." Этот самозванец имел в своем предприятии такую удачу, что привлек к себе большое число сторонников и в конце концов добился цели. Хотя его власть длилась недолго, он сумел создать из России театр, где была сыграна необычная, ужасная комедия, или лучше сказать трагедия, в которой участвовал он сам и другие обманщики, вдохновленные его примером"¹¹.

Нетрудно объяснить, как писатель эпохи барокко Орфелин мог употребить выражение "ужасная комедия" или одновременно назвать комедией и трагедией одни и те же события, что мы видим и у Пушкина. Воспринимая эпоху Годунова в виде театральных сцен, Орфелин употребил эти жанровые определения в их барочном значении: трагикомедия в ту эпоху была наиболее распространенным жанром драматургии, в котором смешивались высокий и низкий стиль античной поэтики, трагедия и комедия. Хотя Пушкин в сущности писал трагедию, как в конце концов и обозначил свое произведение, в его колебаниях по поводу жанра как бы слышится отзвук барочной поэтики. Как бы то ни было, но именно у Орфелина Пушкин прочитал строки, указывающие на "сценичность" (пользуясь современным выражением) исторических событий времен Бориса Годунова, и нашел в произведении сербского писателя импульс, чтобы переработать эту часть русской истории в "ужасную комедию, или трагедию".

Необходимо отметить, что Пушкин наверняка читал у Орфелина страницы, посвященные полтавской битве, подробно описанной в одиннадцатой главе первого тома.

Отношение Пушкина к этому тексту заслуживает отдельного исследования. Здесь хотелось бы обратить внимание

лишь на то, что отдельные эпизоды из Орфелина почти дословно переложены в стихи "Полтавы". Например, отрывок, где Орфелин описывает битву на реке Бибич: "Эта битва уверила Карла XII в том, что это уже не те русские, с которыми он просто играл под Нарвой". Все мы помним пушкинские строки из третьей главы поэмы, где битва при Нарве описана сходными словами. В связи с этим можно напомнить и тот факт, что в 1710 г. один из дубровницких поэтов XVIII в. Игнат Градич сочинил в Риме поэму о полтавской битве и отправил ее Владиславичу в Россию. Эта "Полтава" до "Полтавы", возможно, была известна русскому поэту, когда он разыскивал в архивах документы, связанные с петровской эпохой и судьбой Владиславича¹².

Наконец, напомним и то, что на страницах сочинения Орфелина о Петре Великом Пушкин мог встретить также указание о заговоре против царя, который готовил в 1697 г. один из Пушкиных. Этот отрывок Орфелин писал на основании многих свидетельств. С одной стороны, он воспользовался сообщениями Пери, Рабенера и Лакомбе, с другой, — привлёк высказывание Александра Гордона, что, "как говорят, жена Пушкина в тот же вечер посетила царя... и открыла ему заговор". Орфелин не верит в версию Гордона и подкрепляет свою точку зрения найденными архивными материалами. Таким образом, женщина из семьи Пушкиных взята Орфелином под защиту. В своей "Истории Петра I" Пушкин, обдумывая обе гипотезы, принял версию Орфелина и не потому, что Орфелин отводит тень с семейства Пушкиных, а оттого, что его тезис действительно производит более правдивое впечатление и основан на исторических документах¹³.

Сейчас, говоря о сербской революции, мы понимаем, что на своем протяжении она не всегда придерживалась одной и той же международной ориентации. Вначале, при Ненадовичах, и после 1804 г., во время Карагеоргия, она носила интернациональный характер и была связана с греческой этерией. В этом заключена одна из причин того, что

после поражения революции 1813 г. Карагеоргий очутился именно в Бессарабии, где находились также центры этерии; Пушкин наверняка знал об этом. Другое течение, связанное с возобновлением революции и вторым восстанием 1815 г. во главе с Милошем Обреновичем, означает конец интернациональной концепции сербской революции и ее переориентацию на собственные силы вкупе с дипломатическими акциями, направленными не на Европу, а на Турцию¹⁴.

Внимание, которое Пушкин уделяет вождям сербской революции, по всей видимости, перевешивает в пользу Карагеоргия, ибо ему поэт больше посвятил своих сочинений.

Милош Обренович в пушкинском представлении – личность без трагических примет, в то время как Карагеоргий для него трагический герой, почти легендарный образ, "преступник и герой", свободы воин и отцеубийца, достойный славы и ужаса, бунтарь, покрытый священной кровью, чья могила страшна. Посмертно опубликованное второе стихотворение Пушкина о Карагеоргии описывает Милоша в сохранившемся отрывке как "злоумышленника", который направляет в Хотин своего человека ("юношу Янко") с приказом "известить" Карагеоргия. Милош представлен как "подлец" и "кровавый враг" Карагеоргия Петровича.

По всей видимости, Карагеоргий, герой трагический и загадочный и даже и после своей смерти больше нравился Пушкину, чем Милош Обренович, который уверенно шел к успеху. Связь Карагеоргия с этерией (а Пушкин лично знал его друзей среди вождей этерии, например, Ипсиланти), греческое восстание, происшедшее после сербского, с участием Байрона, и его смерть в этерии, усиливали в глазах русского поэта ореол вокруг личности Карагеоргия, который, по мысли Пушкина, провидел будущее, хотя и потерпел поражение.

Примечания

1. Подробнее об интересе Пушкина к сербской теме см. след. работы: Павић М. Орфелин и Пушкин. - Зборник за славистику, 1970, № I, с. 37-42; Пешић М.М. Бесконечни Пушкин. Београд, 1979; он же. Пушкин. Београд, 1937; Павић М. Пушкин о првом српском устанку и Карађорђеу. - Књижевне новине, 1954, 4.Ш., бр. 8; он же. Пушкинове "српске песме". Предисловие к кн. : Сабрана дела А.С.Пушкина у 8 књига. Београд, 1972, књ. I, с. 31-43; Скерлић Ј. Француски романтичари и српска народна поезија, Мостар., 1908; Јовановић М. *La Guzla de Proveret Marinée*, Paris 1911. Стејн С. У руском архиву. Београд, 1932, с. 16-17; Митропан П. Пушкин код Срба. Скопље 1937.
2. Подробнее о С.Владиславиче см. след. работы: Дучић Јован, Гроф. Сава Владиславић. В кн.: Сабрана дела Ј.Дучића, књ. У. Сарајево, 1969. Павић М. Историја српске књижевности бароконог доба. Београд, 1970, с. 309-311; Пешић М.М. Бесконечни Пушкин. Београд, 1979, с. 280-281.
3. Павић М. Пушкинови стихови о нашој земљи и људима. - Сусрети, Петине, 1954, бр. 8.
4. О знакомстве Пушкина и Стојковича подробнее см.: Пешић М.М. Живи Пушкин. - Политика, 1962, 8.П.
5. О пушкинском десјатисложнику см. след. работу: Петровић Св. Поредбено проучавање српскохрватског епског десетерца и спорна питања његовога описа. - Зборник Матиче српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1969, књ. XIII, II, с. 177. См. там же библиографију литературе по этому вопросу.
6. Модзалевский Л.Б. Библиотека А.С.Пушкина. СПб., 1910. Модзалевский номером 146 обозначал только второй том произведения Орфелина, но наверняка Пушкин пользовался обоими книгами.
7. Об Амалии Ризнич см. подробнее: Зеленецки К.П., П.С.Срећковић и А.Васильевић. Васильевич, например, утверждает, что Амалия была сербкой из "семьи Нико" (Васильевич А. Јован Ризнич. - Трговачки гласник, 1906, бр. 24-26).
8. Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. Москва, 1955, с. 89-90, 106-107; Павић М. Орфелин и Пушкин. В кн. : Језичко памћење и песнички облик. Нови Сад, 1976, с. 45-74.
9. Ср.: Пушкин А.С. Полное собр. соч. в десяти томах. Москва, 1957, с. 610-612.
10. Словарь языка Пушкина. М., 1957, т. II, с. 358.
11. Орфелин Захарија, Петар Велики. Београд, 1970, I, с. 138-139.
12. О "Полтаве" Пушкина и Градича см. след. работу: Павић М. Језичко памћење и песнички облик. Нови Сад, 1976, с. 378-380.

13. Там же, с. 66-67.

14. Павић М. Историја, стил и стил. Нови Сад, 1985, с. 129-131 (см. также статью в этой книге "Руско-српске књижевне везе у доба просветитељства").

Голуб ДОБРАШИНОВИЧ

РОССИЯ В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУКА КАРАДЖИЧА

"С раннего детства, — отмечал Вук Караджич в одном из своих писем 1842 года, — я любил Россию, как любит ее большая часть сербов: как страну, родственную сербам по языку и вере, страну, которой они гордятся, думая, однако, про себя, что тем самым способствуют приумножению ее силы и славы"¹.

Несмотря на известную куртуазность этого письма (оно было адресовано русскому дипломату) и определенную зависимость Караджича (напомним, что Вук получал пенсию от русского правительства), эти слова в основе своей искренни. Вук остается таким до последних минут своей жизни, до своего последнего письма, продиктованного со смертного одра русскому профессору Б.А.Кашкадамову и направлено министру просвещения в Петербург. "Уже умирая, — пишет Вук, — я устремляю дух мой к российскому престолу, к сему лучезарному светилу, которое благостным сиянием своим озаряет весь славянский небосклон и которое, на протяжении 50 лет моего литературного служения ему, постоянно согревало и воодушевляло меня новыми силами на новые труды и на новое служение". "В предверии гроба, в сие торжественное мгновение моей преклонной, уже угасающей жизни" — он просит перевести его пенсию на жену и дочь — вдову с малолетним сыном, а также оказать помощь в издании его новой книги, на которое в их бедственном положении у них нет средств. В знак благодарности (в том числе и за орден св. Анны II-ой степени с короной) он почтет за счастье, если ему позволят выслать в подарок 8 своих книг².

Любовь Вука к России была постоянной, хотя и не всегда равномерной. В Белграде в дни восстания, в доме его родственников вместе с ним жил профессор Иван Югович, фигура в ту пору заметная, однако, как обнаружится позже, австрийский агент. Он обучал Вука немецкому языку, однако использовал его в своих наскоках против Досифея и некоторых других прорусски настроенных деятелей: послал Вука запоминать стихи на надгробии Чардаклии³. Не в этом ли кроется объяснение (или во всяком случае догадка), почему Вук после поражения восстания отделился от ядра восставших и направился не в сторону Хотина и Бессарабии, а на северо-запад, в Вену; не потому ли пришлось на худой конец немецкий выучить, — как он скажет в своей первой книге⁴.

В царском граде Вене Вук, как известно, подружился с видным ученым Еренеом Копитаром. Поборник австрославизма, Копитар не был расположен к России, хотя его там ценили. Подобного рода связи не могли пройти бесследно для депутата Караджича. В одном из писем Вука 1818 г. содержится свидетельство охлаждения к нему со стороны русского посла: Вук сообщает Мушицкому, что он обратился к послу за помощью для издания своего "Словаря", но тот отказал ему как австрийскому сербу и предложил обратиться к австрийскому императору. Более того, он не принял в подарок вторую книгу его "Песенника", под предлогом, что мол не понимает по-сербски и не располагает временем для чтения. "Все это мне высказал с приветливой улыбкой министра. Ответить на это мне было нечем, и я тоже стал улыбаться, удивляясь про себя, какой бесстыдной может быть политика", — добавляет Вук⁵.

Два месяца спустя, в конце 1818 г., Караджич отправился в Петербург. Только что вышедший "Словарь" открывал ему двери домов и в царской столице, представляя его тамашней чрезвычайно лобознательной общественности. В Петербурге он начал переговоры относительно перевода Нового завета для русского библейского общества, а затем о сборе материала для известного мецената графа Николая

Петровича Румянцева⁶. В Московской синодальной библиотеке Вук ознакомился со многими сербскими славянскими книгами древнего периода славянской письменности⁷; получил предложение о новых способах обучения грамоте, пытаясь в дальнейшем применить в Сербии метод Ланкастера⁸.

Вук вернулся из России без желанной пенсии, но с многочисленными дружескими связями, которые из года в год расширялись, углублялись и в конце концов обеспечили ему пенсию.

В последующее десятилетие Вук неоднократно обращает свой взор к России и просит своих друзей о разного рода услугах — то для получения какой-либо работы при русском посольстве⁹, русского паспорта или русского подданства¹⁰, то для издания собранных им произведений народного творчества, распространения его книг и приобретения нужных ему русских книг. Он щедро дарит друзьям свои книги с посвящениями, а коллекционерам посылает на продажу рукописные и старопечатные сербские книги. Вук состоял в переписке приблизительно с семьдесятю корреспондентами из разных мест, которых он с живостью очевидно извещал о различных событиях в жизни югославянского населения; о новых книгах, которые нередко посылал в учреждения и частным лицам (за что уже в начале своей деятельности получил серебряную медаль и 300 рублей). Вук был посредником между русскими и сербскими литературами, между русским послом в Вене и князем Милошем. Он оказывал гостеприимство в своей скромной квартире многим русским путешественникам, в том числе переводчику сербского эпоса Н.И.Бергу, драматургу А.Н.Островскому, молодому музыканту Русинштейну¹¹. Выдающийся славист И.И.Срезневский в пору своего пребывания в Вене жил поблизости от Вука; он учился у него и собирал материал для известной впоследствии биографии Караджича¹². Историк М.П.Погодин застал Вука — "крупного славянского ученого" в довольно убогой обстановке, качающим колыбель^{13а}. Умница, для своего времени весьма свободомыслящий Н.И.Надеждин записал в

альбом дочери Караджича Минне, что с удовольствием сопровождал старого Вука в путешествии по Горе святого Петра (по Черногории), а его юную дочь с удовольствием встретит в городе святого Петра (в Санкт-Петербурге)¹⁴. В скромной квартире Вука нашли теплые слова и внимание хозяина многие другие его знакомые из России. Чтобы повидаться с друзьями из русской колонии в Вене, Вук посещал по праздникам русскую церковь¹⁵.

В Петербурге скончались оба сына Вука, в русской земле они и похоронены¹⁶. В России умер и его внук Янко, останки которого были перенесены в Сербию¹⁷. Несуженный зять Вука, жених его дочери Минны, врач Фрол Иванович Огнев был русским¹⁸. Дружеское расположение русских к Вуку перейдет после его кончины на его семью: семье будет переведена его пенсия¹⁹. Из России последуют и пожертвования венскому Комитету по изданию сочинений Вука, внук Караджича Янко, как мы видели, получил место в Кадетском корпусе.

Из России приходило одобрение деятельности Вука, иногда, правда, и осуждение. Поклонники сербского эпоса, старательно переносили сербский эпический десятисложник в русскую стихотворную речь; многие исследователи народного творчества находили в сборниках Караджича интересный материал для своих работ, а художники слова — мотивы для своего творчества²¹. Добавим, что с помощью сына Вука в Петербург была переправлена значительная часть его творческого наследия, в том числе некоторые рукописи и две трети личной библиотеки²² (в ней около двухсот книг на русском языке). В свой "этнографический атлас южнославянского населения", — задуманный по примеру сходных трудов своих друзей П.И.Кеппена и П.И.Шафарика, а по некоторым сведениям и завершённый, но, к сожалению потерянный, — Вук намеревался включить и русских, как самое многочисленное славянское племя. Атлас должен был издаваться в Петербурге, видимо, в издательстве "Русской беседы" при содействии писателя, помещика прогрессивных взглядов

Вена предоставила Вуку, как повстанцу-эмигранту убежище и место жительства, а как инициатору и главе "войны за сербский язык и правописание" создала условия, которые в столь удачном сочетании трудно представить где-либо еще, ибо здесь, вблизи населенной сербами территории Венгерского королевства за два-три месяца до приезда Вука была основана единственная в то время у сербов газета "Новости сербские". В Вене Вук познакомился с чрезвычайно образованным и проникательным Кошитаром, - цензором славянских книг - своим будущим учителем, другом и покровителем. Вена была также городом типографий. В этом городе, с его феодальной иерархией, на Вука смотрели равнодушно, но зато и не чиня особых препятствий его культурной революции. Немцы - прежде всего и больше других Яков Гримм, затем Гете, а также многочисленные переводчики, особенно Тальви, - представили Вука образованной Европе, вывели его, выражаясь современным языком, на орбиту науки того времени. Правда, Вук привлекал их главным образом как собиратель народного творчества, т.е. тем, что отвечало их романтическому вкусу и питало их творчество. Революционной борьбой Вука в области национальной культуры они касались редко, в основном лишь по просьбе друзей Вука. Это было внутренним делом народа, по языку им не столь близкого.

Однако с Россией было совсем иное дело. Единоплеменная и единоверная, как ее называли сербы, родственная им по языку, оплот православия, она с самого начала присутствовала в духовной жизни сербского народа, особенно в борьбе вокруг реформы Вука, нередко как пример и образец. Ее голосу внимали в сербской среде, к нему прислушивались. Одним из обвинений против Вука было как раз то, что он отторгает сербов от России и православия.

Обращенные к прошлому, былому литературному единству и потому ограниченные, противники Вука не замечали, что отделение от общих книжных языков средневековья в сторону народного языка - закономерное явление - причем,

не только в славянском мире, что в этом находили выраженные потребности новых буржуазных сил, устремившихся к созданию собственного: самостоятельного рынка и его объединению с помощью соответствующих факторов: национального самосознания, церковно-культурной автономии и др., но прежде всего - единого языка как незаменимого средства общения и выражения этой новой общности. Вук считал язык хранителем народности. "До тех пор, пока жив язык, - говорил он, - пока мы его любим и почитаем, говорим на нем и пишем, очищаем его, обогащаем и совершенствуем, до тех пор жив и народ: он может общаться и разумно поддерживать единство, не сливаясь с другим народом и не исчезая".

Традиционализму в сербской среде, о котором шла речь выше способствовали исторические обстоятельства: наш народ (я имею в виду их наиболее развитую часть) в пределах австрийской империи, подвергался жестоким притеснениям со стороны правящих кругов с целью германизации и обращения в католичество. Отсюда неприязнь ко всему новому, упорное сопротивление всему, что угрожало традициям и привязанности к прошлому, к славянской общности, опоре на православную Россию, с трогательным доверием лишь к тем книгам, которые напечатаны в России, из которой приглашали учителей и брали учебники, что, как известно, привело к русификации сербского литературного, лучше сказать - "книжного" языка. Более того, распоряжение австрийских властей в 70-е гг. позапрошлого века ввести в сербских школах народный язык Славонии (правда с употреблением латиницы), было через несколько лет отменено в результате ожесточенного отпора сербской церкви. Однако то, что раньше могло играть положительную роль, в изменившихся обстоятельствах обратилось в свою противоположность: то, что было некогда шитом национального самосознания, превратилось в оковы для новых начинаний. Светское начало захватывало всю жизнь нашего народа, особенно культуру: запах ладана и ностальгический

зов прошлого отступали перед ним.

В этих условиях, когда новое сталкивалось с традиционным, вполне понятно присутствие России в размышлениях наших предков, особенно в связи с культурной революцией Вука — радикальной и бескомпромиссной, вызвавшей самые ожесточенные дискуссии. К России обращаются, следуя своим интересам и расчетам, и последователи, и противники Вука. И нередко, как мы увидим, он сам.

В первых инструкциях по цензурированию и изданию книг в княжестве Сербии (конец 1832 г.) орфография Вука не допускается, изъяты его буквы — "л", "н", и " ", писателям и писарям рекомендовано "по примеру русских придерживаться той орфографии, которая используется в наших церковных книгах", опираясь по возможности на наш язык. Этому установления следует придерживаться до тех пор, пока "русские писатели не введут, а русское правительство не одобрит для своего языка новых правил", или пока общество всех ученых сербов не предпишет нам наречие и соответствующее правописание²⁴. Напомним, что через тридцать лет, во время второго правления того же князя (Милоша), этот запрет будет в основном снят, а русские после Октябрьской революции тоже, как известно, упростят свою орфографию.

С другой стороны, многие сербские газеты ревностно отмечают каждый факт признания Вука в России, начиная с избрания его членом Петербургского свободного общества любителей русской словесности до награждения орденом св. Анны. В связи с первым событием было напечатано подробное красочное описание диплома²⁵, а поэт, боязливо скрывшийся за инициалами, сложил вдохновенную оду в честь Вука, начинающуюся словами: "О радостная весть из царского града"; ее главная мысль — иноземцы хвалят Вука, тогда как соотечественники его не признают²⁶.

Переписка Караджича содержит аналогичные отклики. Так, в связи с назначением русским правительством пенсии Вук получил поздравления из разных мест. Характер настроений прекрасно выразил редактор журнала "Летопис Матице

Српске" Георгий Магарашевич. "Мы, ваши друзья, сердечно здесь радуемся, ибо тем самым как бы одерживаем победу над теми, кто в ответ на это известие качивает головой и жаждет отмщения, злобой охваченный"²⁷, - пишет он в письме Вуку незадолго до публикации этого сообщения в своем издании. "Награждение Вука делает честь русскому великодушию", - писал П.И.Келпену выдающийся чешский славист И.Добровский²⁸.

И наоборот, в связи с упреком Н.И.Греча, будто Вук разрывает связи между русским и сербским языком, некоторые его сторонники малодушно требовали объяснения. "Ради бога, что там еще за рецензия вышла в Петербурге какого-то русского профессора, которая (как говорят) обливает нас грязью с головы до ног? Мне здесь уже досаждают, приговаривая в отместку: вот каков твой Вук, поздравили его русские; дали ему прикурить; хотел всех перехитрить и т.д."²⁹ А автор упомянутой оды сообщает Вуку, что у них (вероятно, в Карловцах) поднялся "шум-гам" из-за какой-то русской рецензии, "где русские будто бы осуждают (Вука) за то, что он удаляется от славянского языка"³⁰.

Наконец, в обширном творчестве Вука встречаются упоминания о России и вообще русском. Караджича (отметим еще раз) упрекали прежде всего в том, что он отделяет сербов от России, т.е. от общего "славянского" языка. Поэтому он уже с первых шагов вынужден был теоретически выяснить отношение между сербским и "славянским" языком, доказывать самостоятельность нашего родного языка, который не является ни испорченным вариантом "славянского", ни его простым, разговорным двойником. Приближение литературного языка к народному по Вуку - неустойчивый исторический процесс, характерный и для русских, которые "развивались примерно тем же путем, только и в этом оказались счастливее и умнее нас": в начале они тоже писали скорее по-славянски, чем по-русски, а потом все больше сближались и сейчас продолжают сближаться с народным языком. Поэтому мы лучше понимаем Ломоносова и Державина, неже-

ли Крылова и Пушкина. Следует также помнить, что русским гораздо легче заимствовать славянские слова, чем нам, потому что они сначала исправили славянский в соответствии со своим народным языком. Если бы царство Душана сохранилось, а наши предки сербизировали бы славянский язык хотя бы настолько, насколько русские его русифицировали, то нам во сто крат было бы легче заимствовать славянские слова, но многого бы мы не узнали в сербском языке³¹. Как видим, Вук метко указывает на исторические различия между сербами и русскими: с потерей государственной самостоятельности у сербов было прервано взаимодействие и взаимопроникновение книжного и разговорного языка; последний оказался закрытым, не считая незначительного влияния (прежде всего в лексике) церковных книг и языка правителей – турецкого. Вук был решительно против смешивания языков. "Еще глупее – оценивает он суждения одного из своих "рецензентов", старца Куцкало, – из "славянского", сербского и русского языков создавать (на свой вкус) новый язык"³². В двух-трех местах он подкрепляет эту мысль ссылками на упреки русских. Они, – отмечает Вук, в 1817г. – писали "из Валахии (1810) в Сербию, чтобы господа приказали писарям не портить язык, а писать так, как говорят; потому что, говорят, переводчики с сербского языка у нас есть, а вот с этого – нет", и в Вене, в 1814, – продолжает Вук, – русские (из тех, кто был в Сербии с графом Орурком и знали сербский) спрашивали, что это за язык: не сербский и не русский и не славянский"³³. Через два с лишним десятилетия он приведет слова неких русских путешественников (к сожалению, не называя имен, что "настает время, когда сербы из Срема, Бачки и из Сербии поедут учиться сербскому в Загреб"³⁴.

Борясь за чистоту нашего литературного языка, Вук был против засорения его лексики заимствованиями как из старославянского (церковнославянского), так и из русского языка. При этом он понимал всю трудность сопротивления этому процессу (не говоря о его опасности). В случаях за-

имствования из русского языка, — рекомендовал он, — на это следует указывать³⁵. Столь категоричным Караджич был в начале своей борьбы. Позже, в середине прошлого века, он становится в этом отношении значительно терпимее: в переводе Нового завета сам использует 4 русских слова и сербизует 47 слов старославянского (церковнославянского) языка. В принципе (но не на практике) он допускал такую возможность и в ранние годы своей деятельности, в частности, в объявлении об издании "Словаря". "Старославянский язык" — подчеркивал он, — остается источником обогащения как сербского, так и русского языка. Но "Сербский словарь" должен (по крайней мере в своем первом издании) представить сербам их собственный язык — эту святыню народности — таким, каким он есть сам по себе. Этот язык должен быть почерпнут из гущи народа, который на нем говорит³⁶. Позже, однако, Вук с полным пренебрежением отнесется к рекомендации своего рецензента Добровича, чтобы старославянский стал тем же источником обогащения нашего языка, как у русоких и краинцев³⁷. Национализация языка (позволю себе так выразиться) — естественный и неминуемый ход исторического развития, Вук это принципиально понял, ускорил и революционизировал этот процесс. Это, как известно, совпало с австрофильским и австророславистским направлением деятельности Копитара, который усматривал в этом отрыв сербов от русского влияния³⁸. Возможно, он поэтому и был так щедр в своей помощи Вуку. Однако независимо от этого факта (скорее случайного), Вук успешно осуществил историческую задачу утверждения самобытности сербского литературного языка. "Когда я начал собирать правила сербского языка и приводить их в систему, — скажет он в 1862 г. — то я почти невольным образом должен был придумать сообразный и соответствующий способ писания. Таким образом составила моя орфография, при создании которой я совсем не имел в виду ни старого славянского языка и ни русского, но единственно только один чистый сербский язык, каким он является в устах на-

К вопросу о праве народа на свой язык и свои книги, в том числе церковные, Караджич возвращается в связи с переводом библии. Русские поступают так же, — не раз скажет он. "Сколько евангелие потеряло в своей святости от перевода с греческого на старославянский и со старославянского на валахский, столько оно потеряло бы и сегодня, если его перевести на сербский, — указывает Вук в предисловии к "Словарю". — Может быть, рецензент вместе с этим "Словарем" получит и русскую библию на простом и, как он думает и говорит, "испорченном" и "нечистом" русском языке; однако царь Александр и св. синод не только не боятся, что русская церковь из-за этого пропадет, но и надеются, что она еще больше окрепнет"⁴⁰.

В дискуссии по поводу перевода Нового Завета Вук также часто ссылался на пример русского евангелия. "Я предпочитаю придерживаться современных русских богословов нежели греческих, в том числе и потому, — отвечает он на упреки Аврама Петрониевича, — что нынешние греческие богословы — большею частью самоучки, делом этим занимаются походя, как и наши, а у русских этому учат как следует, и тот, кто к этому делу несподручен, тот в него и не вмешивается. На сей раз спор окончен лишь потому, что русские так сказали, и я с ними согласен". Далее Вук все же подчеркивает, что западные эллинисты лучше знают древнегреческий, чем все "нынешние греческие даскалы и логофеты"⁴¹. Позднее в связи с переводом некоторых библейских слов, Караджич ссылается на Словарь русского языка императорской академии наук 1848 г. А когда он не понимал ни на старославянском, ни на русском, ни на немецком, добавляет он, тогда Копитар объяснял ему по греческим оригиналам и другим источникам⁴².

Еще более резкий протест вызывало правописание Вука, особенно его фонологический принцип. В этом (разумеется, с известными поправками) Караджич также следовал за народом, за его, как он объяснял, внутренним чувством "бла-

говзучия". Здесь Вук встретил полную поддержку некоторых своих друзей в России⁴³. Он обстоятельно подкреплял свои соображения многочисленными примерами отступлений от этимологии и в нашем, и в русском языке: звукоуподобление, выпадение согласных, паллателизация и др. Если бы мы придерживались этимологии в написании слов, — рассуждал Вук, — "то следовало бы и в старославянском, и в русском языке много чего поправить, например, надо бы писать "бчела" (от "бучати", а не "пчела"), "носдря" (а не "ноздря"), "сбираю" (а не "збираю"), "розсадник" (а не "россадник"), "розсад" (а не "россол"), "позлатен" (а не "позлащен"), "роден" (а не "рожден"), "очистен" (а не "очищен") и т. д.⁴⁴ В другом случае он добавляет к приведенным словам еще два слова: "збятие" и "свадба". Приводит он и пример превращения группы согласных "тс" в "ц": "В России есть река Полота, а город, который стоит на ней, называется (и пишется) Полоцк"⁴⁵, — отмечает Вук.

Но самые большие нападки вызвала реформа азбуки. Орфоэпия, по словам одного из друзей Вука, со временем приходит в несоответствие с орфографией. Возникает необходимость в новом согласовании⁴⁶. Язык живой и животворный организм, а алфавит — условность. Вук со свойственной ему проницательностью это понял и произвел радикальные изменения последнего: выбросил около двадцати лишних букв, и внес 6 новых, которых раньше не было, для обозначения соответствующих звуков. То, за что ему многие, особенно молодые, а больше всего потомки, были безмерно благодарны, принесло от современников немало осложнений и хлопот. Его обвиняли в том, что он отделяет сербов от традиции, от русских и введением " " ведет к католицизму. Косовская трагедия — ничто по сравнению с той, какую он уготовил сербам — убеждал Караджича один высокопоставленный белградский чиновник еще в середине XIX в.⁴⁷

"При моем вступлении на литературное поприще, — пишет Караджич на склоне лет русскому посланнику в Вене, — сербская орфография стояла на одной ступени с языком

сербским. Любой серб, что-нибудь писавший, всегда придерживался более или менее церковно-славянской орфографии; всякий на свой лад, так что не только одно и то же слово писалось различно в двух книгах одного и того же писателя, но даже часто в одной и той же книге и те же самые слова писались различно... Когда я начал собирать правила сербского языка и приводить их в систему, то я почти невольно должен был придумать своеобразный и соответствующий способ писать. Таким образом возникла моя орфография, при составлении которой я совсем не имел в виду ни старого славянского языка, ни русского, но единственно только чистый сербский язык, каким он представлен в устах народа! Смотря с этой точки зрения, я выпустил все те буквы старославянского, которые мне казались излишними, точно так, как поступили русские, когда они начали печатать церковные книги, выпустив имевшиеся буквы в старославянских рукописях:

ѡ, Ѣ, Ѥ

а гражданском шрифте выпустили имевшиеся в нынешних церковных книгах буквы: **ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, Ѣ, ѣ, ѣ**. Выпустив излишние буквы, при этом изобрел необходимые знаки: подобно тому, как древние сербы 500 лет тому назад изобрели **ћ** и **ѡ**, и как русские изобрели для гражданской печати "э". К сим вновь изобретенным буквам я принял латинскую букву "j", которая для этимологических склонений и спряжений во всех славянских языках гораздо необходимее, чем в латинском и немецком. Николай Иванович Греч в своей "Истории русской литературы" очень сожалеет, что при введении гражданской печати при Петре Великом не нашлось никого, кто бы мог составить русскую азбуку соответственно свойствам русского языка. А если бы и нашлся такой человек, то он не поступил бы иначе, чем я при составлении моей орфографии, сообразуясь со свойствами сербского языка (...).

Но самый величайший повод бранить меня даже до сего времени подала моим врагам и завистникам латинская буква

" ", тогда как сии бессмысленные люди из ненависти ко мне не хотят подумать о том, что кроме латинской " " мы приняли в нашем письменном языке еще такие латинские буквы: "а", "е", "і", "о", "м", "т" и что Петр Великий, по словам Греча, для того только велел русскую гражданскую печать сделать из кирилловской, чтобы азбуку русского языка приблизить к латинскому письму⁴⁸.

К обвинениям соотечественников присоединится, как известно, и один русский рецензент. Подписавшийся буквой "Т" (предполагается, что это упомянутый выше Н.И.Греч), — упрекает Вука в 1824 г. в том, что тот разрывает "союз" русского и сербского языков. И ему, и соотечественникам Вук отвечает, что "русские еще 100 лет назад сочли необходимым отказаться от кириллического алфавита и орфографии", побивая русского оппонента его же собственными, приведенными выше словами⁴⁹. Через двадцать лет Караджич вновь вернется к этому вопросу. "Русские прежде всего отбросили в нынешнем церковном языке старославянские буквы ѡ, ѣ, ѣ смешивали ѡ и ѣ вместо "ъ" и "ъ" в середине вставляли "е" и "о" и т.д.⁵⁰ Это они сделали в старославянском (церковном) языке, а для своего языка ввели (теперь уже и наши) новые (Вук имеет в виду гражданский алфавит) буквы, не приняв старые, а изобретая новую "э". Таким образом, между современным русским и старым (подлинным) славянским правописанием разница по крайней мере в десять раз больше, чем между моим и современным церковным⁵¹, делает Вук вывод из своих рассуждений. Русские, — скажет он в другом случае, — переняли у немцев и названия букв; они больше не учат в школе "аз" "буки", "веди", а "а, бе, ве, и т.д. ...⁵²

Итак Вук в своих рассуждениях постоянно опирается на аналогии в русском языке. Касаясь ненужных, с его точки зрения, букв старославянской азбуки, таких как (ѡ, ѣ), зело (њ), ук (ѣ), кси (ѝ) пси (џ), он уже в грамматике к "Словарю" (1818) подчеркивает, что их нет и в русском алфавите; о "фите" он говорит, что в русском

языке она, соответствует звуку "Ѣ", а кое-где, как и у нас, "Т" (аптека и др.) Двойное, добавляет он, и звуковое значение "ижицы" — как "В" и как "И"⁵³.

В сравнительном аспекте касается он и звуковых рефлексов носового А : в русском оно дало "я", в сербском "е", о чем, сообщает Вук, он не раз говорил с И. Добровским. Хотя Караджич был убежден, что ни один человек в мире не знал так какой-либо язык, как Добровский знал старославянский, он не согласился с ним, что у сербов первоначальное "я" перешло в "е"; или у русских "е" перешло в "я" или "еще в IX веке было и то и другое", — заключает Вук, не оспаривая слов прославленного слависта, что это следует из древнейших славянских рукописей. "Вот если бы нам удалось найти сербскую рукопись более древнюю, чем эти русско-славянские памятники или хотя бы их ровесницу, тогда он сразу бы изменил свое мнение! Может быть, мы еще и найдем такую рукопись"⁵⁴.

В трех-четырёх случаях Вук обращает внимание и на знак "Щ": русские и почти все другие славянские народы, — напоминает Вук, — произносят его как "ШЧ" (как и некоторые сербские писатели нового времени в Среме, Бачке и Банате), а сербы и болгары — как "ШТ"⁵⁵.

В сравнительном плане рассматривает Вук и рефлекс "ять" (ѣ) "эсть" (" j "), "Э" оборотного⁵⁶.

Известно, что вначале Вук выбросил из азбуки "х", но, говорит, ее надо ввести "для иностранных слов", включая сюда старославянские и русские⁵⁷. Особенно много внимания Вук уделял судьбе так называемых "еров" (ъ и ѣ): у нас это звук "а", кроме тех случаев, когда он рядом со слоговым, а у русских "е" или "о"⁵⁸.

К примерам из русского языка Вук обращается и тогда, когда касается функции "р" слогового: встречается оно и у русских в словах "ржа", "бодрствующий" и др., хотя они, — отмечает Вук, — предпочитают вставлять гласную между двумя сонорными согласными, например: голос, борода, ко-рова, кровь, крест" и т.д.⁵⁹ Обращается Караджич к рус-

скому языку и в тех случаях, когда говорит о звуке "х", где он – в иноязычных словах – произносится как "г"⁶⁰. То же самое в связи со звуком "ј": "ижица" в русском вскоре стала слитным "и", только над ним поставлен поэтический знак (^), чтобы ясно было, что это "и" краткое", добавляет он⁶¹.

Наше "йотование" – смягчение "д" и "т" в начальном слоге с помощью старого "е" (жевојка, терати и т.д.) Караджич сравнивает с аналогичным смягчением согласных в русском языке.

Русский язык часто привлекается Вуком и при рассмотрении форм отдельных слов – идет ли речь о сокращении в числительном "тридцать" (серб. "триест"); или об идентичности 2-го лица настоящего времени в обоих языках; или о сходстве сравнительной степени прилагательных – в отличие от превосходной степени, где русский более близок старославянскому, или о констатации, что у сербов нет "страдательного причастия", а у русских – аориста и имперфекта; или, наконец, о формах перфекта "рек-рекла", "мог-могла" и др.⁶² Многократно и достаточно обстоятельно Караджич обращался к русскому при сопоставлении форм "част" и "чест"; "князь" и "кнез", или когда приводит формы "ви е е", "отачанства" и "причаста а" (т.е. "причеш а")⁶³. В связи со словом "худ" Караджич напоминает, что у нас, как и у русских и крымцев, оно означает не "бедный", а "плохой". Настаивая на более правильных формах "уме у", а не "уму"; "корити", а не "корети" и т.д., Вук опять-таки обращается к русскому языку, ищет в нем поддержку⁶⁴.

В связи с икавиной, одним из трех диалектов, Вук добавляет в скобках: "Так и в Малороссии не только говорят, но, как я сам слышал, в Киеве в церкви читают и поют: "Радуйся, невесто неневистная"; да и русское "дитя" вместо "тя" в том же ряду"⁶⁵.

Россию Караджич вспоминает не только в связи с вопросами языка и грамматики. Там более современное обучение,

учебники отделены от часослова и псалтыри, подчеркивает Вук, настаивая на подобных изменениях и у нас. Сетуя на тяжелые условия, в которых находится образование в порабощенном славянском мире, Караджич выделяет русских как единственно имеющих школы на своем языке. Объяснение, почему он в "Словаре" переводил слова на немецкий и латинский, Вук подкрепляет тем, что на этих языках написаны лучшие книги по всем областям знаний, "что уже известно русским и грекам и всем прочим народам"⁶⁶. Первая печатная книга у сербов, отмечает Вук, увидела свет лет на 70 раньше, чем у русских. Первым подписчиком на сербскую книгу — на "Словарь" В.Караджича — был подписчик из г.Одессы. Обращая внимание Милована Видаковича на Острожскую Библию, он напоминал, что это "первая книга, напечатанная в России в Остроге в 1581. "Затем, поясняя выражение "печатать позволяется" на русских книгах, он подчеркивает, что оно означает разрешение на печатание, а не приказ, как некоторые думали, подобно "имприматур" в Буде⁶⁷.

Караджич был с ранних лет связан с русской книгой. Напомним, что в тайны грамоты его посвятил, как он скажет своему биографу И.И.Срезневскому, какой-то московский букварь "с птицей"⁶⁸. На размышления о народных песнях его натолкнул "большой российский Песенник", который он после поражения восстания увез с собой из Сербии (возможно, что "Песенник" попал к нему в Краине, где в 1807 г. находилась русская армия). В науке нет единого мнения относительно автора названного сборника: Кирша Данилов, Прач, Чулков или Новиков⁶⁹.

Вук неоднократно ссылается в своих сочинениях на труды русских авторов. Так, объясняя в "Песеннике" (1815) припев "лел е", он отсылает к "Славянской мифологии" Г.Кайсарова (Москва, 1807). Известного русского историка Н.М.Карамзина Караджич упоминает дважды. В Вешаве, в 1819 г., по пути в Петербург, он прочитал несколько русских "романов" и "Историю государства Российского" Ка

рамзина. Особенно понравился ему то, пишет он своему другу Копитару, что Карамзин говорит о сербском наречии, что оно "самое приятнейшее для слуха"⁷⁰. Сорок лет спустя в ответ на упреки М.Дж.Миличевича, что он пишет историю так сдержанно, словно речь идет не о сербах, а о друзьях, Вук приводит мнение Карамзина: история посвящена "не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине; которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы". Его, — поясняет дальше Караджич, — осуждают за то, что другие хвалят: достаточно "сказать, как что происходило, а читатели пусть сами судят-рядят, что требует поощрения, а что достойно похвалы"⁷¹. По поводу одного перевода П.Берича Вук высказал разумное соображение, что при переводе надо обращать внимание на смысл слова, а не его буквальное значение, ссылаясь при этом на Сумарокова: "Творец дарует мысль, но не дарует слов"⁷². В связи с передачей буквы "щ" Караджич обращается к произведению К.Ф.Калайдовича "Иоанн Экзарх болгарский", где автор пишет в примечании, что "щ" состоит из звуков "ш" и "т" и не только, как он говорит, сербы и болгары произносят его как "шт", но и среди русского простонародья такое можно услышать в некоторых словах — например: "шти" (суп из кислой капусты), "ешто" (вместо "еще")⁷³.

Выше отмечалось, что Караджич побывал Н.И.Реча его же собственными словами, обращался к нему и в более поздние годы в цитированном письме к В.П.Балабину. Защищая свою реформу, Вук в "Ответе русскому рецензенту" ссылается на мудрые суждения П.И.Ке пена, из его "Библиографических листков": всякая новизна в литературе рассматривается как раскол, и судьями здесь будут потомки; к новому письму привыкать трудно, но любой опыт такого рода достоин внимания, так как рано или поздно будет учтен при создании общей азбуки для всех языков⁷⁴. О том, что Караджич следил за современной научной литературой в России, подтверждает и тот факт, что в своей книге

"Примеры сербскославянского языка" он приводит в связи со старославянскими носовыми Востоковское издание Остромирова евангелия, а также "Филологические заметки о русском языке" И.И.Паплонского (1854 г.)⁷⁵. Следует, наконец, упомянуть и его полемический ответ А.Ф.Гильфердингу на его недоброжелательные и славянофильском духе замечания в адрес Вука в газете "Русская беседа": резкость слов Караджича можно оправдать их справедливостью⁷⁶.

О приверженности Караджича России свидетельствуют и следующие два текста. В одном Вук описал взаимодействие русской армии с сербскими повстанцами в Восточной Сербии, в Крайне в 1807-1812 гг. Рукопись была найдена в архиве И.И.Срезневского. Судя по всему она была направлена через русского консула в Белграде Г.В.Ващенко в ответ на просьбу Императорской академии наук и предназначалась для раздела об участии русских в военных действиях на Балканах в книгу А.И.Михайловского - Данилевского "Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812" (Санкт-Петербург, 1843)⁷⁷. Другой текст представляет собой ответ на анонимные корреспонденции в пештской газете "Народне новине" (за 1841 г.), направленные в защиту политики России по отношению к сербам во время Первого сербского восстания. Его главная мысль в том, что Россия, независимо от собственных интересов на Балканах, по-братски помогла Сербии, которая без ее помощи и ее "трактатов" не стала бы "княжеством", а оставалась бы до сих пор "турецким пашалыком"⁷⁸. Копии обоих текстов Караджич приложил к упомянутому выше письму В.П.Баласину как подтверждение свое преданности России.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы:

- роль России в жизни и деятельности Караджича намного больше, чем отмечалось до сих пор;
- Караджич с полным правом следовал исторической необходимости в демократизации нашей литературы и упрощении правописания и, наконец,

- он был и до конца своих дней оставался верным России и своим русским друзьям⁷⁹.

Примечания

1. Архив Српске академије наука и уметности, 8429 (Вук-Густаву Хенриковичу Струве, Беч, 8/20.X.1842)
2. Г. Добрашиновић. Неколико документа из руских архива о Вуку Караџићу. *ABBIVIST*, Београд, XIII/1963, св. I-2, 56-58.
3. В. Караџић. "Правителствующій советъ сербскій (...)", Беч, 1860, 84, 86, 79.
4. В. Караџић. Мала Црстонародна славеносербска песнарица. (Беч), 1814, 12
5. Архив САНУ, 8414 (Вук - Л. Мушицком, Беч, 3/15.XII. 1818)
6. Вукова преписка, III, 417-469; 432-454; IV, 560-563.
7. Кроме упоминаний о переписке особенно в письме Дмитрию Фрушичу и в книге "Примјери српско-словенскога језика" (Беч, 1857), Вук оставил и некоторые заметки в связи с работой в Московской синодальной библиотеке (Архив САНУ, 8552/49 (I и далее)).
8. "Я в июле месяце 1820 года, - пишет Вук в связи с историей перевода "Нового завета", - отправляюсь в Сербию - главным образом для того, чтобы наряду с прочими делами основать там школу для юношей и младших чиновников по ланкастерской системе, какую я видел в России и для которой я подготовил таблицы" (Архив САНУ, 8552/23).
9. Министр просвещения А.С. Мишков писал Вуку 5/7 У. 1823 г., чтобы он сообщил, желает ли он получить какое-либо место при русском посольстве в Вене. Вук ответил со значительным опозданием по своему возвращении из Германии, что надеется либо на пенсию, либо на предложение о службе (Вукова преписка, III, 506, 510).
10. Добрашиновић Г. Покушај Вука Караџића да се домогне руској пасоша. - Сборник Историјског музеја Србије, Београд, 1969, св. 6, 143-154.
11. Есть сведения о встречах и вне Вены - например, с Д.А. Валуевым, П.А. Лукашевичем и Ригельманом.
12. И.И. Срезневский. Путевые письма... к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839-1842). Живая старина, С. Петербург, 1893, вып. I-III, 179, 330-333 (схема расположения с обозначением квартир - его и Вука).
13. М. Погодин. Год в чужих краях (1839). Москва, 1844, кн. I, 156-157.
14. Споменар Мине Караџић, (Издао) Вуков и Доситејев музеј, Београд, 1947, 32 (Запис од I.XII.1847).
15. Архивска грађа о Вуку Караџићу (1813-1864). Приредио Г. Добрашиновић. Архив Србије, Београд, 1970.

16. Дневник Драгутина-Драгише Милутиновића (1857-1858), Рукописно одељење Матице српске, М III 23 (под 24. XI, 25. XII. 1957; 26. I, 20. III и 23. IV. 1858).

17. Сава (1820-1837, воспитанник Института корпуса горних инженеров в Петербурге с 1834 г. поступил 21. I / 2. II; Димитрие (1836-1883), офицер русской армии с 1868 г. ("ротный командир в гренадерском полку, т.е. в II-ой пехотной дивизии").

18. Янко Вукоманович (1859-1878), с 1874 г. воспитанник Кадетского корпуса в Петербурге. Его мать Минна обращалась по этому поводу с просьбой к Александру II 24. V / 5. IV. 1873 и к Ивану Петровичу Корнилову, председателю Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета, стипендию которого Янко и получил (Архив САНУ 8699/2169I, 2165); она прибегала также к посредничеству черногорского князя Николы, видного правоведа и писателя В. Богшича и поэта И. Сундечича.

19. Новосадская газета "Напредак" опубликовала сообщение о том, что русское правительство перевело пенсию на сестру Вука.

20. Среди подписчиков был и испытанный друг и биограф Вука И. И. Срезневский.

21. О Вуке и России существует богатая литература. Написано три диссертации: В. Н. Зыкин (1949), П. Т. Громов (1950) и Вернер Пасфогел (Гамбург, 1950). Непосредственно на эту тему писали Г. Добрашиновић, П. Г. Дмитриев и Г. И. Сафронов, Ц. Органджиева и др., помимо приведенных выше трудов.

22. Дим. Караджич продал в 1882 г. часть архива Вука Публичной библиотеке (в настоящее время - им. Салтыкова-Щедрина). Хранится под шифром *Serbsk. P. XIV* № 2-3, XIV № I.

23. Об этом см. Г. Добрашиновић. Библиотека Вука Караджича. - "Библиотекар", Београд, 1973, бр. 3-4, 345-368. А также Л. И. Киселева.

24. Г. Добрашиновић. Вуков покушај да изради етнографске карте јужнословенског живља. - "Гласник Етнографског музеја у Београду", 1970, књ. 33, 55-68.

25. "Архивска грађа" (...), указ. соч., 216. Исходя из этого запрета орфографии Вука, директор школ в Бачке Гаврило Байчевич писал А. Драгосавлевичу, учителю и горячему стороннику Вука: "Как же нам ее принять, если и Сербия, и Ресавя и Герцеговина вас не признают, не говоря уже о России и Черногории (там же, 210).

26. Награда дана Српском спасителю одь Поляка и Руса, Новине српске, Беч, 1821, члo 44, 279-282. По отдельным "екзавизмам" можно предположить, что сообщение написано по тексту Вука.

27. К. П. С. Ода господину Вуку Стефановићу (...), Новине српске, 1821, члo 54, Засебан додаток.

28. Вукова преписка, II, 509 (Нови Сад, 25. XI. 1826).

29. Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar (1808-1828), Heraus geben von ord. akad. Jagić, Berlin, 1885, p. 682.

30. Вукова преписка, III, 120 (Василије Василијевић, Земун, 2.I.1824).
31. Там же, I, 516 (Атанацковић, (Сомбор), 2I.I. 1825).
32. Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије писма (...) Платону Атанацковићу (...) о српском језику, Беч, 1845, 20-2I, 90-9I.
33. Неколико рјечни мојим овогодишњим рецензентама (...), Новине српске, 1821, Додатак к числу 49, 9.
34. Друга рецензија српска (...) Любомиру Елисиуму (...), Новине српске, 1817, 544. В связи с этим см. также с. 681-683 (примечания И.Ф.Груйовича и ответ Вука).
35. (...) Писма (...) Платону Атанацковићу, указ. соч., 27. На это отрицательно откликнулся и И.Хаджић в "Утук", III (...), Нови Сад, 1845, 59, 63.
36. (...) Писма (...) Платону Атанацковићу..., указ. соч., 47 (в примечании). В "Дополнении Санктпетербургским сравнительным словарям" (...) (Вена, 1822) Вук часто выделяет наши народные слова вместо русских, представленных в упомянутом сочинении.
37. Объявление о Србском рјечнику (...), Новине српске, 1816, Засебан додатак уз чло 88, II2, 172.
38. См. сн. 32.
39. А.Ивић. Архивска грађа о српским књиженим и културним радницама 1740-1880, Београд, 1926, 261-167 (Запись Копитара от 23.VII.1832 - Языково-орфографическим отделением сербов от русских реформа Вука идет на пользу Австрии); 278-284 (незавершенный доклад Копитара о "Пословицах" Вука: Народной литературой Вук создает национальный столп, который нелегально идет на руку стремлениям Австрии вырвать сербов из-под русского влияния).
40. К.А.Пушкаренич. Автобиографическая записка Вука Стеф. Караџића. Труды Института славяноведения АН СССР, Ленинград, 1934, 149-158. (Письмо В.П.Балабину, Вена, 26.VI/8.VII.1862, отрывок); Г.Добрашиновић в кн.: В.Караџић. Изабрана дела. Београд, 1960, с. 84-87 (второе издание 1964 г.). Полностью опубликовано В.Г.Карасевым ("Вук Караџић и Россия" - Советское славяноведение. Москва, 1963, 208-228).
41. Српски рјечник. Вена. 1818. - Предговор, с. XIII.
42. Господину са два крста, Беч (1848), 4.
43. Одговор на примјтве Никанора Грујића (текст остался в рукописи). Граматички и полемички списи, књ. III, 336-364.
44. Большой почитатель Вука Н.И.Надеждин также не одобрял фонетического принципа, полагая, что он находится в противоречии "с правилами и обычаями, принятыми в орфографических системах всех культурных языков" ("Письмо к издателю" - Северная пчела, 1842, № 77, 307-308. № 78. 311-312 (Цитата на с. 311). Добавим, что в журнале "Телескоп", издаваемом Надеждиным, уже в 1832 г. в рецензии на книгу Пирха о путешествии по Сер-

бии (1829 г.) содержится довольно резкий упрек Вуку за введение "Какографии или кривописания" в сербскую письменность (с. 290).

46. Одговор Јовану Ранитовићу, адвокату Штипикаловићеву. - Новине српске, 1824. Засебан додаток, 43, бр. 63 и 64

47. /Имбро Игњатијевић Ткалац/ Вук Стефан Караџић и његов положај у српској књижевности. - Видовдан, Београд 1861, бр. 79/4; бр. 80 (3-4); бр. 81 (4); бр. 82 (3-4).

48. Изабрана дела. - Указ. соч., с. 364 (Вук - Стефану Книћанину, Беч, 16.IX.1851).

49. См. сн. 39. Аналогичне мисли Вук высказывает и в "Ответе русскому рецензенту", т.е. Н.И.Гречу ("Даница", 1826, с. 100-102).

50. "Одговор рускоме рецензенту", Указ. соч., с. 98.

51. Главна свршаванја суштествелни и прилагателни имена. Даница за 1828, 4.

52. (...) Писма (...) Платону Атанацковићу, указ. соч. 84.

53. "Одговор рускоме рецензенту". Указ. соч., с. 99.

54. Српски рјечник. Указ. соч., XXXV.

55. Писмо Дмитрију Фрушићу (...). - Новине српске, 1821. Додатак к числу 68, с. 161, 168.

56. "Српски рјечник". - Указ. соч., XXXIV. Главне разлике између данашњег славенског и српског језика. - "Даница", 1826, с. 58 (в примечаниях приведены слова К.Ф.Калайдовича о том, что "щ" состоит из "ш" и "т" и не только сербы и болгары произносят "шт", но и среди русских в простонародье можно услышать в некоторых словах - например "шти" (суп; из кислой кадуств), "ешто" (вместо "еще"). "Примјери српско славенског језика", указ. соч., с. 37; "Одговор на "Задатак Србскомъ Филологу". - Пештанско-будимскии скоротеча, 1842, бр. 47, 54.

57. Писмо П.Б.Иосифу Миловуку о Матици српској. Даница, 1834, с. 73 (Примечание Вука); "Српски рјечник", указ. соч., XI; ср. сн. 39 (русские ввели в гражданский шрифт "э").

58. "Српски рјечник", указ. соч., XXXIV, с. XI. "Одговор на Палинодию, или обрану дебелого ера њ.

59. Одговор господину - ц - на његово мнѣње о српској граматизи. Новине српске, 1818, чло 50 и 51, с. 397 и даље (О еровима); Критика у језику. - Пештанско-будимскии скоротеча, 1843, бр. 5 и 6, с. 35; "Српски рјечник", указ. соч., с. XXXIV (О умекшавајућој гласи њ

60. Српски рјечник. - Указ. соч., с. XXIX.

61. Там же, с. XI: "Одговоръ на Палинодию (...)", указ. соч., с. 344.

62. "Српски рјечник. - Указ. соч., с. XI.

63. Там же, с. XI УП; "Главне разлике између данашњег славенскога и српског језика. - Указ. соч., с. 35.
64. Вуков бјегобор на лажи и опадање у Србскоме улаку, Беч, 1844, 17 ("Я видел в Москве письмо святгорских монахов, в котором Петр Великий назывался "князем"(...) Писма Платону Атанацковићу (...), с. 4.
65. Там же, с. 44, 37.
66. Одговор на ситнице језикословне Г. Ј. Хаџића - М. Светића, Беч, 1839, 13.
67. Примјечанија на преводу Г. Јоме Љубибратића и на примјечаније на њих Г. Станимира Живковића, Новине србске, 1820, бр. 17-20, 15; Второ објављење о Србскоме словару, указ. соч., с. 1. "Српски рјечник", указ. соч., у.
68. "Примјери" (...), указ. соч., с. 10 (Напомена); Српски рјечник, указ. соч., XIV; Друга рецензија србска (...), указ. соч., с. 535. Одговор рускоме рецензенту, указ. соч., с. 103.
69. И.И. Срезневский. Вук Стефанович, Караџић, очерк биографический и библиографический. Московский литературный и ученый сборник. Москва, 1846.
70. По мненију Д. Стојановића, рећ идет в сборнике Кириши Данилово; П. Громов склоняется к Н.Н. Новикову или, что более вероятно, к Прачу. М.К. Азадовский и Н.И. Кравцов колеблются между Н.И. Новиковым и М.Д. Чулковым.
71. Вукова преписка, X, 167 (Варшава, 5/18 (.), 1819).
72. Одбрана од ружња и кућња (Београд, 1861), 2.
73. Неколики рјечи о језику у првој књизи Шрекове Историје. - Новине србске 1820. Додатак к числу 44, с. 268 (Напомена).
74. См. сн. 55.
75. Одговор рускоме рецензенту. Указ. соч., с. 103-106.
76. Примјери српско-славенског језика. Указ. соч., с. 5.
77. См. сн. 71.
78. Добрашиновић Г. Вуков спис о учешћу руске војске у првом српском устанку. - Зборник Музеја првог српског устанка. Београд, св. 3-4, с. 139-143.
79. Одъ Сроина изъ Сербіе. - Сербске народне новине, 1842. чис. 4, с. 14-15. 80. (...) Писма (...) Платону Атанацковићу (...) Указ. соч., с. 5. "Конечно, - приводит Вук слова Н.И. Надеждина, которые он повторит и в неоднократно упоминаемом нами письме В.Н. Балабину, - больше отыщется выходов и намеков антирусских в книгах сербских, печатаемых по русской орфографии, чем тех, которые напечатаны со всей строгостью системы Вуковой" (Северная пчела, № 77-78. 1842).

АРМЯНО-СЕРБСКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ХУШ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В общественно-политическом, социально-экономическом и духовном развитии армянского и сербского народов в ХУШ–XIX вв., в эпоху национального возрождения, можно выделить целый ряд сходных процессов. В конце ХУШ в. сербский народ был разделен между Османской и Австрийской империями, часть сербов находилась под властью Венецианской республики. Если в Османской империи сербы подвергались жестокому гнету со стороны турецких феодалов, то в Воеводине, несмотря на притеснения австрийских властей, им были предоставлены некоторые права внутреннего самоуправления, существовала самостоятельная церковная организация, создались более благоприятные условия для становления сербской национальной культуры.

Западная Армения с 1555 г. также входила в состав Османской империи, а Восточная Армения – в состав Персии. Невыносимые политические условия, в которых оказался армянский народ, страшный деспотизм двух отсталых мусульманских монархий, отсутствие элементарных прав и угроза полного физического уничтожения вынуждали значительную часть армянского народа покинуть родину и искать убежища в других странах. Так возникали армянские поселения (или колонии) в странах Западной Европы, Ближнего Востока, в России, в Индии, на Балканах, в том числе и на сербских землях. Спецификой социально-экономического, политического и культурного развития армянского народа явилось то, что "в то время как на родине под свинцовым гнетом турецкой и персидской военно-феодалных систем армянский народ жил в условиях азиатского натурального хозяйства, в армянских колониях, находившихся на оживленных путях мировой торговли, начинает развиваться промышленный капитал и на его экономической основе – армянская культура: соз-

даются школы, типографии, периодическая печать "Г.

Культурная общность армян и сербов существовала еще в раннем средневековье. Тогда обе культуры развивались в византийских традициях, а после османского завоевания в них проникли значительные элементы культуры народов Востока. Многие явления как армянской, так и сербской общественно-культурной жизни возникали в одних и тех же многонациональных городах Западной Европы и России (Триест, Вена, Венеция, Петербург, Москва). На протяжении веков армянский и сербский народы вели совместную борьбу против турецких поработителей, опираясь на помощь России и русского народа.

Русская ориентация как армянского, так и сербского освободительного движения возникла еще в средние века, после османского завоевания, однако наибольшую силу она приобрела в XVIII-XIX вв. В это время Россия становится могущественной державой, влияющей на весь ход международных отношений, особенно в Восточной Европе и Малой Азии. Многочисленные русско-турецкие и русско-персидские войны, победоносная Отечественная война 1812 г. вселили надежду в поработанные Турцией и Персией народы на скорое избавление силой русского оружия. В идеологии освободительных движений этих народов возникли концепции о мессианской роли России в отношении христианских народов, стонущих под магометанским игом, о взаимопомощи единоверцев-христиан.

Этническое, языковое и религиозное родство сербов с русскими являлось важнейшим фактором русской ориентации сербского освободительного движения. Решающую роль религиозного момента сознавали и деятели армянского освободительного движения, которые видели в России могущественное соседнее христианское государство, способное освободить находящуюся в мусульманском окружении Армению.

Упрочение позиций России на международной арене, ее заинтересованность в ослаблении Османской империи, усиление национально-освободительной борьбы поработанных

народов явились предпосылкой возникновения в конце XVIII — начале XIX вв. нескольких проектов создания независимого государства под русским протекторатом (проекты М.Сарафяна, И.Аргутинского-Долгорукого и О.Лазаряна, Ш.Шаамиряна — у армян, планы митрополита С.Стратимировича, епископа И.Иовановича и др. — у сербов)².

Проблемы освобождения от иноземного гнета родственных христианских народов волновали в то время и передовую общественность России. Она тесно связывала перспективу освобождения этих народов с социально-политическими преобразованиями в самой России и во всей Европе. В проекте Александра Полева (1808—1811 гг.) предполагалось, например, создание новой преобразенной Европы, независимых венгерского, греческого, сербского и армянского государств³. Большое внимание этому вопросу уделяли декабристы и близкие им круги русского общества. Декабристы принимали самое активное участие в русско-персидских и русско-турецких войнах конца 20-х гг. как на Балканах, так и в Закавказье.

Русский народ оказал значительную помощь сербам в период Первого и Второго сербских восстаний. Благодаря дипломатической, экономической и военной помощи России обрело автономию Сербское княжество. Значение сербских восстаний выходит далеко за пределы Сербии. Они расшатывали устой Османской империи, дали импульс национально-освободительным движениям других народов как на Балканах, так и в Малой Азии, доказали, что только героическая всенародная вооруженная борьба против захватчиков может привести к независимости и созданию собственного государства.

Неоценима роль России и русского народа в освобождении от персидского деспотизма Восточной Армении и борьбе против турецкого господства в Западной Армении. Добровольное вхождение Восточной Армении в состав России в 1804—1828 гг. избавило армянский народ от угрозы полного физического уничтожения, создало благоприятные условия для

его экономического и культурного развития, навсегда связало армян с русским народом и его передовой культурой, явилось предпосылкой возникновения будущей армянской государственности.

Русская ориентация этих народов во многом определяла характер плодотворных связей деятелей как армянской, так и сербской культур эпохи национального возрождения с русской культурой. Русские помогли армянам и сербам в организации светского школьного образования, книгопечатания, развитии научных знаний. Известна та широкая поддержка, которую оказали русские ученые армянскому просветителю Хачатуру Абовяну (1809–1848) и крупнейшему деятелю сербского национального возрождения Вуку Стефановичу Караджичу (1787–1864). "Имя русского должно быть для нас так же священо, – писал в 1845 г. Абовян, – как и кроть, коею спасены мы навсегда, как и покровительство, под которым благоденствуем, будучи защищены совершенно от всех врагов нашей веры, нашего отечества"⁴. "Еще в самом раннем детстве, – подчеркивал Караджич в 1842 г., – я любил Россию, как любит ее большинство сербов, как землю, сродную сербам по языку и вере, которою они гордятся (пусть и тайно в душе), надеясь преумножить ее силу и славу"⁵. Многие армянские и сербские ученые получают известность в России, избираются почетными членами различных русских академий, университетов, научных обществ. Символично, что в 1842 г. Одесское общество истории и древностей российских одновременно избирает своими действительными членами Вука Караджича и Габриэла Айвазяна (Гавриил Айвазовский, 1812–1880), известного армянского филолога и историка, члена конгрегации мхитаристов в Венеции⁶.

Благоприятным было воздействие русской литературы и искусства на формирование армянской и сербской национальных культур. Известно, что Абовян и Караджич были лично знакомы с главой русского романтизма Жуковским. Любимым писателем Негоша и многих армянских поэтов этого периода был А.С.Пушкин. Уже в 30–40-е гг. XIX в. на армянский

и сербский языки были переведены произведения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Крылова и др.

Значительна роль русской литературы и периодической печати как посредника в армяно-сербских культурных отношениях. Хотя на сегодняшний день в нашем распоряжении имеются лишь единичные факты такого посредничества в первой половине XIX в., можно предположить, что именно русская культура стала одним из тех мостов, благодаря которым армяне и сербы получили возможность познакомиться друг с другом.

Армяно-сербские общественно-культурные связи в XVIII – первой половине XIX в. не исследовались. Настоящая работа является первой попыткой освещения и обобщения материалов по данной теме, которые были выявлены из различных источников. Нам представилось целесообразным, исходя из особенностей самого материала и его неразработанности, остановиться в статье на трех вопросах.

I. Армянские путешественники и общественные деятели о Сербии и сербах.

Интерес армянских путешественников, историков, географов к Балканам и южнославянским народам в XVIII – начале XIX в. был вызван двумя основными причинами. Во-первых, необходимостью расширить знания в области истории и географии, желанием более подробно узнать о жизни народов, поработанных Османской империей и разделявших судьбу армян. Во-вторых, стремлением проследить пути миграций армянских беженцев после окончательного падения Армянского царства в XV–XVI вв., ознакомиться с состоянием армянских поселений на территории стран балканского региона.

Путевые очерки о Балканах написаны преимущественно армянскими купцами, торговавшими в этих краях, и членами католической конгрегации мхитаристов, регулярно посещавшими свою паству в Турции, Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Венгрии⁷. Положение Сербии в середине XVIII в. кратко описал венецианский мхитарист, историк, географ, пу-

тешественник и торговец Ованнес Товмаджиян (1717–1806) в книге "История иерея Ованнеса Товмаджияна, который тридцать лет путешествовал по Европе, Азии, Индии, Африке и Эфиопии" (написана в 1790 г. в Венеции, издана в Константинополе)⁸. Летом 1850 г., возвращаясь из Вены в Константинополь, Товмаджиян проезжал через Сербию. Это было очень беспокойное время. После 20-летней оккупации сербии (1718–1739) и неудачной войны с турками Австрия была вынуждена возвратить завоеванные земли Османской империи. Помощь сербов австрийцам, восстания против турецкого господства стали причиной жестоких расправ османских феодалов над сербским населением. По дороге из Белграда Товмаджиян видел людей, посаженных на кол, в Батидкине (ныне с. Баточина) и в Морава Кьопрюсю (ныне г. Чуприя) он оказался свидетелем зверств янычар и возмущался их безнаказанностью⁹.

В конце XVIII в. не раз бывали в Сербии, в других балканских странах историк, географ, филолог, писатель Гукас Инчичян (1758–1833) и видный общественный и религиозный деятель (с 1800 г. верховный абба конгрегации мхитаристов в Венеции) Степанос Кювер Агоцц (1740–1824), авторы двенадцатитомной "Географии четырех сторон света", шестой том которой (Венеция, 1804) целиком посвящен европейским провинциям Османской империи. Инчичян и Агоцц использовали не только личные наблюдения и впечатления, но и многочисленные античные, древнеармянские, немецкие, французские, турецкие источники, сведения, поступающие от миссионеров, торговцев, дипломатов. Примечательно, что авторы не раз обращались к трудам долматинского историка XVIII в. Мавро Орбини. Описание велось по принципу существовавшего в Османской империи того времени административно-территориального деления на эялеты (беглербегства), санджаки (ливы) и т.д. В заметках о Приштине и Косовом поле, входивших в Софийских санджак, авторы рассказали о героической битве сербов с турками в 1389 г., о князе Лазаре и подвиге Милоша Обилича¹⁰.

Внимание армянских путешественников привлек и монастырский комплекс Афона и его сербские монастыри – Симонос Петрас деспота Йована Углеши, Хиландар, построенный Стефаном Неманей, Зограф и др.¹¹ Говоря о Смедеревском санджаке, переименованном впоследствии в Белградский пашалык, Инчичян и Агонц дают краткие сведения о границах Сербии, ее климате, о происхождении сербов и принятии ими христианства, рассказывают о средневеком независимом сербском государстве и о его падении под турецкое иго, об австро-турецких войнах за сербские земли¹². Отдельные историко-географические обзоры посвящены Белграду, Смедереву, Пожаревцу, Ягодине (ныне г. Светозарово), Ужице (ныне г. Титово Ужице), Валево и Нишу¹³. Местоположение Белграда посередине торгового пути Вена-Константинополь сделало его, по словам авторов "Географии", "очень удобным для развития торговли", "ключом к Османской империи"¹⁴.

В 1718 г. австрийцы, завоевав Белград, обнаружили в городе около 70 армянских семей, в основном, торговцев, которые имели свою национальную религиозную общину и маленькую церковь, скрытую в подземной пещере¹⁵. В более благоприятных условиях для общественно-культурного развития, наступивших при австрийской оккупации, белградские армяне занялись вопросом своей церковной организации и даже соорудили большую церковь из разрушенной мечети¹⁶. Во всех этих начинаниях им оказывала поддержку конгрегация мхитаристов в Венеции, направлявшая в Белград своих миссионеров и проповедников, одним из которых являлся на протяжении длительного времени отец Микаэл Вардересян из Себастии (? – 1867). Армянский историк из НРБ А. Орманджян впервые опубликовал интересное письмо М. Вардересяна из Белграда, хранящееся в архиве конгрегации, в котором тот описывает монастырь Хиландар и свое путешествие от Афона до Салоник вместе с крупным деятелем болгарского возрождения Софронием Врачанским¹⁸.

Несмотря на все усилия, предпринятые миссионерами, армянская колония в Белграде постепенно распадалась.

Этому способствовали ожесточенные конфликты между сторонниками армянской апостольской (армяно-григорианской) церкви и армянами-католиками, быстрая ассимиляция, вызванная смешанными браками с сербами, немцами и венгерками¹⁹. Возвращение турок в Белград окончательно разрешило все вопросы. Большинство белградских армян ушло вслед за австрийскими войсками в Новый Сад, в Петроварадинскую крепость, где была основана новая армянская колония, названная "Неопланта"²⁰. Лишь небольшая их часть продолжала оставаться в Белграде, и есть сведения о некоторых армянских семьях, живших здесь и в первой половине XIX в., при Милоше Обреновиче²¹.

В 1746 г. в Новом Саде была построена армянская церковь "Св. Григорий Просветитель", которая в 1849 г. была сожжена, а в 1872 г. вновь восстановлена. Духовным пастырем церкви являлся член конгрегации мхитаристов²². Интересное описание этой церкви и Петроварадинской крепости дал армянский путешественник- выдающийся историк, педагог, филолог Минас Бжшкянц (1777-1851) в своем "Путешествии в Польшу" (Венеция, 1830)²³. Он отмечал, что в армянской церкви совершали свое богослужение и православные рацы (так называли в XVIII в. в Венгрии сербов)²⁴.

Армянские общественные деятели с вниманием и искренним сочувствием следили за подъемом национально-освободительных движений балканских народов. События на Балканах порождали у армян надежду на скорое избавление от турецкого гнета, служили примером, призывали к борьбе. Эти мысли ярко выражены в письмах предводителя армянской епархии в Бессарабии архиепископа Григора Закаряна, написанных в марте 1821 г. и недавно впервые опубликованных²⁵. Закарян, активный сторонник русской ориентации армян, знакомый А.С.Пушкина по Кишиневу, был непосредственным очевидцем восстания 1821 г. в Валахии под руководством Т.Владимиреску и А.Ипсиланти. В своих письмах он подробно списывал происходившие события, выражал горячую поддержку восставшим. Армянский архиепископ особо

подчеркивал значение сербских восстаний 1804–1813 и 1815 гг., приведших к освобождению Сербии от османского господства. В письме начальнику армянской епархии в России архиепископу Ованнесу Гарнакеряну он писал: "И сербы сбросили турецкое ярмо со своей шеи, избрав себе предводителем вместо прежнего Карагеоргия некоего мужа, смелого и мудрого, по имени Мелеш (Милош. – А.О.), и должны присоединиться к валахам"²⁶. А в письме общественному деятелю, хранителю библиотеки Эчмиадзина, архимандриту Манвелу Гюмишханеци Закарян как бы дополнял: "И сербы также перестали подчиняться туркам и овладели белградской крепостью и перебили всех турок, находившихся в ней. И сами выбрали себе вождя родом серба по имени Милош, чтобы быть готовыми к бесстрашной защите от набегов турецких войск"²⁷. Вполне возможно, что среди знакомых Г.Закаряна в Кишиневе были и сербские повстанцы, бежавшие в Бессарабию после разгрома Первого сербского восстания.

Национально-освободительная борьба сербов против османского ига в начале XIX в. нашла свое отражение и в первых трудах новой армянской историографии. Во втором томе своей "Истории Османского царства" (Венеция, 1841) Г.Айвазовский остановился на положении балканских народов, подчеркнул значение военной и дипломатической помощи России в их освобождении от многовекового турецкого владычества. Армянский историк высоко оценил деятельность Карагеоргия по организации Первого сербского восстания, его решимость биться с турками до полного освобождения Сербии, с сочувствием писал о разгроме восстания, осуждал Милоша Обреновича за убийство Карагеоргия, хотя в то же время признавал его выдающуюся роль в получении Сербией автономии²⁸.

Этому периоду истории сербского народа уделены внимание и член конгрегации мхитаристов в Вене, крупный историк и языковед Гевонд Овнанян (1817–1897). В его "Всеобщей истории политики европейских государств" (1860)

один небольшой параграф посвящен основным датам и событиям, приведшим к созданию автономного Сербского княжества. Овнанян считал сербские восстания началом всеобщего освободительного движения поработенных Османской империей народов²⁹.

2. Печатание сербских книг в армянских типографиях

Еще в конце XVIII в. армянские торговцы, нарушая запрет на ввоз в Австрийскую империю русских книг, тайком провозили их из России и продавали сербам и румынам³⁰.

В 70-е гг. XVIII в. в связи с проводившейся в империи школьной реформой, а также исходя из собственных коммерческих интересов, австрийское правительство решило открыть в Вене типографию на славянских языках. В 1770 г. этой чести удостоился книгопечатник И. Курцбек, а после его смерти в 1792 г. типография перешла в руки серба С. Новаковича, который, в свою очередь, продал ее через три года Пештскому университету в Будиме. Привилегия типографии Пештского университета, получившего исключительное право печатания сербских книг сначала до 1810 г., а затем до 1825 г. вызывало недовольство многих сербских писателей. Дело в том, что все сербские книги предварительно рассматривались митрополией в Сремских Карловцах, которая препятствовала развитию светской культуры, преследовала тех писателей и ученых, которые осмеливались пойти наперекор ее традициям и убеждениям.

Значительную роль в борьбе против притязаний митрополии в области книгопечатания сыграл выдающийся словенский филолог, цензор славянских изданий Ерней Копитар (1780–1844). В 1813 г. состоялось его знакомство с Вуком Караджичем, который в 1815 г. начал работу по составлению "Сербского словаря". Спустя два года словарь был готов, но с его печатанием возникли непредвиденные трудности. Первые книги Караджича, напечатанные в 1814–1815 гг. в Вене, в типографии Шнирера, без одобрения митрополита вызвали возмущение церковных властей и бу-

димской типографии, и издание "Словаря" в Вене было запрещено.

В 1812 г. в Вене была открыта типография монастыря армянской католической конгрегации мхитаристов, которая сразу же привлекла внимание Копитара: В заметке "Кое-что еще о мхитаристах" *"Noch etwas über iedi Mechitharistheh"* он самым уважительным образом охарактеризовал деятельность конгрегации: "Честь и слава организации, которая заботливо охраняет святой огонь культуры столь древней, но до сих пор несчастной в политическом отношении нации, и тем, кто предоставил им убежище и защиту..."³¹. Зная о наличии в типографии кириллического шрифта, Копитар ждал лишь удобного случая, чтобы воспользоваться услугами мхитаристов. По императорской привилегии конгрегации разрешалось печатать книги на всех восточных языках. Копитар, считая, что сербский разговорный язык вполне может быть причислен к восточным языкам, договорился с мхитаристами о напечатании "Сербского словаря" в их типографии.

В ноябре 1818 г. книга была завершена. Монументальный труд В. Караджича, первая сербская книга, изданная на народном языке новым правописанием, стала одновременно первой сербской и вообще первой славянской книгой армянской типографии в Вене³².

В 1821 г. Караджич вступил в переписку с мхитаристами, установив с ними довольно прочные деловые отношения³³. Из изданных сербским писателем при жизни 37 книг и брошюр - 24 (то есть, две трети) были напечатаны в типографии армянского монастыря ("у Бечу. У штампари и Јерменскога манастира"). Многие из них ознаменовали важные вехи в становлении сербской национальной культуры, принесли Караджичу всемирное признание - четыре книги "Сербских народных песен" (1841-1862), "Письма о сербском правописании" (1846), перевод "Нового Завета" (1847), "Сербские народные пословицы" (1849), второе издание "Сербского словаря" (1852), "Сербские народные

сказки" (1853), "Примеры сербско-славянского языка" (1857), "Привителъствующий Совет Сербскій ..." (1860) и др. На протяжении более чем сорока лет В.Караджич имел непосредственные, постоянные контакты с директорами типографии – Аристакесом Азаряном (1782–1855), крупным армянским филологом, общественным деятелем, верховным аббой конгрегации с 1826 г., Даниэлом Дерцакяном, Игнацем Шукюряном, Гевондом Овнаняном. Книгоиздательская деятельность армянской конгрегации на сербском языке имела большое значение для Караджича и его единомышленников: типография мхитаристов была единственной вплоть до конца 60-х гг. XIX в., где они могли свободно печатать свои книги по новой орфографии.

С другой стороны, печатание сербских книг было очень выгодно и самой конгрегации. Полученные при этом доходы шли на финансирование ее собственной научной и литературной деятельности. Именно поэтому мхитаристы старались привлечь к себе большее число клиентов и так внимательно относились к их требованиям и пожеланиям. Они считали для себя честью знакомство и сотрудничество с В.Караджичем, неоднократно предоставляли ему кредиты и отсрочивали сроки выплаты стоимости его книг, доверяли и шли ему навстречу во всех его начинаниях. Еще в 1821 г. Караджич выражал свое недовольство по поводу сербских шрифтов, имевшихся у армянских книгопечатников, и собирался заказать новые³⁴, однако, решение этого вопроса откладывалось до окончания срока привилегии Будимской типографии (1832 г.). В начале 1832 г. Караджич, следуя советам Копитара, обратился со своим предложением к мхитаристам. "В связи с Вашим желанием приобрести новые красивые шрифты наша конгрегация не возражает, – писал Вуку управляющий типографии, – хотя мы не имели с этим языком никаких работ. Если Вы окажете нам честь своим присутствием и тем самым побудите нас к действию, то с нашей стороны будет сделано всё необходимое"³⁵. В 1837 г. при типографии была открыта словолитница, где под непосредственным

наблюдением и по указаниям Караджича, велась активная работа по изготовлению новых сербских шрифтов³⁶. Осенью 1838 г. чешский славист П.И.Шафарик писал сербскому просветителю: "У мхитаристов теперь есть красивые шрифты: надо надеяться, что Вы ими вскоре воспользуетесь"³⁷.

Дружеские отношения, сложившиеся у Караджича с армянскими книгопечатниками, привлекли к нему многих сербских писателей и ученых, желавших при его посредничестве войти в сношения с конгрегацией и печатать у нее свои книги. Судя по переписке Вука Караджича, подавляющее большинство сербских книг, выпущенных типографией мхитаристов, было напечатано с его помощью. Среди них отметим "Историю важнейших политических европейских событий от Венского мира 1809 г. до 1821 г." (1823) Дж.Магарашевича, "Славянскую грамматику" (1827) Дим. Тирола, "Опыт введения в сербское стихосложение или просодию" (1833) Л.Милованова, "Немецкую грамматику для детей" (1833) А.Драгосавлевича, перевод романа Лесажа "Жил Блаз" (1833) Л.Зубана и др.

1847-й год явился кульминацией типографской деятельности мхитаристов на сербском языке. В типографии армянского монастыря в Вене одна за другой вышли в свет три книги, сыгравшие определяющую роль в развитии сербской национальной культуры — перевод "Нового Завета" В.Караджича, поэма выдающегося черногорского поэта и государственного деятеля Петра II Петровича Негоша "Торный венец" и сборник "Стихотворений" Бранко Радичевича. Еще летом 1833 г. Негош, впервые приехав в Вену и познакомившись с Караджичем, собирался издать в типографии мхитаристов свою первую поэму "Голос горца", но ее не допустила к печатанию по политическим соображениям австрийская цензура³⁸. Посещение армянской конгрегации и ее типографии произвело на Негоша сильное впечатление. "Мое почитание передайте господину директору армянской типографии", — писал он Караджичу в марте 1834 г.³⁹ По словам М.Поповича, "у мхитаристов, в монастыре, принадлежащем на ро-

ду, который и сам сильно пострадал от турок, Вук и Негош хотели напечатать поэму Негоша о преступлениях турок и героизме черногорцев. Негоша, как молодого монаха, восхитили ученые армянские священники в таких же рясах, как и его... Если мысль об обновлении типографии Црноевичей в Цетинье (старейшая типография на Балканах "Обод", созданная в 1493 г. - А.О.) возникала у Негоша и раньше, то здесь, при встрече с мхитаристами, она вновь ожила"⁴⁰. В конце 1846 г. Караджич уговорил Негоша напечатать "Торный венец" в типографии мхитаристов. Негош лично следил за изготовлением книги, и уже весной 1847 г. она была готова. Летом того же года Вук познакомил с армянскими книгопечатниками Б.Радичевича, который в 1847 г. и 1851 гг. выпустил в их типографии два сборника "Стихотворений". Здесь же в 1847 г. должна была быть напечатана брошюра Джуры Даничича "Борьба за сербский язык и правописание", если бы ее не запретила австрийская цензура. Тем не менее в типографии вышли другие сочинения известного сербского филолога - "Малая сербская грамматика" (1850), "Новый сербский букварь" (1854) и др.

Типография армянской конгрегации продолжала печатать сербские книги вплоть до конца XIX в. По нашим неполным данным здесь было выпущено свыше 240 наименований сербских книг и брошюр, газет и журналов, альманахов и календарей, школьных учебников и объявлений, не считая паспортов, карт и др. В общем объеме книжной продукции армянской типографии, сербские книги идут по количеству сразу же после армянских и немецких. Как отмечал сербский историк литературы, автор небольшого очерка о деятельности конгрегации, М.Шевич, "с названием типографии прочно связано появление самых знаменитых сербских книг, и хотя здесь печатались книги на стольких (пятидесяти. - А.О.) языках, вряд ли она первой дала какому-нибудь народу больше выдающихся произведений, чем сербскому народу"⁴¹. На наш взгляд, столь благожелательное и сочувственное отношение армянских книгопечатников к сербам и

сербской культуре было вызвано не только коммерческими соображениями, но и желанием каким-либо образом содействовать культурному развитию народа, разделявшего трагическую судьбу армян.

Сербскими шрифтами обладали и другие армянские типографии. В 1823 г. и 1833 г. венецианские мхитаристы издали на 24 языках (в том числе, на сербском и церковнославянском) поэму-молитву "Искушение верой" выдающегося армянского поэта и мыслителя средневековья, католикоса Нерсеса Шнорали (Клаенци). По-видимому, это первое произведение армянской литературы, переведенное на сербохорватский язык. В 1829 г. была открыта типография Московского Армянского Лазаревского института восточных языков. Начиная с 1830 г. "круг действий сей типографии, после умножения станов и после устройства различных потребностей, распространился, книгопечатание с успехом продолжается на 13 языках, европейских и азиатских, кои суть: российский, армянский, латинский, греческий, французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский, грузинский, сербский (выделено нами - А.О.), турецкий и персидский"⁴². На этих языках здесь в 1830 г. была напечатана все та же "Молитва св. патриарха Нерсеса".

3. Армения и армяне в сербской литературе и периодической печати

Сведения об Армении и армянах в сербской литературе и периодической печати первой половины XIX в. немногочисленны и имеют ознакомительный, обзорно-справочный, общий характер. Отчасти это было связано с тем, что и в России первоначальное знакомство с Кавказом и Арменией "начиналось с общих географических, исторических и экономических сведений о далеком крае, которые время от времени появлялись на страницах русской периодической печати"⁴³.

В конце января 1814 г. газета "Новине сербске", вы-

ходившая в Вене под редакцией Д. Давидовича, опубликовала краткое сообщение об условиях Гюлистанского мира, заключенного между Россией и Персией 12(24) октября 1813 г.⁴⁴ По договору в состав России вошел ряд областей Восточной Армении (Карабах, Ширак, Лори, Зангезур). Отражением другого важного события в истории армянского народа - взятия Ереванской крепости и добровольного вхождения Восточной Армении в состав России - явилось стихотворение, посвященное графу, командиру Отдельного кавказского корпуса в период русско-персидской войны 1826-1828 гг., генералу И. Ф. Паскевичу-Ереванскому, переведенное из "Северной пчелы" редактором "Сербского Летописца" Теодором Павловичем⁴⁵. В 1854 г. в журнале "Седмица" была напечатана краткая биография Паскевича, где отмечались его боевые заслуги в русско-персидской и русско-турецких войнах, выигранные под его командованием битвы под Ахалцихом и Ахалкалаком, взятие Ереванской крепости, Карса и Эрзерума⁴⁶. Спустя два года в том же журнале появилась биография другого русского генерала-героя русско-турецких войн Н. Н. Муравьева, принимавшего активное участие в освобождении Карса⁴⁷.

Присоединение Восточной Армении к России и помощь, оказанная армянским народом русской армии, вызвали интерес русской общественности к Армении и армянам. В 30-е гг. XIX в. появляется ряд публикаций в русской литературе и периодической печати, написанных в форме путевых заметок об Армении. Путешествия по закавказским областям, вошедшим в состав России после русско-персидской войны, легли в основу путевых очерков русского журналиста, историка и географа Д. Е. Зубарева, которые под заголовком "Отрывки из путешествия по Закавказским провинциям" в 1830 г. регулярно печатались на страницах газеты "Тифлиссские ведомости", первой русской газеты на Кавказе⁴⁸. Два "Отрывка" были переведены на сербский язык Павлом Стаматовичем (1805-1863) и опубликованы в "Сербском летописце" в 1831-32 гг.⁴⁹ Второй из них целиком посвящен

описанию Ереванской крепости и ее предместий, рассказу об архитектуре и внутреннем убранстве двора бывшего ереванского сардара и церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Сербские источники дают также определенные сведения об армянских колониях. В обзоре европейских народов, опубликованном в "Сербско-Далматинском Магазине" за 1840 г., говорится, что армяне населяют торговые центры Турецкой империи и некоторые города России и Австрии⁵⁰. В "Путешествии по Унгарии, Валахии, Молдавии, Бессарабии, Херсону и Крыму" сербского писателя и драматурга Иоакима Вуича указывается численность армянского населения, перечисляются армянские церкви тех городов и стран, в которых он побывал (Новый Сад, Галац, Одесса, Крым и др.)⁵¹. Армянскую колонию Адрианополя упоминает в своих записках В. Караджич⁵². В письме Караджичу его знакомый, священник из Котора Вук Попович, делясь своими впечатлениями от путешествия в Малую Азию, пишет, что в Смирне "армяне и англичане самые богатые, и ими пользуются в первую очередь и надежнее всего"⁵³.

В 1845 г. в газете "Подунавка" (Белград) был напечатан о продолжении обширный очерк "Кое-что о народе армянском" известного сербо-хорватского писателя и общественного деятеля Матии Бана⁵⁴. Матия Бан (1818-1903) в 1839 г. отправился в Константинополь, где преподавал итальянский и латинский языки в греческих школах, он путешествовал по городам Малой Азии, изучал местные языки. В Константинополе Бан познакомился с польскими эмигрантами, сторонниками князя Чарторьского, и стал горячим приверженцем их планов освобождения и объединения южных славян. С этой целью он в 1844 г. переехал в Белград и в дальнейшем принял активное участие в реализации внешнеполитических замыслов сербского правительства, выраженных в "Начертаниях" Или Гарашинина. Объясняя причины, побудившие его взяться за очерк об армянах Бан писал: "Некоторые краткие заметки об армянском народе, сделанные мною во время пребывания в Турции, я сообщаю, считая,

что нам, славянам, нам, включенным в число восточных народов, необходимо и полезно поближе узнать восточные народы, и особенно те, которые являются нашими соседями или живут в наших странах, и чей язык обнаруживает какое-либо сходство с нашим. Таков армянский народ; это один из древнейших народов в старой Азии⁵⁵. Несмотря на многочисленные неточности, анахронизмы, преувеличения, а порой просто нелепости, на предвзятое отношение к некоторым сторонам жизни армян, очерк представляет довольно целостную картину истории и культуры армянского народа на протяжении веков. Автор не ограничивался изложением известных ему фактов, но зачастую сам осмысливал их, полемизировал с общепринятой точкой зрения, высказывал собственное мнение. Так, например, в связи с разгоревшейся в европейской науке дискуссией о происхождении армянского народа и армянского языка, Бан, повторяя заблуждения других ученых, утверждал, что армянский язык не индоевропейского, а арамейского (семитского происхождения)⁵⁶. Кстати, П.Стаматович в перечне языков народов мира также ошибочно включал армянский язык в другую языковую семью – кавказскую⁵⁷.

Касаясь истории армянского народа, Бан отмечал, что Армения в течение многих веков постоянно была ареной захватнических войн, а затем окончательно потеряла свою независимость, попав под двойное – турецкое и персидское иго⁵⁸. Присоединение Восточной Армении к России, по мнению сербского писателя, стало возможным благодаря давней ориентации армян на единоверцев-русских, спасло армянский народ от полного физического уничтожения (при этом упоминаются и массовые переселения армян из Западной Армении и Персии в Россию)⁵⁹. Большое внимание уделяется в очерке истории и традициям армянской церкви, рассказывается о деятельности в Армении святых апостолов Фадея и Варфоломея (по ним армянская церковь официально называется апостольской. – А.О.), дается краткий переклад "Жития Григория Просветителя", при котором в 301–303 г.

Армения стала первой страной в мире, принявшей христианство как государственную религию. "Св. Григорий, названный своими Просветителем, для армян тот же, кто для нас. св. Савва", — объяснял Бан своим читателям⁶⁰. С глубоким сожалением и осуждением религиозного фанатизма писал он о расколе внутри армянской церкви: "Религиозная нетерпимость армян их больше отчуждала и отдалила друг от друга, чем если бы они находились на разных концах света; пролила больше крови, чем их самые жестокие враги, эта нетерпимость, в конце концов, и привела и одних, и других в рабство"⁶¹.

Наибольший интерес для нас представляют рассуждения Бана об армянской культуре. В очерке упоминается большое количество виднейших представителей армянской древней и средневековой культуры (Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци, Егише, Мовсес Каганкатваци и др.)⁶², говорится о ее упадке после окончательной потери независимости. Бана, как деятеля сербского национального возрождения и просветителя, интересовал и вопрос современного положения армянской культуры, армянского просветительства. Он с восхищением писал о выдающейся личности Мхитара Сабастаци: "Так же как с сербами поступала благородная душа мудрого Досифея (Обрадовича. — А.О.), поступил с армянами не менее благородный Мхитар... Следует признать, что великая мысль народности и народном единстве, мысль, которая объединила весь просвещенный мир; которая стала духом нашего века и создала, несомненно, крупнейшую из исторических эпох человечества, родилась не в Европе с французской революцией в конце прошлого века, но в его начале, с Мхитаром, и в Азии. Мхитар первым и в одиночку задумал объединить армян и возбудить в них народность. Он первым и в одиночку, без каких-либо средств, кроме непоколебимого духа и твердого сердца, взялся за это огромное дело и посвятил ему всю жизнь"⁶³. Рассказывая о развитии школьного образования, создании культурно-просветительских организаций у армян (конгрегация

мхитаристов, просветительское общество "Сюнник" в Смирне, Московский Лазаревский институт), сербский писатель отмечал, что "армяне на свои личные средства делают столько же, что в состоянии сделать только целое правительство"⁶⁴. Из деятелей новой армянской культуры Бан упоминает М.Чамчана и его знаменитую "Историю Армении" и Г.Хубова, историка, филолога, поэта, деятеля национально-освободительного движения, поэзия которого доставила автору большое удовольствие (примечательно, что поэзия Хубова никогда не печаталась, и, значит, Бан мог ее видеть только в рукописных сборниках)⁶⁵. Свой рассказ о культурной жизни армянского народа в первой половине XIX в. автор завершает выводом, "что хотя литературное движение у армян не столь широкое и богатое, как у самых образованных народов, оно на самом деле не менее интенсивное и преуспевающее"⁶⁶.

В продолжениях очерка описываются внешность и одежда армян, их быт, традиции и обычаи. Характеризуя представителей армянской торговой буржуазии, сербский писатель выделял как их положительные (трудолюбие, ум, деловитость, порядочность), так и отрицательные (эгоизм, расчетливость, сребролюбие) качества⁶⁷. При этом М.Бан утверждал, что армяне "настолько преуспели в торговом ремесле, что сосредоточили в своих руках почти все богатство Турции; их можно считать одной из главных уз, связывающих воедино мусульман и христиан, Азию и Европу"⁶⁸.

Заключительную часть своего очерка Матия Бан посвятил прогнозам о будущем армянского народа. В конце 30-х - начале 40-х гг. XIX в. национальное движение армян Западной Армении и Константинополя лишь зарождалось - появлялись первые просветительские организации, газеты, школы. Возможно, что Бан еще в Константинополе пытался привлечь к своим замыслам и армянских общественных деятелей, однако, судя по его описаниям, он, в основном, общался с крупными армянскими торговцами и промышленниками, финансистами султанской казны (так называемые ами-

ра), которым были чужды народные интересы и которые и не задумывались о выступлении против существующих порядков, заботясь исключительно о своей выгоде. Вот почему с такой горечью Бан заканчивал свой рассказ об армянском народе: "Какая же судьба уготована армянам в том перевороте, который готовится?.. Среди них еще не видно достаточно тех элементов, которые бы могли вызвать всеобщее национальное чувство, а без этого чувства эти элементы не смогут воздействовать на весь народ, и горе народам, которых вышеупомянутый и недалекий всемирный кризис не найдет утвержденными в своей национальности!.. Я думаю, что наперекор всем изменениям, которые могут произойти, он (армянский народ - А.О.) еще длительное время останется только торговцем и ремесленником"⁶⁹. Время опровергло предсказания Бана. Уже спустя несколько лет, под воздействием освободительных идей европейской революции 1848 г., широко развернулось движение армян Османской империи за национальную конституцию и политическое самоопределение, а в 1862 г. вспыхнуло героическое восстание в Зейтуне.

Очерк Матии Бана - значительное явление в истории сербо-армянских культурных и общественно-политических связей, одно из проявлений того интереса, с каким правящие круги Сербского княжества относились к поработленным Османской империей народам, наиболее полный, достоверный, критический взгляд на армянский народ и его культуру в сербской литературе и периодической печати первой половины XIX в.

Первая половина XIX в. явилась начальным этапом развития армяно-сербских общественно-культурных отношений в новое время - этапом накопления сведений друг о друге, знакомства с освободительными устремлениями, историей и культурой. В дальнейшем, начиная с конца 70-х гг. XIX в. эти связи приобретают устойчивый, целенаправленный, интенсивный характер, основанный на совместной освободительной борьбе армянского и сербского народов против турецких угнетателей.

Примечания

1. История новой армянской литературы. т. I. Ереван, 1962, с. 16 (на арм. яз.)
2. Подробное см.: Иованнисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947; Достян И.С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. - В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 98-107.
3. См.: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 85-86.
4. Архив Хачатура Абовяна. т. I, Ер. 1940, с. 158 (на арм. яз.).
5. Цит. по: Добрашинович Г. Русија у покрету и делу Вука Караџића - Тезиси доклада на советско-югославском симпозијуму (октобар 1986 г.) в Москве, с. I.
6. См.: Добрашинович Г. Вуково учлање ње у Одеско друштво за историју и старине. - В кн.: Ковчежић: Прилози и грађа о Доситеју и Вуку. Књ. 10, Београд, 1972, с. 139-145.
7. Конгрегация была названа по имени своего основателя Мхитара Себастиа (1676-1749). Армянский просветитель длительное время вынашивал идею о создании в Европе религиозной организации, которая бы служила просвещению родного народа. 8 сентября 1701 г. в Константинополе, при поддержке католического духовенства, конгрегация была основана. В 1706 г. она была вынуждена переселиться в греческий город Медон, а в 1715 г. - в Венецию, на остров св. Лазаря, где существует до сих пор. В 1772 г. после раскола часть монахов создала новую конгрегацию первоначально в Триесте, а с 1811 г. - в Вене. Мхитаристы, выходя из Западной Армении, сознавали, что только учитывая потребности армянской действительности, развивая армянскую культуру, они могут завоевать широкие народные массы. Поэтому, наряду с активным проповедничеством католичества в Западной Армении и в европейских городах с большим армянским населением, они занимались, в основном, научной, литературной и книгоиздательской деятельностью.
8. Арменски пътеписи за Балканите ХУП-ХІХ в. Съставителство, превод от древноарменски и коментар Агоп Орманджиян. София, 1984, 43-59.
9. Там же, с. 48.
10. Там же, с. 80.
11. Там же, с. 98, 100-102.
12. Там же, с. III-III3.
13. Там же, с. II2-II6.
14. Там же, с. II3.
15. Премроу Мирослав. Јерменска колонија у Београду: Историска скица с документима. - "Споменик Српске Краљевске Академије", LXVI, други разред, 52. Земун, 1926, с. 214, 216.

16. Там же, с. 217.
17. Там же, с. 215.
18. Арменски пътеписи. с. 60-66.
19. Премроу М. Ерменска колонија..., с. 216.
20. Там же, с. 215, 217.
21. Костић Коста П. Грађа за историју српске трговине и индустрије. - "Споменик Српске Краљевске Академије", LXVI, други разред, 52, Земун, 1926, с. 196.
22. Арменски пътеписи..., с. 114.
23. Бѣлжкянц Минас. Путешествие в Польшу и в другіе страны, населенныя армянами, происходящими от жителей города Ани, Венеція, 1830, с. 202-203 (на арм.яз.)
24. Там же, с. 202.
25. Коланджян С.Э. Новыя армянскіе документы о национально-освободительныхъ движеніяхъ балканскихъ народов. - "Вестникъ Ереванскаго университета. Общественныя науки", 1971, № 3(15), с. 122-140 (на арм.яз.)
26. Там же, с. 129.
27. Там же, с. 132.
28. Айвазовскій Г. Историја Османскаго царства. т.2. Венеція, 1841, с. 496-497, 510, 512 (на арм.яз.)
29. Овнанян Г. Всеобщая историја политики европейскихъ государствъ т. 4 Вена, 1860, с. 72 (на арм.яз.)
30. Скерлић И. Историја нове српске књижевности. Београд, 1967, с. 138.
31. Barth. Kopitars Kleinere Schriften: Sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen Inhalts. Hrg. v. F. Miklosich. Erster Theil. Wien, 1857, s. 72.
32. Каталог славистическихъ изданій типографии мхитаристовъ составилъ австрийскій славистъ Г. Вуцженс. См.: Wutzgen G. Die slavischen und Slavica betreffenden Drucke der Wiener Mechtharisten: Ein Beitrag zur Wiener Druck und zur oesterreichischen Kulturgeschichte Wien, 1985, s. 337. Подробное описаніе опубликованныхъ произведеній В. Караджича дано в кн.: Сабрана дела Вука Караџића. К. XXXVI. Библиографија списка. Приредио Голуб Добрѣшиновић. Београд, 1974, 976 с.
33. Вукова преписка. Књ. 4. Београд, 1909, с. 28-82.
34. Вукова преписка. КН. 2. Београд, 1908, с. 490; Kalemkjar G. Rine Skizze der literarisch typographischen Thätigkeit der Mechtharisten-Congregation in Wien aus Anlass des 50 jährigen Regierungs-Jubiläums, Wien, 1896, s. 64.
35. Вукова преписка. Књ. 4, с. 31.
36. Калемкија В. Указ. соч., с. 64; Шевич М. Штампарија Ерменскаго манастира. - "Летописъ Матице српске". Књ. 301. Нови Сад, 1923, с. 21-22.
37. Вукова преписка. Књ. 4, с. 685.
38. Стојановић Љуб. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд-Земун, 1924, с. 411.
39. Вукова преписка. Књ. 6. Београд, 1912, с. 361.
40. Поповић М. Вук Стеф. Караџић. 1787-1864. Београд, 1964, с. 270. Непош действительно, в 1833 г. в Пе-

тербурге купил типографию и на следующий год установил ее в Цетинье.

41. Шеший М. Указ. соч., с. 28.
42. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых Института Восточных языков, с обзором основания, состава и цели Института. СПб., 1839, с. 184-185, 187 (на рус. и арм. яз.)
43. Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X - начало XX вв.) Ереван, 1974, с. 136.
44. Новине Србске изъ царствующега града Виенне. 1814, № 22 (28.I), с. 91-92.
45. "Србский Летопись". У Будиму. За годину 1832. Частича трећа (30), с. 146-147.
46. "Седмица". Нови Сад. 1854, бр. 42 (5.XII), с. 285-287.
47. "Седмица". Нови Сад. 1856, бр. 39 (13.V), с. 137-140.
48. См.: Саядов С.М. "Тифлисские ведомости" об Армении и армянах. - "Историко-филологический журнал". Ереван, 1983, № 2-3 (101-102), с. 212-223.
49. Стаматович П. Отрывцы изъ Путешествія по закавказскимъ областямъ. Изъ Тифлискаго Вѣстника. Отъ 3-ва. - "Србский Летопись", 1831, частица четверта (27), с. 105-117, 1832, частица перва (28), с. 83-92.
50. Любитель просвѣщенія. Србско-Далматински Магазинъ за лѣто 1840 У Задру, 1839, с. 21 (Прегледъ пять части свѣта).
51. Тоакима Вучица Славено-Србскогъ литератора Путешествіе по Унгаріи, Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Херсону и Крыму. У Београду, 1845, с. 14-15, 22-23, 36, 42-43, 62, 84-85, 88, 92, 94, 140, 161
52. Сабрана дела Вука Караџића. Кн. 17. Етнографски списи. Београд, 1972, с. 410-411.
53. Вукова преписка. Кн. 7. Београд, 1913, с. 439.
54. Нешто о народу арменскомъ одъ Матіе Бана. - "Подунавка". Београд. № 39-45, с. 162-163, 165-166, 169-171, 173-174, 177-178, 183-184, 185-186.
55. Там же, с. 162.
56. Там же, с. 163.
57. "Србский Летопись". У Будиму, 1832, частица друга (29), с. 24-25 (Раздѣленіе свіу языка).
58. Нешто о народу арменскомъ..., с. 165.
59. Там же, с. 166.
60. Там же.
61. Там же, с. 170.
62. Там же, с. 170-171.
63. Там же, с. 173-174.
64. Там же, с. 174.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же, с. 177-178, 183-184.
68. Там же, с. 183.
69. Там же, с. 186.

ВЛИЯНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВИКТОРА ГРИГОРОВИЧА
НА СБОР И ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
ЮГОСЛАВЯН

У южнославянских народов в период национального возрождения наряду с развитием национального самосознания развивались сотрудничество и солидарность, как в области культуры и просвещения, так и в области политики, создавая основу для противодействия влиянию, политическому давлению и пропаганде иностранных держав, которые стремились ассимилировать и подчинить славянские народы. Наше внимание, между тем, привлекает тот аспект сотрудничества славянских народов, который относится к исследованию и изучению славянского культурного наследия с древнейших времен, а именно со времени Кирилла и Мефодия, и который связан со сбором и публикацией прежде всего архивных источников, а также народных преданий южнославянских народов.

Первые шаги в исследовании и сборе культурного наследия славянских народов были предприняты еще в XVIII в., когда известные путешественники-исследователи, какими были Василий Барский, Иован Раич, Герасим Зелич и другие, посетили древние монастыри на Афонском полуострове — на святой Горе, чтобы, изучая прошлое своих народов, воздействовать на развитие их национального самосознания. Из этих путешественников-исследователей наиболее целеустремленным был Василий Барский, который посетил Святую Гору и Хилендарский монастырь на Афонском полуострове в 1728–1774 гг., но для нашего исследования наибольший интерес представляет его второе путешествие, во время которого он подробно описал Хилендарский монастырь и его древности¹.

Между тем, для нашего исследования особое значение имеют путешествия знаменитых ученых-славистов по южнославянским землям Турецкой империи в первой половине XIX в.,

когда славистика, особенно русская, предпринимала большие усилия для изучения первых шагов славянской культуры и письменности. Из Польши, Чехии и России тогдашние знаменитые слависты отправились в далекие путешествия по южнославянским землям Оттоманской империи, чтобы, невзирая на тяжелые условия, посетить те места, где когда-то родились и жили Кирилл и Мефодий и их ученики, надеясь найти в старых церквях и монастырях следы их культурной деятельности, какую-нибудь старинную рукопись или переписанную на пергамент книгу. Еще в первом десятилетии XIX в., в период правления в Сербии Карагеоргия, Дубровник, посетил Александр Зайпех. Спустя несколько десятилетий по его стопам двинулись его соотечественники - Михаил Бобровский и Андрей Кухарский, а еще позже, в 40-е годы XIX в., путешествие по южнославянским землям Турецкой империи предприняли известные русские слависты Осип Максимович Бодянский, Измаил Иванович Срезневский, Петр Иванович Прейс, Виктор Иванович Григорович² и Константин Александрович Успенский (Порфирий).

О результатах исследовательской деятельности этих видных славистов, в том числе и русских, сербская общественность узнала уже в середине 1846 г. из статей, которые публиковались с продолжением в газете "Србске новине" под названием "Об изучении славянской словесности", и которые в сущности были пересказом уже опубликованных статей Роберта Киприани о развитии славистики в Европе, включая специальный раздел, посвященный деятельности четырех кафедр славистики в России: в Петербурге (во главе с П.И. Прейсом), в Москве (во главе с О.М.Бодянским), в Харькове (во главе с И.И.Срезневским), и, наконец, в Казани (во главе с В.И.Григоровичем)⁴.

Несколько месяцев спустя, газета "Србске новине" опубликовала сообщение о недавно завершеном путешествии В.И.Григоровича по южнославянским землям, входившим в состав Османской империи, предпринятом им с целью сбора древних славянских рукописей времени Кирилла-Мефодия и

их учеников, которые являлись в то время основным источником для развития славистики. Информация была передана из Праги, а ее автором был сам В.И. Григорович, который посетил Чехию и чешских славистов, чтобы выступить перед ними с сообщением о результатах своих исследований в южнославянских землях Турецкой империи. Как отмечала газета "Србске новине": "Прага в последнее время стала центром славянского просвещения. Здесь постоянно останавливаются славянские писатели, особенно русские и русины, чтобы здесь заниматься чешским языком и литературой; там недавно побывал и В.И. Григорович, профессор славянских языков Казанского университета". Статья, рассказывающая о путешествии В.И. Григоровича по южнославянским землям Османской империи заканчивалась следующим сообщением: "Получив денежную субсидию от русского правительства, В.И. Григоровича с большой энергией и упорством в течении двух лет путешествовал по Турции, чтобы исследовать оставшиеся еще там письменные памятники славянских народов, а особенно сербов и болгар. Он не пошел по пути обычному для его предшественников, путешествовавших под охраной солдат; в сопровождении лишь только одного проводника он обошел Фракию, Македонию, Фессалию, Боснию, Болгарию и т.д. Как и других путешественников, его отличают сильный характер и любознательность, проявленные при изучении болгар — одного из древнейших славянских народов, у которого впереди великое будущее. Как стало известно, он описал свыше 2000 древних рукописей, в том числе более 450 — старославянских.

Мы слышали, что г. Григорович нашел также в Болгарии один из древних списков закона Стефана Душана, более древний, чем тот, который напечатан в Истории Раича и Сербской Летописи, и, чем тот, который имеет г. Шафарик в Праге. Он взял его с собой в Россию, мы с нетерпением ожидаем, что он напечатает его и сделает доступным миру⁵.

Хотя В.И. Григорович во время своего путешествия по

Турции в 1844—1845 гг. не посетил княжество Сербия, все же его путешествие имело для Сербии большое значение, так как после него в нашей стране были предприняты первые шаги в исследовании и сборе древних архивных материалов, представляющих ценность для изучения не только сербской истории, но и для изучения истории остальных южнославянских народов. Это стало возможным благодаря встрече и разговору с А.С.Раичем, тогдашним временным представителем Сербского княжества в Бухаресте, на обратном пути В.И.Григоровича в Россию, когда русский исследователь познакомил его с собранными древними рукописями и пергаменами⁶.

Свое путешествие по южнославянским землям Турецкой империи В.И.Григорович начал в Одессе, выехав оттуда в конце августа 1844 года. Минувя Константинополь и Салоники, он направился прямо на Св.Гору, в наше богатейшее хранилище средневековых славянских рукописей и документов, где провел осень 1844 г. и начало зимы 1845 г., объезжая монастыри и церкви Св. Горы, в том числе Хилендарский и Зографский, и собирая богатый материал о средневековой славянской культуре и письменности. В конце января 1845 г. В.И.Григорович покинул Св.Гору и в начале весны 1845 г. остановился в Салониках, где у него были очень интересные и важные встречи с торговцами, ремесленниками и печалбар ————— из Дебрской, Охридской, Битольской, Велесской и Прилепской областей, которые часто посещали этот большой для своего времени торговый центр. Свое пребывание в Салониках В.Григорович использовал и для собирания в Дебрской и Охридской областях македонских народных песен, которые послужили ему материалом для изучения македонского народного языка⁷. И, наконец, пребывание в Салониках позволило ему познакомиться с А.Механоичем — австрийским консулом, который также, как и он, в то время объезжал Македонию и занимался собиранием древних славянских рукописей⁸.

Когда весной 1845 г. наступили погожие дни и появи-

лась возможность путешествовать по тогдашним дорогам, В.И.Григорович предпринял путешествие по средней и западной Македонии и посетил города: Енидже-Вардар, Волен, Костур, Битоль, Ресан, Охрид и Струг; особое внимание он уделил Охриду и его окрестностям, как старейшему и наиболее значительному центру средневековой славянской культуры и письменности.

"Здесь ему встретились следы деятельности учеников Кирилла и Мефодия", - пишет А.Гаврилович⁹. С особым вниманием В.И.Григорович осматривал церковь Успения св. Богородицы, где покоятся мощи Климента Охридского, а также - монастырь св. Наума на восточном берегу Охридского озера, где находится могила св. Наума, пытаюсь найти что-нибудь, относящееся к их времени.

После десятидневного пребывания в Охриде и его окрестностях, которые располагали богатейшими источниками для изучения средневековой славянской культуры и письменности, В.И.Григорович через Пресну, Битоль, Прилеп, Велес и Штип переправился в Серез, а оттуда, через Болгарию и Румынию, вернулся в конце июля 1845 г. в Россию. На пути в Россию он на некоторое время задержался в Бухаресте, где имел возможность встретиться с А.Симичем, видным государственным деятелем Сербии в период правления уставобранителей. Хотя В.И.Григорович и не вспоминает в своей книге "Очерки путешествия по Европейской Турции", об этой встрече с А.Симичем, мы располагаем архивными источниками, которые косвенным образом подтверждают, что эта встреча имела место.

А.Симич после возвращения в Сербское княжество в своем письме от 27 августа 1845 г., адресованном в Попечительство просвещения, сообщил следующее: "В Бухаресте я познакомился с одним русским писателем (В.И.Григоровичем. - К.Д.), который был послан Министерством просвещения России собирать славянские древние рукописи"¹⁰. Так как в то время из путешествия по южнославянским землям Турецкой империи возвращался именно В.И.Григорович, нет

сомнения в том, что А.Симич встретился с ним в Бухаресте. Эта встреча с В.И.Григоровичем так сильно повлияла на А.Симича, что сразу же по возвращении в Белград он послал в Попечительство просвещения отчет о своем разговоре с ним и просил предпринять необходимые шаги для того, чтобы, как можно быстрее, начать сбор древних документов в южно-славянских землях: "Я осведомляю об этом Попечительство просвещения, с тем, чтобы оно убедило князя и Государственный Совет Сербии послать способных людей с поручением собрать древние рукописи и привезти их в Сербию, если же какие-то рукописи привезти нельзя, то - скопировать их и привезти копии; я надеюсь, что князь и наше правительство лучше меня оценят важность этих древних рукописей и, что мое пожелание пойдет на общую пользу сербов, болгар и всего славянства"¹¹.

Чтобы сделать свое рекомендательное письмо для Попечительства просвещения, князя и Государственного совета более убедительным, А.Симич сперва дал общую оценку результатов деятельности В.И.Григоровича по собиранию славянских средневековых источников в южнославянских землях Турецкой империи: "Этот писатель показал мне около 150 томов древних рукописей на коже, еще больше древних грамот, царей сербских и болгарских, также на коже, и около 50 списков с разных грамот, также сербских и болгарских царей, в том числе среди этих документов были сербские и болгарские рукописи одиннадцатого столетия", - а затем привел список девяти наиболее важных для сербской истории документов, которые он успел запомнить:

1. История св. Симеона, отца первовенчанного короля Стефана Немани;
2. История Стефана Уроша;
3. Евангелие и Апостол с сербскими письменами на глаголице;
4. Подлинное жизнеописание Св. Саввы;
5. Список законов Ст. Душана XIII века;
6. Перевод неизвестного сербского епископа с греческого

языка сочинения Кирилла, относящегося к тому времени, когда его звали Константином-философом;

7. Грамота неизвестного сербского царя о разборе какого-то монастырского дела, в которой говорится, что необходимо избрать 12 доверенных лиц, обязанных дать клятву, что они будут судить честно, и как они решат, так и будет, следовательно, вводится суд под присягой, про который говорится, что только Англия гордится таким судом;

8. Болгарский синодик, по которому короли и королевы поминаясь в церкви под именем царей и цариц, в этот синодик записано три царя и несколько болгарских цариц, которые неизвестны истории;

9. Древняя рукопись на греческом языке, большинство слов которой похоже на сербские, за исключением некоторых слов; это служит явным доказательством того, что Кирилл и Мефодий сделали славянскую азбуку из греческой¹².

В заключение письма А.Симич привел для ознакомления Попечительства просвещения слова В.И.Григоровича о том, что из всех славянских и южнославянских народов Сербское княжество находится сейчас в наиболее благоприятных условиях для того, чтобы заняться сбором средневековых рукописей, необходимых для изучения славянской культуры и письменности. "Он заметил, что сербский князь мог бы намного легче получить эти древние рукописи, так как монахи доверяют ему, а от русских, — сказал он, — прячут, подозревая, что они шпионы и т.д., поэтому он и то, что имеет, собрал и переписал с большим трудом"¹³.

Таким образом, В.И.Григорович помог южнославянским народам, особенно сербам и болгарам, заняться сбором средневековых славянских рукописей: "Он охотно показывает все древние документы любому сербу или болгарину для того, чтобы побудить в них рвение для поиска и сбора таких рукописей, большое количество которых, говорит он, имеется на Св. Горе и в монастырях Румынии, Албании, Македонии и Фессалии, брошенных на землю в башнях монастырей, где они портятся, и, если в течение 10 лет их не

спасти, говорит он, — эти святяни Сербии и Болгарии погибнут окончательно, в результате останутся неизвестными многие подробности, которые помогли бы лучше изучить историю этих народов и пролили бы свет на многие до сих пор остающиеся нераскрытыми, тайны истории"¹⁴. В завершение разговора В.И.Григорович обещал А.Симичу, что пришлет ему каталог древних рукописей и книг, которые он осмотрел во время своего путешествия по Македонии и Болгарии, чтобы помочь как можно более быстрому сбору древних документов по истории сербского и болгарского народов, необходимых для изучения их средневековой истории"¹⁵.

На вопрос, какой отклик встретила в Попечительстве просвещения просьба А.Симича о сборе средневековых сербских рукописей и документов в монастырях и церквях Турецкой империи, лучшим ответом служит быстрая реакция Попечительства просвещения и предпринятые им действия в Государственном совете и у князя. Спустя всего несколько дней после того, как было получено письмо А.Симича, 1 сентября 1845 г. Попечительство просвещения послало в Государственный совет записку, подчеркнув в ней необходимость для Сербского княжества заняться сбором средневековых рукописей и документов: "Из письма высокопочтенного А.Симича следует, что со сбором этих древних рукописей медлить нельзя, и если в ближайшие десять лет положение не изменится, они будут безвозвратно утеряны: Попечительство просвещения считает, что это было бы непоправимой ошибкой, за которую теперешнее правительство несло бы ответственность перед потомками, и что наши и болгарские древние рукописи, как святяни и драгоценное достояние народа, надо собрать и сохранить"¹⁶.

Автором этих строк, также как и записки, направленной Попечительством просвещения в Государственный совет Сербии был видный сербский общественный и культурный деятель Йован Стерия Попович, возглавлявший в то время Попечительство просвещения. По его инициативе тогда были предприняты первые шаги для организации архива

Сербского княжества, как хранилища древних документов по истории сербского народа. Спустя два года он вновь призывал к сбору и сохранению древних документов и рукописей, представляющих большую ценность для изучения сербской национальной истории, только на этот раз он сделал это в Обществе сербской словесности, членом которой он являлся.

Однако предложение Попечительства просвещения, вынесенное на рассмотрение Государственного Совета Сербии, о том, чтобы как можно скорее предпринять шаги, направленные на соби́рание средневековых источников по истории сербского и южнославянских народов, не могло быть реализовано, так как оно не отвечало тогдашним материальным возможностям Сербского княжества. Сам факт, что это предложение было сделано в конце года, обрекало его на неудачу, так как бюджетные средства на 1845 г. были уже распределены, а Сербское княжество не настолько богато, чтобы иметь большие резервы. Поэтому ответ был следующим: рассмотрев предложение Попечительства просвещения, Государственный Совет решил начать сбор древних документов тогда, когда будут собраны необходимые для этой цели денежные средства¹⁸.

Между тем в середине 1846 г. непредвиденная случайность помогла А.Симичу найти исполнителя его предложения по сбору древних рукописей в монастырях и церквях Турецкой империи. В это время в Белграде находился живописец Димитрий Аврамович, который делал зарисовки фресок в белградских церквях; в своем письме от 6 июля 1846 г. в Попечительство просвещения он выразил готовность, "как в Сербии, так и в Боснии, Болгарии, Герцеговине, Далмации и везде, где живут сербы, точно и правильно зарисовать изображения святых сербских королей в церквях и монастырях, как вышеназванных земель, так и на Св.Афонской горе, чтобы затем с помощью литографии сделать их известными миру"¹⁹.

Это предложение Д.Аврамовича побудило Попечительство просвещения возобновить в Государственном совете свои

прошлогодние требования о сборе древних славянских рукописей в южнославянских землях Турецкой империи. К своему письму от 9 июля 1846 г. оно приложило и копию письма А.Симича, чтобы лучше аргументировать необходимость исследовательской деятельности по сбору древних рукописей и книг. На этот раз Попечительство просвещения в своем письме в Государственный совет еще сильнее, чем в прошлом году, подчеркнуло значение сбора источников для исторической науки: "Народные песни, заменяющие историю, вызывают у сербов особый восторг, также как и одежда, называемая народной, которую начали носить некоторые юноши; все это лишь внешнее отражение того, что носит название народности, но какой на самом деле была сербская одежда, какие подвиги сербы совершили, какие памятники носят следы силы, труда и величия сербского народа, неизвестно никому. Теперешнему правительству выпала честь снять это покрывало неизвестности, ибо в прежние бурные времена об этом нельзя было даже мечтать. Очень важно, чтобы наши потомки заботились об историческом наследии сербского народа, помня о том, что наши памятники придают им большую ценность, могут вывести их в чужие страны, тогда сербы будут сожалеть об этом, как сейчас сожалеют при мысли о том, что печать одного из сербских королей находится в Дании, в одном из музеев Копенгагена"²⁰. Автором этих строк также был Иован Стерия Попович.

На этот раз Государственный Совет поддержал требования Попечительства просвещения и выделил для путешествия Дмитрия Аврамовича на Св. Гору 150 австрийских дукатов. Между тем, Д.Аврамович в соответствии с ранее принятыми на себя обязательствами по отношению к монастырям Манасия и Раваница, должен был зарисовать еще несколько фресок, поврежденных временем, поэтому его путешествие на Св. Гору было отложено до весны 1847 года. Оставшееся до его отъезда время было использовано для подготовки этого важного начинания в соседних южнославянских землях Турецкой империи. Первый шаг в этом направлении пред-

принял белградский митрополит Петр Йованович, который от-
правил в монастыри Св.Горы, в том числе и в Хилендарский,
письмо, прося оказать Д.Аврамовичу помощь, чтобы он мог
успешно выполнить поставленную перед ним задачу по сбору
древних рукописей и документов; затем Попечительство ино-
странных дел попросило турецкие власти не мешать его пу-
тешествию на Св. Гору и не чинить ему никаких помех в
выполнении его задания на территории Турецкой империи.
Когда все эти приготовления для путешествия Д.Аврамовича
на Св.Гору были завершены, было сделано предположение,
что он может двинуться в путь 17 апреля 1847 года²¹. Мы
не располагаем точными данными о том, сколько времени
продолжалось его путешествие, но нам известно, что 17
июля 1847 г. белградский митрополит Петр Йованович полу-
чил от игумена Хилендарского монастыря письмо, в котором
тот сообщал ему о том, что Д.Аврамович приехал на Св.Го-
ру, и о том, как помогают ему в выполнении поставленной
задачи монахи различных монастырей, особенно – монахи из
монастыря Стефана Немани²².

Д.Аврамович оставался на Св.Горе почти все лето
1847 г. Кроме Хилендарского монастыря, он осмотрел и
другие монастыри, разыскивая древние славянские рукописи
и документы, относящиеся к начальному периоду славянской
культуры на Балканском полуострове – ко времени Кирилла
и Мефодия, а также – ко времени существования сербского
средневекового государства. Так как по образованию
Д.Аврамович был живописец, во время своего пребывания
на Св.Горе он сделал много зарисовок древних предметов
и изображений сербских государей, начиная со времени
Стефана Немани и дальше, до падения сербского средневе-
кового государства. К сожалению, мы не располагаем дан-
ными о том, что он посетил какие-нибудь места в Македо-
нии, чтобы и там собирать древние документы. В конце ле-
та 1847 г. Д.Аврамович покинул Св.Гору и в начале октяб-
ря возвратился в Белград.

По возвращении в Сербское княжество Д.Аврамович по-

дал 8 октября 1847 г. Попечительству просвещения краткий отчет, а затем, приведя в порядок материал, собранный на Св. Горе, 21 октября он подал уже более обширный отчет с приложениями. Приложения по непонятным причинам были позднее отделены от отчета и опубликованы самим автором. В отчете от 21 октября 1847 г. Д.Аврамович выражает сожаление, что во время своего путешествия ему пришлось столкнуться с большим количеством непредвиденных трудностей, помешавших выполнить поставленные задачи так, как он задумал: "Я имею честь сообщить высокодостойнейшему Попечительству, что мое путешествие принесло бы всем гораздо большую пользу, если бы на моем пути не воздвигались многочисленные препятствия как раз со стороны тех, кто, будучи обязанными сербскому народу и правительству, должны были помочь в этом деле, чтобы у меня не оскудели бы средства, особенно денежные, с помощью которых большую часть всех этих препятствий можно было бы преодолеть"²⁴.

Принимая во внимание те обстоятельства и условия, при которых Д.Аврамович путешествовал и собирал древние документы на Св.Горе, сербская общественность была очень быстро ознакомлена с результатами, которых он добился. Еще в конце 1847 г. в издании типографии Сербского княжества из печати вышла его первая книга под названием "Описание сербских древностей Святой (Афонской) Горы с XIII литографическими таблицами", в которой были опубликованы двадцать грамот сербских государей, начиная со времени Стефана Немани и далее, до падения сербского государства, и тринадцать списков древних рукописей из монастырей Св. Горы, а вторая - в 1848 году под названием "Святая Гора со стороны веры, искусства и истории".

Эти две книги мало различаются по своему содержанию. И в первой, и во второй опубликованы грамоты сербских царей, которые Д.Аврамович переписал на Св. Горе, а кроме того, в обеих книгах даны описи древних рукописей, находящихся в монастырях, которые он посетил. Различие

только в том, что первая книга издана за счет Сербского княжества, а вторая - за счет большого количества подписчиков из Сербии и всех сербских областей Австрии и Турецкой империи, чьи имена приводятся в конце книги.

Первые попытки Сербского княжества организовать сбор средневековых славянских источников в южнославянских землях Турецкой империи для изучения славянского культурного наследия времен Кирилла и Мефодия, предпринятые по совету В.И. Григоревича, хотя и не принесли ожидаемых результатов, вследствие того, что Сербия не располагала подготовленными научными кадрами, необходимыми для такого важного начинания. Все же спустя 2 года был начат систематический сбор средневековых славянских рукописей на территории Турецкой империи, когда главными специалистами по сбору рукописей стали Стефан Веркович и Йордан Хаджи Константинов-Джинот. С 1848 г. по 1876 г. Стефан Веркович в течение почти тридцати лет объезжал монастыри, церкви и города Македонии и собирал средневековые славянские источники, необходимые для изучения славянского культурного наследия и письменности на Балканском полуострове, сперва на деньги сербского, а затем - и русского правительства²⁵. Вслед за ним двинулся и македонец Йордан Хаджи Константинов-Джинот, который на деньги Общества сербской словесности, а также - сербского правительства, объезжал в Македонии и Старой Сербии древние церкви и монастыри и собирал в них древние рукописи, а собранные документы, представляющие большую ценность для изучения истории славянских народов, привозил в Сербию²⁶.

Примечания

1. Богдановић Д., Јурић В. и Медаковић Д. Хиландар, Републички завод за заштиту споменика културе. Београд, 1978, с. 198.
2. Гавриловић А. Словенска путовања, Београд, 1932, с. 158.
3. Богдановић Д., Јурић В. и Медаковић Д. Указ.соч., с. 198.

4. Српске новине. Београд бр., 65 од 16 августа 1846 године.
5. Српске новине, Београд, бр. 95, од 29 новембра 1846 године.
6. Џамбазовски К. Неки моменти из првих корака на прикупљањ у историјске грађе у Кнежевини Србији, Архивист, бр. 1 и 2. Београд, 1964, с. 179.
7. Поленаковиќ Х. Страници од македонската книжевност. Скопје, 1952, с. 44-53.
8. Тригоровиќ В.И. Очерки путешествия по Европейској Турцији. 2-е издание, Москва, 1877, с. 10.
9. Гавриловиќ А. Указ. соч., с. 163.
10. Архив Србије. Фонд Попечитељства просвете
- П.Одељење Ф.У. бр. 6I од 27 августа 1845 г.
11. Там же, бр. 6I 1845 г.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же, одељење Ф.У. бр. 6I, II, бр. 1096, од I септембра 1845 г.
17. Архив Србије, Фонд Попечитељства просвете, II одељење Ф. УI, бр. 6I, II бр. 1096, од I септембра 1845 г.
18. Архив Србије, Фонд Попечитељства просвете II одељење Ф. Ш, бр. 505, 1869 г.
19. Там же.
20. Архив Србије, Фонд Попечитељства просвете II одељење Ф.У. бр. 6I/1845 г. II бр. 82I од 9 јула 1846 г.
21. Архив Србије, Фонд Попечитељства просвете II одељење Ф. III, бр. 505/1869 г.
22. Там же.
23. Там же.
24. Описаније древности Српске у Светој (Атонској) Гори, са XIII литографираних таблица, Книгопечатна Кнежевина Србије. Београд, 1847 г.
25. Џамбазовски К. Културно-општествени врски на македонците со Србија во текот на XIX века. - ИНИ, Скопје, 1960, с. 24.
26. Џамбазовски К. Културно-општествени врски..., с. 37.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИХ СВЯЗЕЙ.
I-ая ТРЕТЬ XIX в. (ПО СТРАНИЦАМ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)

Давние традиционные связи России с Черногорией обусловили ранний интерес среди русского общества к черногорской тематике. Они создавали также благоприятную почву для развития общественных и культурных контактов. Немалую роль в пробуждении интереса российской общественности к Черногории играла так же героическая борьба ее небольшого, но мужественного народа, стойко противостоящего могущественной Османской империи. На эту тему был опубликован целый ряд книг и статей в русской прессе еще в XVIII в. Первой ласточкой в этом начинании явилась книга черногорского митрополита Василия Петровича "История Черногории"¹. И хотя автор, стараясь привлечь внимание русских людей к своей стране, несколько приукрасил черногорскую действительность, его книга оказала положительное воздействие в этом направлении. Но читающая публика пока еще могла почерпнуть мало сведений о Черногории из выходящих в России изданий.

В дальнейшем русская пресса стала уделять большее место в освещении черногорских сюжетов. Среди русских периодических органов прежде всего необходимо отметить литературный и научно-политический журнал "Вестник Европы", который начал издавать в 1802 г. в Москве Н.М.Карамзин. Это был первый русский журнал, где широко освещались вопросы внешней и внутренней политики страны, а также история и политическая жизнь зарубежных государств. В числе первых его публикаций о Черногории было описание "Жители области Монтенегро или черногорцы"². В нем приводились сведения о географическом положении страны и ее горном рельефе, обычаях и занятиях населения. Неизвестный автор писал, что черногорцы "... с твердостью и постоянством переносят все трудности и неудобства жизни и с беспример-

ною решительностью преодолевают встречающиеся препятствия... Подобно всем горным жителям, они страстно любят свободу и столь привязаны к своему отечеству, что для его спасения охотно жертвуют жизнью своею и именем".

Описывая вооруженное столкновение черногорцев в сентябре 1800 г. с многочисленным османским войском, автор дает высокую оценку черногорскому правителю Петру I Петровичу Негошу. Сей пастырь, утверждает он, одаренный великими душевными качествами, совершенствовал свои знания во время поездок в Италию, Австрию, Францию и Россию. И далее автор восхищается полководческим талантом Петра I Петровича, говоря, что он всегда находился там, где была большая опасность, одобряя своим громким голосом черногорцев и восстанавливая порядок, нарушаемый на некоторое время "иступленными турками". Наконец описание завершилось выводом: "Таким образом, черногорцы свергли с себя иго оттоманское и сделали совершенно свободными. Россия приняла на себя сполучительство в их независимости"³. Подобное первоначальное представление, не лишённое поверхностности и идеализации, в дальнейшем неоднократно повторялось на страницах периодической печати.

Значительный толчок к усилению интереса русской общественности к югославянским сюжетам дала экспедиция под предводительством вице-адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземное море. Сенявинская кампания в 1805-1806 г.г. на Адриатике, во время которой вместе с русскими войсками сражались черногорцы, бокельцы, герцеговинцы и другие югославы, способствовала появлению новых работ об этой слабой эпохе. Освещение этих знаменательных событий в русской публицистике интересно изложила в своем монографическом исследовании И.С.Достян⁴. Нам удалось найти новые сведения, расширяющие нарисованную ею картину.

О ходе военных действий в Далмации помещали информацию "Ведомости" в Петербурге и Москве и др. С началом боев в районе Дубровника в "С.-Петербургских ведомостях"⁵

было опубликовано донесение вице-адмирала Сенявина от 17 июля 1806 г., в котором сообщалось о присоединении к русскому экспедиционному корпусу 2-х тысячного черногорского войска, возглавляемого митрополитом Петром I Петровичем. В донесении указывалось, что русские солдаты под командованием майора Забелина вместе с черногорцами преградили путь французам к Боке Которской. В дальнейшем по согласованию Сенявина с Петром I Негошем было решено приступить к осаде Дубровника. Командование русскими частями стал осуществлять генерал-майор Вяземский. На протяжении всей кампании 1806 г. русско-черногорские силы успешно противостояли французской оккупации Боки Которской.

Новый редактор "Вестника Европы" М.Т. Каченовский решил дать читателям более полное представление о самих черногорцах, поместив в разделе "Политика" статью "Статистические известия о Черногорской области". В этой статье наряду с данными о географическом положении страны сохранились интересные сведения о жизни, нравах и обычаях населения. Так, указывалось, что основным занятием населения является скотоводство и земледелие, но своего хлеба ему хватает всего на три-четыре месяца. Говорилось также о слабом развитии народного образования и культуры - "немногие умеют читать и писать", что было естественно при таких тяжелых условиях военно-патриархального быта. Далее, при характеристике народных обычаев указывалось: кровная месть - "страсть наследственная". В этой публикации, как и в предшествовавшей, давалась высокая оценка черногорскому правителю, который отличается "строгой честностью, дарованиями и сведениями в делах политических" - так характеризовали его в журнале. И наконец указывалось, что Павел I наградил его орденом св. Александра Невского - высшей наградой России⁶.

В дальнейших публикациях в России немало страниц заняли события, связанные с русско-черногорским боевым содружеством. Сражаясь в 1806 г. вместе с черногорцами,

русские воины имели возможность ближе с ними познакомиться, а некоторые из них посетили Черногорию. Одним из первых инициаторов в освещении черногорских сюжетов явился майор Е.М.Марков. Он был связан дружескими узами с М.Н.Макаровым (оба они были уроженцами Рязанской губернии), последний собирал народные предания и публиковал небольшие историко-литературные статьи в московских периодических изданиях. Макаров проявлял большой интерес к Черногории, написав статью "О войне черногорцев с турками". Являясь участником сенявинской экспедиции, Марков долгое время находился в Неаполе и Дубровнике, непосредственно общался со многими черногорцами, вместе с которыми он сражался против наполеоновских войск в Далмации. Он полюбил их за добрый и благородный характер, о чем сам заявил в своем письме, направленном 2 мая 1817 г. Макарову. По его словам, "... черногорцы страстно преданы своей отчизне, они видят и знают только одни горы, любят их всего более на свете, умереть за них почитают первым благом".

Марков пишет, что хотел бы видеть в каком-нибудь периодическом издании статью о черногорцах, говоря, что черногорцы "так занимательны, так близки нам", то если бы смог, написал о них книгу. Марков обещал прислать славянскую или черногорскую песню и просил передать редактору "Вестника Европы" эти сведения и просьбу: "Хорошо было бы, если кто-нибудь, вспомнив о друзьях моих черногорцах, захотел описать их! ..."7

Макаров переслал его письмо М.Т.Каченовскому, под редакцией которого с 1815 г., продолжал выходить "Вестник Европы". В своем письме от 18 мая 1817 г. он просил редактора опубликовать сведения, сообщаемые Марковым, чтобы напомнить нашим соотечественникам, имевшим какие-либо контакты со славянами Дубровника и черногорцами, о необходимости опубликовать свои впечатления - "многое любопытное и до сего времени почти неизвестное"8.

Каченовский поместил в журнале отрывок из письма Маркова и письмо Макарова. Забегая вперед, укажем, что

как-только в 1820 г. вышла из печати книга французского ученого Виаля де Соммьер о Черногории, в "Вестнике Европы" был воспроизведен из нее отрывок под названием "О торжественном обряде примирения у черногорцев"⁹. В нем рассказывалось как состоялось примирение между двумя черногорскими семьями. Таким образом по старинному обычаю в Черногории происходило прекращение кровной мести.

Марков выполнил свое обещание, предоставив для публикации свои записи, но это была не черногорская, а две славянские песни: "Владислав и Людмила" и "Князь славянский в плену"¹⁰. Первая песня – обращение девушки с мольбами к своему возлюбленному о замужестве. Во второй говорится о славянском князе, попавшем в плен к "варварам" и тоскующем по "родинной стороншке", красавице-жене и детушкам. Макаров опубликовал эти песни в "Вестнике Европы", отметив в примечании, что они "списаны почти слово в слово" с современных черногорских песен. Причем, предоставив их для публикации, Марков сказал о черногорцах: "Их песни не сочиняются, а поются весьма просто без всякого приготовления. Содержание их состоит из происшествий минувших и настоящих, точно виденных или слышанных. Храбрость и добродетели воспеваются старыми бардами славянскими и черногорскими: народ садится в кружок и слушает в глубоком молчании монотонный голос бардов, сопровождаемый звуком однострунной лиры!..."

Как бы в ответ на призыв майора Маркова почти одновременно в Петербурге были опубликованы в 1818 г. две книги участников сенянской кампании: "Воспоминания на флоте" П.П.Свиньина и "Записки морского офицера" В.Б.Броневского¹¹. Вместе с тем в июле того же года историко-литературный и политический журнал "Сын отечества" начал публикацию "Описание Черногории" – извлечение из книги Броневского¹². Следует иметь в виду, что это издание, являясь одним из лучших русских журналов (до 1825 г.), пользовалось большой популярностью среди просвещенной публики страны. Основатель журнала Н.И.Греч выразил

благодарность Броневскому "за украшение" его статьей, отметив, что "донныне ни на одном языке не описана сия любопытная земля, обитаемая единоверным с нами народом"¹³.

Записки Броневского интересны тем, что ему удалось использовать разнообразные материалы. Благодаря дружескому расположению адмирала Сенявина он получил доступ ко многим ценным документам, некоторые из которых ныне утрачены. Кроме того, как это удалось доказать И.С.Достян, при составлении "Описания Черногории" Броневским была почти целиком воспроизведена рукопись С.И.Мазаровича (уроженца Боки Которской), который в 1807 г. вместе с эскадрой Сенявина отправился в Россию, где поступил на службу в Министерство иностранных дел. Автор широко использовал также сведения, полученные от генерал-майора П.И.Ивелича, архимандрита И.Вукотича и других лиц¹⁴.

Броневский, выполняя распоряжение Сенявина, ездил в Черногорию, где пробыл три дня. Он следующим образом описывает оказанный ему прием: "... я должен был обойти 20 дворов и везде непременно есть или по крайней мере всего ответить. При входе и выходе из дому я должен был перещеловать все семейство, а если я дарил ребенка кусочком сахара, то все целовали меня. Наконец перещеловав по несколько раз всю деревню, мне подвели лошака, посадили, пожелали доброго пути и начали стрелять"¹⁵.

При первом же знакомстве с черногорцами Броневский был пленен их гостеприимством. В своей книге он с восхищением отзываясь также об их патриотизме и доблестных качествах: храбрости, находчивости, выносливости и пр. Благодаря этим качествам, утверждает автор, черногорское войско зачастую имело преимущества над регулярными французскими частями. Во время боев черногорцы и русские приходили друг другу на выручку. "Офицеры наши, — пишет он, — будучи всегда впереди, показали себя достойными сподвижниками Суворова. Черногорцы соревновались нашим солдатам... Русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовали"¹⁶.

Как и автор "Записок морского офицера", Свиньин восхищается доблестью и храбростью черногорцев, проявленные ими в борьбе против наполеоновских войск. Вместе с русскими солдатами они бросались в атаку на вражеские орудия и вносили в ряды неприятеля сметение и страх, обращая его в бегство. Свиньин также отмечает, что черногорцы в плен не сдавались, а если некоторые из них оказывались в плену, то большинство лишало себя жизни, "разбивая себе головы о камень или умирая с голоду"¹⁷.

Вместе с тем на страницах обеих книг проходит тема о мессианской роли России. Авторы много рассказывают также о любви и привязанности черногорцев к России, об их дружбе с русскими. Черногорские воины вместе со своими ранеными выносили с поля боя русских солдат и офицеров. Автор "Записок" отметил маневренность черногорского войска, умение предпринимать "суворовские марши" и переносить любые трудности. Следующим образом он характеризовал основной тактический прием черногорцев: если неприятель силен, то они жгли свои села, заманивали его в горы, окружив, нападали с отчаянной храбростью. Свиньин дополнил наблюдения Броневского интересными деталями, заметив, что черногорцы, однако, нуждались в организации своих сил, поэтому Сенявин занялся наведением среди них порядка и воинского устройства¹⁸.

Вместе с тем у Броневского создалось идеализированное представление о черногорском обществе. Так, он восклицает: "Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы". Он восхищается образом жизни черногорцев, неиспорченностью их нравов, отсутствием всякой роскоши. И он сравнивает патриархальный уклад черногорцев с далекой жизнью своих предков времени "храброго князя Святослава"¹⁹. Идеализация черногорской жизни была свойственна в дальнейшем и славянофилам. Так, идеолог славянофильства сравнивал черногорское общество с военным лагерем, где все воины равны²⁰. Но все же у Броневского наблюдался и более реалистический под-

ход к освещению черногорской действительности. Автор "Записок" отмечает "дикость" характера черногорцев, жестокость их нравов, проистекающих от необразованности. И далее, говоря об отставании Черногории от таких экономически развитых стран как Швейцария, Голландия и др., он заключает: "Черногорцы, будучи свободны и независимы, вечно стоя на страже своей вольности, не знают благосостояния". В связи с этим он говорит о необходимости развития в Черногории земледелия и торговли, а для этого, — продолжает он, — существует "необходимость преобразования своего правления и своих нравов"²¹.

Воздавая должное заслугам Петра I Негоша, опытному полководцу и дальновидному политику, Броневский, однако, выражает сомнение в успешном осуществлении преобразования страны, так как черногорский правитель, — указывает он, — "не имеет довольно сил предпринять столь важное преобразование". В связи с этим он высказывает надежду на возможность оказания в этом деле поддержки со стороны России. Броневский напоминает, что среди черногорцев имеются просвещенные люди, многие из которых находятся на русской службе, но они не пожелали вернуться на Родину²².

Следует отметить важность постановки такого вопроса. После ухода в августе 1807 г. эскадры Сенявина из Адриатики Черногория оказалась в тяжелом положении, оставшись одна перед натиском наполеоновской Франции, которая захватила Боку Которскую,

Наполеон Бонапарт поставил своей целью подчинить французскому влиянию Черногорию. Но Петр I Петрович навсегда остался другом России. Несмотря на щедрые обещания, а затем и угрозы со стороны военного губернатора Далмации генерала Мармона черногорский митрополит не захотел изменить русскую ориентацию и решительно отказался от установления тесных контактов с наполеоновской Францией²³. В 1808 г., когда во время встречи с ним французский генерал позволил себе непочтительно отозваться о русском народе, то Петр I заявил ему: "Прошу, генерал,

не трогайте моей святыни и знаменитой славы величайшего народа, которого и я тоже верный сын; русские не враги наши, но единственные и единоплеменные нам братья, которые имеют к нам такую же горячую любовь, как и мы к ним»²⁴.

Таких суждений в то время придерживались очень многие в Черногории²⁵. Немаловажное значение для этого имела создавшаяся внешнеполитическая обстановка, в которой оказались черногорцы, теснимые с двух сторон - Турцией и Австрией. Усилия, затраченные Черногорией в борьбе за достижение выхода к морю и присоединение Боки Которской не увенчались успехом. Как известно, последняя решением Венского конгресса была передана под власть Габсбургской монархии. Однако затем надежда вернуть Черногории эту славянскую область не покидала ее государственных деятелей, которые неоднократно обращались за поддержкой в разрешении этого вопроса к России²⁶. Но прошло много времени, пока эта мечта осуществилась (в 1918 г.). Законное требование Черногории встречало понимание со стороны российской общественности. На страницах русской прессы неоднократно высказывались упреки в адрес своей дипломатии, не сумевшей отстоять для Черногории Боку Которскую²⁷.

В дальнейшем в Черногории предпринимаются усилия в деле организации государственного порядка и развития просвещения и культуры. В это время в стране не было ни одной светской школы. Единственно грамотными людьми были священники. Естественно, что при таких условиях была велика роль монастырей, которые стали хранителями самобытной народной культуры. Ученики обучались по церковным книгам, которые присылались из России. Таким образом русская книга становится в Черногории первым учебником. Петр I Негош стал собирать библиотеку, большинство книг в которой было на русском языке.

Создание в стране государственного аппарата потребовало денежных затрат. Ранее эти расходы погашались за счет установленной Россией государственной субсидии (в

1788 г. в размере I тыс. червонцев золотом). Но ликвидация консульства в Дубровнике, которое осуществляло пересылку денег в Цетинье, привела к прекращению в 1807 г. выдачи этой субсидии Черногории. Как это установлено теперь Л. Кузьмичевой, российское министерство финансов продолжало отчислять эти деньги, которые оставались без движения, как не востребоваанные.

В условиях почти непрерывной борьбы с Османской империей и враждебной позиции, занятой Австрией, митрополит Петр I Петрович неоднократно поднимал вопрос перед царским правительством о возмещении Черногории убытков, понесенных в войне с наполеоновской Францией, и продолжении выплаты государственной субсидии. Но при международной обстановке, сложившейся после 1814 г., Александр I не решился удовлетворить эти просьбы из опасения вызвать недовольство Австрии — своего партнера по Священному союзу. Только в 1825 г. была восстановлена субсидия²⁸. В это трудное для Черногории время участие в ходатайстве по черногорскому делу принял и адмирал Сенявин, который был связан дружескими узами с Петром I Негошем, возникшими в период совместной борьбы против французов. В апреле 1828 г., сообщая Сенявину о тяжелом положении Черногории, митрополит просил оказать ей содействие в установлении "открытого и действительного покровительства" России²⁹. В прежние годы Сенявин никогда не отказывал в просьбах своим союзникам — черногорцам и бокельцам о присылке денег или боеприпасов, хотя и сам испытывал в них острый недостаток. И на этот раз Сенявин обратился с письмом к Николаю I относительно просьбы Черногории о покровительстве³⁰.

Николай I, который был склонен к более активным действиям в балканской политике, решил по примеру своих предков восстановить покровительство Черногории, хотя на первых порах поступал осторожно. В августе 1828 г. К. В. Нессельроде направил послу в Вене Д. П. Татищеву распоряжение о передаче Черногории 3 тыс. дукатов, но так,

чтобы не вызвать недовольства у австрийского двора. Он указал, что Россия не может открыто оказывать покровительство Черногории³¹.

Дело по укреплению Черногорского государства было продолжено Петром II Петровичем Негошем (1830-1851). Он свято следовал завещанию своего предшественника - никогда не отступать от покровительства и надежды на "единородную и единоверную нам Россию"³². 30-50-е годы явились периодом дальнейшего развития общественных и политических связей между Россией и Черногорией.

Примечания

1. История о Черной Горе. М., 1754.
2. Вестник Европы. М., 1805, № 7, с. 240-249. (Далее - ВЕ).
3. Там же, с. 249.
4. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980, с.150-159.
5. С.-Петербургские ведомости, 1806, 24 июля, № 59, с. 664-665.
6. ВЕ, 1807, ч. 36, с. 145-148. См. также: Достян И.С. Русская..., с. 136.
7. ВЕ, 1817, с. XCIII, с. 73-74.
8. Там же, с. 72.
9. Там же, 1821, ч. II9, № 14, с. 130-136.
10. Там же, 1823, № 9, с. 24-25.
- II. Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818-1819, ч. I-3; Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818-1819, ч. I-4.
12. Сын отечества, 1818, ч. 49, № 27-31.
13. Там же, № 27, с. 17.
14. Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземное море. - Соч., т. X, М., 1959, с. 47; Достян

- И.С. Русская..., с. 154.
15. Броневский В.Б. Записки..., ч. I, с. 191.
16. Там же, ч. 2, с. 20-21.
17. Смирнин П.П. Воспоминания на флоте, ч. I, с. 218.
18. Броневский В.Б. Записки..., ч. I, с. 266-267.
19. Броневский В.Б. Записки..., ч. I, с. 192-193, 250, 295.
20. День, 1862, 13 октября.
21. Броневский В.Б. Записки, ч. I, с. 296-300.
22. Там же, с. 300; Достян И.С. Русская..., с. 156-157.
23. Бакич Д. Черногория под управлением владык. - ЖМНП, 1878, август, с. 246; ВПР, 1965, т. IV, с. 602-603.
24. Ширяев Н. Россия и Черногория. Исторический очерк. 1485-1889. СПб., 1889, с. 53-54; Тарле Е.В. Экспедиция..., с. 271.
25. Тарле Е.В. Экспедиция..., с. 271.
26. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., с. 182.
27. П.А.Ровинский. Отношения между Россией и Черногорией при владыках (по новым документам). - ЖМНП, 1885, ч. ССXXXIX, с. 185-186.
28. Формирование..., с. 180-181.
29. АВПР, ф. ГА У-А₂, д. 685, л. 13-14. Петр I - Д.Н.Сенявину, 25 апреля 1828 г.
30. Там же, л. 9-9об. Д.Н.Сенявин - Нессельроде, 13 сентября 1828 г.; л. 14-14об. Он же - Николаю I, 13 сентября 1828 г.
31. Там же, л. 7-7об. К.В.Нессельроде - Д.П.Татищеву 22 августа 1828 г.
32. Драгилевич Р. Тестамент митрополита Петра I. - Исторически записи, 1949, св. 5-6, с. 243.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стоянчевич В. Россия и аграрные движения в южнославянских землях до 1850 г.	3
Никифоров К.В. Деятельность российской дипломатии в Сербском княжестве после прихода к власти уставобранителей	28
Карасев А.В. Эволюция великосербской внешнеполитической программы в 40-60-х гг. XIX в. ..	51
Младенович А. Русскославянский язык у сербов в первой половине XIX в.	60
Булатова Р.В. Вклад российской славистики в разработку важных проблем сербскохорватского языкознания XIX в.	69
Павич М. "Сербские песни" А.С. Пушкина	89
Добрашинович Голуб. Россия в жизни и деятельности Вука Караджича	99
Овакмян А.А. Армяно-сербские общественно-культурные отношения в XVIII-первой половине XIX в.	123
Дямбазовский К. Влияние путешествия Виктора Григоровича на сбор и изучение средневековых источников югославян	147
Хитрова Н.И. Из истории русско-черногорских связей. I-ая треть XIX в. (по страницам русской печати)	161

Сборник подготовлен к печати
в Редакционно-издательской группе ИСБ РАН

Национальное возрождение балканских народов
в первой половине XIX века и Россия.

Сб.ст.ч.П. - М., Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1992, 173 с.

Подписано в печать 10.12.92. Формат бумаги
60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл.печ. л.10,0.

Тираж 100 экз. Заказ № 7.

Цена договорная

Отпечатано на ротапринте ВНИИстатинформа
Госкомстата РФ

